

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

4/2022

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Правовое будущее России.
 Часть 2. Цивилизационный выбор 5
- Берг Л. Н. (Екатеринбург)* Формирование междисциплинарной
 правовогономной концепции 27

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Иванова Е. А., Соломеина Е. А., Хрущелева Т. С., Шереметова Г. С. (Екатеринбург)*
 О противодействии злоупотреблению процессуальными правами
 при использовании медиации как примирительной процедуры 36
- Селькова А. А. (Екатеринбург)* Групповые иски по трудовым спорам
 в контексте движения #MeToo: исследование судебной практики
 в зарубежных юрисдикциях 45

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Белозерова К. А. (Екатеринбург)* Формальный подход к оценке занятости
 как фактор неэффективности мер защиты от безработицы 57

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Шебунова Е. Д. (Москва)* К проблеме законодательного закрепления
 принципа участия граждан в бюджетном процессе 65
- Рот Л. Г. (Новосибирск)* Народная медицина и права пациента 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Мотревич В. П. (Екатеринбург)* Иностранцы военнопленные в Союзе ССР
 в годы Второй мировой войны (по материалам рассекреченных постановлений ГКО) 80

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* The legal future of Russia. Part 2. Civilizational choice5
Berg L. (Yekaterinburg) Formation of an interdisciplinary genomic legal theory..... 27

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Ivanova E., Solomeina E., Khrushcheleva T., Sheremetova G. (Yekaterinburg)*
 On countering the abuse of the procedural rights
 while using mediation as a conciliation procedure.....36
Selkova A. (Yekaterinburg) The employment related class actions in the context of #MeToo:
 a study of judicial practice in foreign jurisdictions.....45

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Belozeroва K. (Yekaterinburg)* The formal approach to evaluation of employment
 as a factor of inefficiency of measures to protect against unemployment57

ECONOMICS AND LAW

- Shebunova E. (Moscow)* On the problem of legislative consolidation
 of the principle of citizens' participation in the budgetary process..... 65
Rot L. (Novosibirsk) Traditional medicine and patient's rights73

PAGES OF HISTORY

- Motrevich V. (Yekaterinburg)* Foreign prisoners of war in the USSR
 during the Second World War (based on the materials
 of declassified State Defence Committee resolutions)80

ПРАВОВОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ Часть 2. Цивилизационный выбор

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В первой части статьи были исследованы два основных подхода к пониманию перспектив правового развития России, сформулированные в современной отечественной юридической литературе («западный» и «восточный» правовые пути). Во второй части статьи излагается авторская позиция в отношении цивилизационного выбора России, анализируются исходные социальные, культурные предпосылки, а также возможные сценарии правового развития страны, факторы, способствующие и препятствующие ее социально-правовому прогрессу. Критически переосмысливаются некоторые базовые представления о правовом прогрессе, сформировавшиеся в рамках западной правовой традиции. С учетом национально-правовых особенностей России, ее исторического опыта предлагаются иные, отличные от существующих в европейской культуре ценностно-правовые ориентиры, основанные не на идее автономии, социального обособления субъектов, а на их правовой связи, взаимодействии. Обсуждаются альтернативы западным концепциям совмещения политики и права, демократического правового государства и индивидуалистической собственности.

Ключевые слова: правовое будущее человечества, цивилизационный выбор, правовой прогресс, правовой регресс, тенденции правового развития

Для цитирования: Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 2. Цивилизационный выбор // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 5–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_5.

THE LEGAL FUTURE OF RUSSIA Part 2. Civilizational choice

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

In the first part of the article, two main approaches to understanding the prospects for the legal development of Russia, formulated in modern domestic legal literature («western» and «eastern» legal ways), were investigated. The second part of the article presents the author's position on the civilizational choice of Russia, analyses the initial social and cultural prerequisites, as well as the possible scenarios for the legal development of the country, the factors contributing to and hindering its socio-legal progress. Some basic ideas about legal progress formed within the framework of the Western legal tradition are critically rethought. Taking into account the national-legal features of Russia, its historical experience, the author proposes the value-legal guidelines that differ from those existing in European culture and are based not on the idea of autonomy, social isolation of subjects, but on their legal connection, interaction. Alternatives to the Western concepts of combining politics and law, democratic rule of law and individualistic property are discussed.

Key words: legal future of mankind, civilizational choice, legal progress, legal regression, trends in legal development

*For citation: Arkhipov S. (2022) The legal future of Russia. Part 2. Civilizational choice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 4 pp. 5–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_5.*

В своей истории Россия несколько раз находилась на цивилизационной развилке, когда страна была вынуждена делать судьбоносный выбор, определяющий ее социальное будущее. Сегодня политическое, экономическое и военное противостояние России Западу достигает состояния цивилизационного разрыва, когда дилемма «Восток – Запад», «Быть или не быть частью западного либо восточного мира» вновь актуальна для российского государства и общества. Не в условных «красных линиях» или разделе сфер политического влияния, в экономических ресурсах или достижении иных меркантильных целей заключен смысл данного противостояния, а в самой возможности, в праве России определять свою судьбу, не зависеть от мирового гегемона, решать, с кем ей быть, в какой системе культурных ценностей существовать. Речь идет не только о суверенном политическом, но и о правовом выборе народа, об определении правового вектора развития российского общества.

Цивилизационный выбор предполагает исходные социальные, культурные предпосылки. Нередко в литературе культурные традиции, а также социальные ориентиры народа противопоставляются прозападным устремлениям российской элиты. «Восточный» русский народ в этом представлении оказывается заложником иной ориентации своих «поводырей». На наш взгляд, данная схема нуждается в уточнении. Действительно, со времен Петра Первого российская элита, дворяне «открыли окно в Европу», получили доступ к качественному европейскому образованию, а вместе с ним усвоили и западную систему социально-правовых ценностей. Декабристы не только говорили, писали, но и мыслили «по-французски», понятиями, категориями, идеями Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, других философов и правоведов эпохи Просвещения¹.

Однако западные реформы затронули не только «верхние» слои общества, они проникли вглубь, в народные массы, в общественное сознание; культурная пропасть между элитой и народом постепенно преодолевалась. За триста лет Запад соединился с Востоком внутри каждого представителя русского народа. Степень проникновения западной культуры в сознание и быт разных этносов России различная, но эти две половины уже давно сосуществуют. Идеологические попытки «очистить» Россию от всего прозападного или вытравить «остатки Востока» – это уже не просто борьба двух противоположных точек зрения, научных или философских школ, конкурирующих идеологий, а почти анатомическая операция по разделению культурной плоти русского человека на две половины.

Главным следствием западных социально-правовых реформ в России стал модифицированный культурный код народа, и теперь он двухэлементный – западно-восточный. Проблема, на наш взгляд, не в том, что Запад проник в наше сознание, а в том, что «восточная» и «западная» его половины противостоят друг другу, внешний цивилизационный конфликт стал внутренним. Индивидуальное сознание оказалось расколотым на две противоборствующие части, которые не могут «договориться». Отсюда одна из важнейших задач дальнейшего социально-правового развития страны – совмещение этих «культурных антиподов» доступными правовыми средствами.

Другая важная проблема, с которой столкнулись в основном приверженцы традиций Востока, – это нахождение исходного «семени» социально-правового прогресса в культурно-историческом фундаменте России. В каком культурном слое его искать: в Киевской Руси, в периоде татаро-монгольского завоевания, в Русском (Московском) централизованном государстве конца XV – начала XVIII в., в Российской импе-

¹ О влиянии французской политической мысли на декабристов см., например: *Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002.*

рии или в Советском Союзе? Может ли выступить такой исходной предпосылкой для социально-правового прогресса традиционный общинный уклад, коллективистское сознание, православие, централизованное государство византийского типа или институты монархии, самодержавия, Советов?

Если для народников ростком будущего мироустройства России являлась русская община, то для евразийцев она уже представлялась в качестве фрагмента безвозвратного исторического прошлого, архаичным элементом прежнего русского быта. Как писал в 1921 г. в предисловии к первому сборнику статей евразийцев П. Н. Савицкий, «мы не разделяем взгляда народников на общину как на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежит и которой... должно принадлежать экономическое будущее России. Как раз в области экономической существование России окажется, быть может, наиболее „западническим“»¹. Не видели евразийцы также исторической перспективы дальнейшего развития экономического коллективизма, отдавая предпочтение «суверенной личности», принципу индивидуализма в сфере предпринимательских отношений.

По нашему мнению, не может выступать в качестве исходной предпосылки для правового прогресса России и православие. Как уже отмечалось в первой части статьи², не стоит «переходить Рубикон», разделяющий религию и право, признавать православие официальной государственной идеологией, как предлагают некоторые авторы³, поскольку такой шаг приведет не к сплочению народа, а к религиозному расколу, будет иметь разрушительные последствия для единства и территориальной целостности государства. Еще более сомнительными представляются перспективы возрождения в стране института монархии, восстановления утраченного в XX в. патриархального чувства кровнородственной связи потомков со своим «прародителем». Современная Россия больше нуждается в укреплении нравственно-правовых основ, чем в возрождении забытых монархических чувств.

Также едва ли в качестве основы будущего государственно-правового устройства России может выступать заимствованная российскими монархами в XV в. у Константинополя византийская модель государства, для которой характерны высокая степень централизации власти; элементы деспотического правления; признание императора-самодержца наместником Бога на Земле; отсутствие каких-либо правовых ограничений его властных полномочий; православие как официальная религия; коррумпированная бюрократия. Как отмечал К. Н. Леонтьев, Россия унаследовала у Византии почти все, «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом», «для силы России необходим византизм»⁴. Несмотря на некоторое преувеличение российским революционным мыслителем роли Византии в нашем государственном устройстве (по мнению евразийцев, русские многое заимствовали и от империи Чингисхана), следует признать, что данная форма государства прочно укоренилась в российской политической почве, а отдельные ее элементы, можно предположить, перешли «по наследству» Советскому государству и, возможно, будут востребованы в ближайшем будущем.

На наш взгляд, сама идея погружения в историческое прошлое в целях поиска готового «строительного материала» для созидания будущего социально-правового мира является методологически порочной. Она не учитывает фактор времени, динамику исторического процесса, эволюцию общества, социальных отношений. Будущее

¹ Савицкий П. Н. Предисловие // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 27.08.2022).

² Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 17–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

³ Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. С. 271–272.

⁴ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. С. 29, 46. По его убеждению, «византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы» (Там же. С. 22).

предполагает прошлое, но не в статике, в неизменном состоянии, а в своем развитии. Сторонники готовых исторических форм игнорируют известный тезис, сформулированный еще Гераклитом Эфесским: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии». Сложившиеся сотни лет назад социальные институты, формы хозяйственной и политической жизни возникли на другом общественном фундаменте, им соответствовал иной тип сознания, другой генетический код народа. Без критического переосмысления, переработки применительно к новым условиям жизни, иным общественным вызовам их невозможно перенести на современную почву.

Цивилизационный выбор должен основываться на существующей в данный период социальной структуре. Он предполагает наличие социальных сил, заинтересованных в осуществлении судьбоносных решений, готовых к кардинальным общественным преобразованиям и способных повести за собой инертное большинство. В западном мире такой социальной силой, которая возглавила борьбу за правовые идеалы свободы, равенства и справедливости, была буржуазия. Что касается постсоветской России, то на момент распада СССР в стране не существовало ни буржуазии, ни дворянства, ни кулачества. Не было той естественной среды, которая имела в странах Запада, вместо нее в результате целенаправленной политики «экспроприации экспроприаторов» была создана неизвестная новейшей истории социальная общность без эксплуататорских классов, так называемое бесклассовое общество.

Сторонники как западного, так и восточного пути развития России не всегда учитывают, что главными носителями социально-правовых ценностей, идеалов выступали именно те классы, которые стали жертвой революционной стихии. Буржуазия и либеральная интеллигенция были главной социальной базой для западных реформ, значительная часть дворянства и консервативная интеллигенция поддерживали восточный вектор развития. В русской культуре, как отмечал Н. С. Трубецкой, можно выделить верхи и низы¹. Низы – это народная, массовая культура, верхи – достояние господствующей части национального целого. Культурные ценности народных масс сравнительно элементарны, обезличены; ценности верхов сложнее, они соответствуют более требовательным вкусам. Между верхом и низом существуют обмен, взаимодействие, но возможен и культурный разрыв.

Если взять за основу идею автора о разграничении верха и низа культуры, то правовые ценности следует отнести скорее к верху, чем к низу. Поскольку право – это мир духа, рационального сознания, то оно формируется при непосредственном участии правящих классов. Как утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»². Вместе с «канувшими в лету» правящими дореволюционными классами постсоветская Россия утратила исходный социальный базис правовых реформ. Нет тех социальных сил, которые их генерировали, отстаивали, боролись за их осуществление. Хотя в народном сознании эти мысли и оставили свой культурный след, но без их творцов, инициаторов их практического воплощения они перестают быть духовной силой, способной преобразовать мир. В современной России только зарождается средний класс, способный выражать и отстаивать правовые идеалы, он еще не стал той господствующей политической силой, которая определяет вектор социального развития.

Сегодня судьбоносный выбор страны осуществляется не народом, не господствующими классами или «трудящимися массами», а весьма узкой группой людей – правящей российской элитой, которая не соответствует традиционным представлениям о национальных элитах. Ей недостает способности к управлению государством, высокой внутренней культуры, национальной самоидентификации, патриотизма, ответственности, профессионализма и т. д. По мнению С. Е. Кургиняна, уже с начала

¹ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-NST-verxi> (дата обращения: 27.08.2022).

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 45.

1990-х гг. происходит процесс «истления» российской элиты¹. Она развалила Советский Союз, не знает, что делать с Россией, неспособна осуществить рациональный цивилизационный выбор. Она стремится войти в западный мир, стать его частью, но Запад ее не принимает, она ему, как и в целом Россия, не нужны. С началом специальной военной операции на Украине «окно в Европу» для нее окончательно закрылось, впереди – цивилизационный тупик.

В отличие от западных национальных элит, наша политическая элита является самоназначенной. Она не вызревала в «национальном организме» в процессе длительной селекции, естественного отбора лучших представителей народа, не прошла историческую школу нравственного и интеллектуального созревания. У нее «вирусная» природа, она одна из причин болезненного разложения Советского государства, его распада. В Советском Союзе была идеологическая элита, когорта верующих в идеалы коммунизма и стремящихся их претворить в жизнь, но была и паразитирующая на государственном теле номенклатурная бюрократическая прослойка, руководствующаяся вполне «земными», меркантильными интересами.

М. С. Восленский, исследуя феномен советской номенклатуры (которую он определял как господствующий в СССР класс), смешал эти две принципиально разные по своему «духу» и роли в обществе группы². На наш взгляд, между ними есть существенное различие: одни пришли преобразовать мир в соответствии со своими идеалами, другие – карабкаться по карьерной лестнице. С угасанием веры в торжество коммунизма «вирусная» бюрократическая прослойка все больше увеличивалась, набирала силу. После самораспада СССР, произошедшего не без ее участия, ей почти без борьбы досталась значительная доля «общенародной собственности». Ей не пришлось генерировать новые сверхидеи, писать программы государственных преобразований, решать вопросы национального самоопределения. Социальный паразит, поглотивший своего прежнего хозяина, перебрался в тело его правопреемника, объединился с возникшими в результате имущественного раздела Советского государства олигархическими кланами и по-прежнему правит страной, но уже без надоевшей ему когорты верующих в светлое будущее страны, без «национальной идеи», без прочих идеологических «излишеств».

Для российской прозападной элиты «закрытие Европы» чревато тем, что она будет вытеснена за политический горизонт другой зарождающейся социальной силой – контрэлитой, отстаивающей идею восточного пути развития. Если сторонники западных ценностей еще недавно мечтали о единой Европе от Лиссабона до Владивостока, то их восточные оппоненты, возможно, уже скоро сформулируют новый тезис: Россия от Атлантики до Тихого океана.

Важную особенность формирования России как особой цивилизации отметил в своих трудах известный английский историк А. Тойнби. Определяющим для русской цивилизации, по его мнению, стал фактор «непрерывного внешнего давления», начавшегося в 1237 г. нашествием монгольского хана Батыя; он обусловил «эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации»³. Действительно, для России фактор давления внешней среды всегда имел особое значение: татаро-монгольское нашествие, шведские крестовые походы (XII–XIV вв.), польско-литовская интервенция (1609–1618 гг.), вторжение армии Наполеона (1812 г.), германская оккупация (в период Первой и Второй мировых войн), холодная война с Западом. В долгой и кровопролитной борьбе с внешними врагами Россия выработала свой цивилиза-

¹ Кургинян С. Е. Политические элиты в современной России – актуальные вызовы // Центр консервативных исследований. 2008. 25 окт. URL: <http://konservatizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (дата обращения: 27.08.2022).

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. Лондон: OPI, 1990. В основе данной работы лежит ранее высказанная М. Джиласом идея о том, что в СССР сформировался новый господствующий класс – политическая бюрократия, ядром которой стала партия большевиков, а Сталин – его создателем; партия постепенно деградировала, превращаясь в олигархию нового класса; класс стал сильнее, партия – слабее; новый класс владеет, пользуется и распоряжается общественной собственностью, ему она принадлежит, он настоящий собственник всего общественного достояния. См.: Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. С. 52–87. URL: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (дата обращения: 27.08.2022).

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 140.

ционный ответ – жесткое централизованное государство византийского типа. Для страны это своего рода спасительный панцирь от внешних угроз, в основе которого лежит сформированный веками защитный инстинкт народа, отстаивающего свою независимость.

Внешняя агрессивная среда оказала существенное воздействие на выбор форм государственного устройства, политику Российского государства, на общественный быт и сознание народа. Однако, на наш взгляд, не менее важными для цивилизационного выбора народа являются внутренние условия социальной жизни. Речь идет о тех социальных силах, которые существуют в обществе, способны оказывать решающее воздействие на его политическую и правовую системы, на государство, а также о национальном составе, религиозных основах, исторических традициях народа. Две крупнейшие социальные катастрофы России XX в. (крушение Российской империи в 1917 г. и распад Советского Союза в 1991 г.) дают основания полагать, что игнорирование данного фактора несет угрозу окончательного разрушения нашей цивилизации.

Инициаторы социальных преобразований в России, начиная со времен Золотой Орды, по вполне понятным причинам стремились создать систему жесткой, централизованной вертикали власти, сохраняя при этом общинный уклад, коллективные формы собственности. Но постепенное расширение государственных границ, вхождение в состав России новых народов существенно изменили внутреннюю среду. Она перестала быть однородной, целостной; присоединение народов Урала, Кавказа, Сибири, Аляски, Средней Азии, Финляндии, Польши требовало переосмысления цивилизационной стратегии. Ответом на «вызов новой среды» стало создание империи и предоставление отдельным анклавам (Польше, Финляндии) относительной правовой автономии. Однако эти меры не придали устойчивости, прочности существовавшей конструкции государственной власти; скорее, наоборот, они начали ее расшатывать. Еще более опасным маневром для монархической власти стал демонтаж общинного уклада, в результате чего был разрушен фундамент монархического строя, его социальная основа и произошел закономерный крах Российской империи.

Империю, как показывает исторический опыт, тяжело создать, но еще тяжелее сохранить. Расширение границ государства за счет других этносов, народов приводит к увеличению вызовов внутренней среды, к многократному усложнению задач правового регулирования и политического управления. В Римской империи проблему правового регулирования отношений между римскими гражданами и иностранцами в определенной мере удалось решить посредством созданного юристами «права народов». Но это выдающееся изобретение римской юриспруденции не остановило процесс внутреннего разложения империи. Развитие империи как особой формы государства, заключающееся в непрерывном внешнем расширении границ, территориальных пределов власти, неизбежно сталкивается с нарастающим сопротивлением внутренней среды. Рано или поздно внутренняя среда становится главным врагом имперской власти, его «могильщиком».

Советский Союз, с одной стороны, унаследовал некоторые черты Российской империи; с другой стороны, как отмечали отдельные зарубежные авторы, «если Советский Союз и был империей, то это была империя уникального вида»¹. Ее уникальность заключалась в том, что она отдавала своим национальным окраинам больше материальных ресурсов, чем получала от них, т. е. была «империей наоборот». Если классические империи обогащались за счет своих колоний, то РСФСР как центр и основа Советского Союза выступала финансовым донором для других союзных республик. Национальный вопрос был для большевиков одним из важнейших цивилизационных вызовов уже с момента создания СССР. Опыт формирования «доброй» империи показал, что таким образом можно «отложить» национальный вопрос, но решить его с помощью постоянных финансовых пожертвований одной части народа за счет другой его части нельзя. Национальный сепаратизм не исчез, он сохранился

¹ Strayer R. Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. L.: Taylor and Francis Ltd, 1998. P. 78.

и в конечном счете стал одной из важных причин распада СССР. В 1991 г. призывы к национальному размежеванию звучали уже не только в республиках Прибалтики, Закавказье, Украине, но также в Москве и некоторых российских регионах; при этом мотив был вполне меркантильный: хватит «кормить» окраины.

В итоге «империя наоборот» (СССР), как и «классическая империя» (дореволюционная Россия), стали жертвой внутренних противоречий. Обе они так и не решили национальный вопрос и к моменту распада в значительной мере утратили свой исходный социальный базис. Для царской России ключевым пунктом стало изменение формы собственности на землю с коллективной на частную, что привело к разрушению общины; для СССР отношения собственности, на наш взгляд, также стали одной из причин (были и другие) социального отчуждения руководящей элиты от исходного базиса. Но здесь крайность была другого рода: в результате национализации собственность не стала «всенародной», коллективной, общей. По сути, все права по управлению и распоряжению ею принадлежали партийно-государственным органам. Отчуждение производителей товаров (народа) от собственности на средства производства, от участия в управлении и распоряжении ею привело к постепенной утрате их доверия к власти. Отношения собственности – это главный «нерв», связывающий человека с государством; если этот «нерв» парализован, то связь с государством утрачивается.

В современной России, стоящей на цивилизационной развилке, в качестве альтернативы западному пути развития все чаще звучат призывы воссоздать имперское государство. Как утверждает С. Е. Кургинян, «империи не в прошлом, а в будущем», новой контрэлите необходимо срочно восстанавливать системы, обеспечивавшие «имперский, сверхдержавный тип существования России»¹, другой дороги нет. Удивительно, но «дух» византийской империи в российском общественном сознании еще не угас, он возрождается и набирает силу. Но что должно стать идейной основой новой российской империи: желание наказать Запад за несоблюдение «красных линий», патриархальное чувство любви к будущему императору или возрожденная идея пролетарского братства? Фактор внешней среды, как уже не раз было в истории России, на некоторое время может сплотить народ в единый государственный «кулак», однако, как только прекращается внешнее давление, данный фактор утрачивает свое значение. Империи легче пережить войну, чем мир.

Для «имперского, сверхдержавного типа государства» недостаточно появления экзистенциальной внешней угрозы, нужны идеологические скрепы, способствующие сплочению народа вокруг правящей элиты. Среди множества идейных течений, существующих в постсоветской России и способных, на наш взгляд, оказать влияние на цивилизационный выбор страны, можно выделить теорию евразийства в ее современной интерпретации (неоевразийство).

Евразийство как теория и общественно-политическое движение возникло в 1920–1930 гг. среди части российской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев и др.) призывали к духовному возрождению, при этом они, как отметил Г. В. Флоровский, хотели найти истину в истории, «в их сознании правило исторической чуткости превращается в требование „слушаться“ истории, – именно слушаться, не только слушать»². Некоторые из них особое значение придавали природно-географическим условиям. П. И. Савицкий, например, полагал, что степь определила сознание русского народа; западноевропейскому ощущению моря он противопоставлял наше «монгольское» ощущение континента: «Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии... В ней сочетаются одновременно историческая „оседлая“ и „степная“ стихия»³.

Евразийцы приняли революцию, но при этом отвергли коммунистическую идею и в качестве альтернативы ей сформулировали собственную концепцию мироустрой-

¹ Кургинян С. Е. Указ. соч.

² Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 239.

³ Савицкий П. И. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 294–316. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (дата обращения: 27.08.2022).

ства. Для ее осуществления по примеру большевиков предлагалось создать единую правящую партию, монополизировавшую государственную власть, выражающую бес-сознательную волю народа. Они отвергали возможность создания многопартийной политической системы западного типа. Государство, по их убеждению, должно быть авторитарным, идеократическим, управляемым новой элитой, исповедующей идеалы евразийства. Наряду со сверхдержавными идеями евразийцами были сформулированы некоторые интересные концепции гуманистического толка: «государства правды», «гарантийного» государства¹ и др. Идеологи данного политического течения, как и коммунисты, мечтали о создании такого общественного строя, где отсутствуют стяжательство, жажда наживы, корысть. В экономической сфере ими предлагалось совместить государственную и частную систему хозяйствования².

Вторая волна евразийства (неоевразийство) началась в 80-х гг. XX в., ее появление связано с творчеством Л. Н. Гумилева, его пассионарной теорией этногенеза. Он развивал некоторые этногеографические идеи П. И. Савицкого и рассматривал себя в качестве продолжателя евразийского учения. Сегодня наиболее ярким представителем данного течения является российский политолог А. Г. Дугин. По его мнению, в настоящее время возникла необходимость в новой, четвертой, политической теории (первая – либерализм, вторая – коммунизм, третья – фашизм), поскольку все теории XX в. не способны ответить на вызовы времени³. Единственной теорией, могущей дать ответы на злободневные вопросы современности, является неоевразийство, воспринявшее основную концепцию евразийцев и дополнившее ее новыми идеями XXI в. Свою теорию А. Г. Дугин относит к разряду консервативных проектов, которые не стоят «на стороне „маленького человека“ (во всех смыслах)... Консерватор везде любит великое, и в человеке он любит великое и высокое... Поэтому, как правило, консерваторы являются сторонниками Империи... Империя – это высшая форма человечности, высшее ее проявление. Ничего гуманнее Империи не существует»⁴.

А. Г. Дугин отстаивает ценность войны для человека, нации, страны; российский народ, чтобы не сгнить изнутри, должен быть воинствующим народом, пацифизм для него – худший исход. Богословие должно венчать образование, все остальные науки – это путь к богословию. Если для евразийцев первой волны вопрос о том, что есть Евразия (третий мир, Европа, Азия или механическое единство того и другого с преобладанием азиатского начала), вызывал внутренние колебания, то для А. Г. Дугина данный вопрос окончательно решен: Россия с точки зрения неоевразийской теории – это самостоятельная цивилизация с самобытными ценностями и интересами, ее следует сопоставлять не с отдельными странами, а с цивилизациями (индусской, китайской, исламской, западной и т. д.). Период господства западной цивилизации должен смениться эпохой многополярного мира, в котором полюсов столько, сколько цивилизаций⁵.

Для неоевразийцев Запад – мировое зло, которое необходимо победить, у российской цивилизации нет другого пути, она «должна дать последний и решительный бой»⁶. Позиция автора четвертой политической теории жестко антизападная, воинственная, основывающаяся на принципе полного отрицания европейского пути развития, более того, всей эпохи модерна, идеалов и ценностей Просвещения. Для достижения глобальной цели – разрушения Запада – необходимо укреплять отноше-

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 10–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

² Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 373–394.

³ Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. С. 5–14.

⁴ Там же. С. 109–110. Среди неоевразийцев, как и у их предшественников, нет единства по ряду принципиальных вопросов. Ю. Кофнер, например, полагает, что «„дугинское евразийство“ – это оксиморон, извращение и обман... настоящее евразийство – это революция любви, дружба и права народов, права личности...». См.: Кофнер Ю. Дугин – это не евразийство! // Центр Льва Гумилева. 2011. 25 окт. URL: https://www.gumilev-center.ru/dugin-ehto-ne-evrazijstvo/#_ftn5 (дата обращения: 27.08.2022).

⁵ Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2015.

⁶ Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. С. 163.

ния со странами, отвергающими его гегемонию, а также раскалывать Запад изнутри, противопоставляя интересы континентальной Европы (Франции, Германии, Италии, Испании) и США. Российский народ, по убеждению А. Г. Дугина, уже сделал свой выбор в пользу традиционного общества и религии, но правящая элита все еще находится на распутье.

На наш взгляд, идеология неоевразийства в условиях усиливающейся конфронтации России и Запада способна оказать влияние на радикально настроенный электорат, а через него – на власть, склоняя ее в пользу восточного, точнее антизападного, вектора развития. Идеи державности, патриотизма всегда находили отклик в народном сознании, особенно в период возникновения внешней угрозы. Однако идея войны с Западом как основа цивилизационного выбора страны не может не вызывать сомнения даже у консерваторов. Война – это крайнее средство достижения определенной политической цели, но не самоцель. Цивилизация и война – не совсем совместимые вещи, в основе цивилизации как нравственно-культурной социальной целостности должны лежать позитивные ценности, а не идея вражды. Для судьбоносного выбора страны главным должен быть не внешний, а внутренний фактор. Не ненависть к инакомыслящим, а позитивный образ социально-правового будущего, совершенного государственного строя, проецируемого по лекалам не «традиционного», архаичного, уже не существующего общественного сознания, но современного, впитавшего в себя как восточные, так и западные ценности, должен определять цивилизационный выбор народа.

Менее радикальными представляются взгляды сторонников идеи конвергенции двух систем: капитализма и коммунизма. Эту идею вынашивали уже некоторые русские эмигранты первой волны, позднее ее развивали отдельные советские диссиденты. В середине прошлого века известный российский правовед и американский социолог П. Сорокин допускал возможность создания интегрального общественного строя, который аккумулирует позитивные ценности двух противоборствующих социальных порядков: капиталистического и коммунистического; при этом он способен устранить существенные недостатки каждого из них. В области этики и права интеграционные процессы должны проявляться, по его мнению, в возвышении альтруизма, облагороженного морального поведения, организованных движений за уничтожение войны, нищеты, различных форм эксплуатации, несправедливости. Новый социокультурный строй призван обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в интегрированную систему высших ценностей¹.

Академик А. Д. Сахаров в опубликованных им в 1968 г. «Размышлениях о прогрессе» также призывал к сближению, конвергенции двух противоборствующих систем на «общенародной демократической основе», признанию общечеловеческих ценностей, соблюдению прав человека. Он предлагал осуществить социальные реформы как в капиталистических странах, так и в странах социализма, выделял несколько этапов их взаимного сближения. В рамках заключительного этапа конвергенции, согласно его проекту, должно было произойти сглаживание принципиальных различий социалистической и капиталистической систем, существующих между ними идеологических противоречий. Логическим итогом интеграционного процесса должно было стать создание мирового правительства².

Современные сторонники идеи конвергенции, учитывая опыт социально-экономических реформ в Китае, а также в других странах бывшего социалистического лагеря, предлагают более реалистичные проекты социальных преобразований. Если первоначально теория конвергенции предполагала глобальный процесс взаимного сближения двух противоборствующих систем, то сегодня она переориентирована на внутреннюю социальную модернизацию, при этом Запад и Восток меняются местами. Известный российский правовед М. Н. Марченко признавал целесообразность практического применения основных положений теории конвергенции при

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 86.

² Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт, М.: Посев, 1968. URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (дата обращения: 27.08.2022).

реформировании российского государства, общества, нашей правовой системы¹. Он противопоставлял «дебильный русский капитализм»² китайской модели социально-экономического развития³, выделяя в качестве причин китайского экономического «чуда»: 1) ключевую роль государства и партии в модернизации страны; 2) основательно проработанную стратегическую программу социально-экономических и иных преобразований; 3) гибкую политику, целью которой является сплочение общества; 4) сочетание традиционных хозяйственных укладов и форм собственности с новыми «капиталистическими» элементами; 5) развитие наряду с крупным бизнесом также мелкого и среднего, стимулирование кооперативного движения, совмещение рыночных механизмов, капиталистической конкуренции с административно-хозяйственными методами руководства; 6) эффективное правовое регулирование, обеспечивающее результативность проводимых реформ, построение «социалистического правового государства» (согласно ст. 5 Конституции КНР).

Поскольку М. Н. Марченко при сравнительном анализе систем хозяйствования двух стран исходил из предположения, что опыт Китая является передовым, обеспечивающим более успешное экономическое развитие, чем Запад и постсоветская Россия, то отсюда следует вывод о необходимости заимствования нами модели китайского экономического «чуда». Полюса поменялись: мы уже должны заимствовать новые элементы не у Запада, как предлагали основатели теории конвергенции, а у Востока. Россия в новой системе координат оказалась западнее Запада, по крайней мере, на западном полюсе, и теперь нам придется сближаться с Востоком. Что касается перспектив преобразования государства, определения вектора внешней политики и выбора ценностных ориентиров, то, по мнению М. Н. Марченко, России необходимо отказаться от концепции западного либерализма, стремиться возродить статус мировой сверхдержавы, воссоздать систему сильной централизованной власти, восстанавливать традиционные национальные ценности: коллективизм, нестяжательство, любовь к родине, патриотизм и т. д.

Если евразийцы ищут ответы на современные цивилизационные вызовы в древней истории России, то идеологи конвергенции – в социалистическом прошлом (прямо или опосредованно – через опыт Китая, других стран). Решают ли они в итоге проблему совместимости двух противостоящих друг другу систем ценностей (западных и восточных) в сознании народа? На наш взгляд, ни теория евразийства, ни теория конвергенции не приводят к органическому соединению Запада с Востоком. С точки зрения возможности осуществления цивилизационного выбора обе теории не создают обещанной интегрированной системы высших ценностей (П. А. Сорокин), не способствуют примирению противоборствующих социальных сил.

Данный упрек можно адресовать и концепции социально-политического развития России, сформулированной лидером КПРФ Г. А. Зюгановым. В ряде своих работ («Глобализация и судьба человечества», «Глобальное порабощение России, или „Глобализация по-Американски“», «Россия под прицелом глобализма») он отстаивает идею двух форм интеграции человечества: империалистической глобализации и социалистической интернационализации. Первая форма интеграции ведет к однополярному миру под «покровительством» США; по его мнению, сильной, суверенной России нет места в этом мире. У нас собственный путь в будущее, определяемый традициями, культурными особенностями народа. Сознанию русского человека, его мировосприятию в большей мере соответствует вектор социалистической интернационализации. России необходимо отказаться от политики сближения с Западом, укреплять государство, провести национализацию средств производства, возродить советы народных депутатов, органы общественного самоуправления, восстановить в полном объеме советскую систему государственной власти, механизмы планирования экономической деятельности. Главные цели во внешней политике, согласно

¹ Марченко М. Н. О перспективах развития российского государства и права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2017. № 4. С. 10.

² Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica. 2018. № 5. С. 27.

³ Марченко М. Н. Особенности перехода от социализма к капитализму в России и в Китае (сравнительный анализ) // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.

концепции Г. А. Зюганова, – создание геополитического союза трех «ветвей великого народа» (русских, украинцев, белорусов); реинтеграция постсоветского пространства; выход на новый уровень сотрудничества с Китаем, Индией, странами исламского мира; построение многополярного мира¹.

Социальной основой возрожденного социалистического строя, по его мнению, должен стать не классический пролетариат, которому «нечего терять, кроме своих цепей», а «современный передовой класс»: ученые, конструкторы, технологи, управляющие, квалифицированные рабочие, а также учителя, преподаватели вузов, врачи, программисты и т. д. Г. А. Зюганов, на наш взгляд, верно оценивает место и роль «современного передового класса» в будущем мироустройстве, по сути, не пролетариата, а среднего класса, однако, возможно, он ошибается в том, что этот класс кровно заинтересован в новом российском социализме. Среди перечисленных им представителей «передового класса» многие – это люди «свободных профессий», которые в силу своего образа жизни являются сторонниками скорее западных либеральных ценностей, чем коммунистических, социалистических идеалов.

Кроме того, прежде чем строить новый социализм, необходимо провести глубокий анализ причин крушения советского социалистического строя. Г. А. Зюганов справедливо отмечает, что главные причины гибели СССР были внутренние, а не внешние. При этом в качестве решающего фактора он называет «перерождение и предательство верхушки КПСС». Но что привело к перерождению партийной элиты, а самое главное – почему народ и рядовые члены партии не выступили против развала Советского Союза? Если Г. А. Зюганов прав в своем понимании причин краха СССР, то в этом случае надо лишь заменить «верхушку КПСС» и проблема возрождения социализма в России будет решена. Если же корень проблемы не в вырождении и предательстве элиты, а в утрате народной веры в идеалы коммунизма, то тогда перспективы осуществления социалистического проекта в стране не такие очевидные, как полагает лидер КПРФ.

По утверждению Г. А. Зюганова, все попытки теоретически и практически решить в России проблему соединения традиций Востока и Запада не увенчались успехом. Первая попытка синтеза была предпринята в «буржуазно-дворянский» период, вторая – в послеоктябрьский. Сегодня, по его мнению, необходимо совершить третий синтез, «учитывающий весь нажитый исторический опыт». Поскольку Г. А. Зюганов поставил перед собой такую сверхзадачу, то его проект социально-политических преобразований страны следует оценивать с точки зрения степени ее осуществления. Появилась ли в результате осмысления и переработки им «нажитого исторического опыта» интегрированная система высших ценностей? На наш взгляд, третий синтез, как и предыдущие, не состоялся, западная система либеральных ценностей была уже «на входе» отвергнута автором проекта «нового» социалистического строя. За основу им была взята старая советская модель государственного устройства, в нее инкорпорированы некоторые рыночные элементы, марксистская идеология разбавлена идеями соборности, коллективизма и православия. В результате появилось механическое соединение качественно разнородных элементов, не имеющих общего идеологического стержня, своего рода «православный коммунизм».

Тем не менее сформулированный лидером КПРФ проект будущего государственного устройства России имеет определенную поддержку со стороны электората, что подтверждается результатами голосования за его кандидатуру на президентских выборах 2012 г. (12 318 353 голоса избирателей), а также выборах в Государственную Думу 2021 г. (10 660 599 голосов избирателей), но ее недостаточно для судьбоносного выбора страны. Однако если учитывать совокупный политический «вес» всех участников формирующегося в России антизападного «фронта», то не исключено, что их влияние на будущий цивилизационный выбор может быть решающим.

В условиях жесткой политической конфронтации России со странами Запада отказ от европейской системы социально-правовых ценностей объясним, но не конструктивен. Вместо того чтобы критически осмыслить достижения западной цивилизации, взять все то позитивное, что не противоречит нашему «культурному коду»,

¹ Зюганов Г. А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски». М.: Эксмо, 2011.

совместимо с традициями народа, современные идеологи сверхдержавной российской государственности отбрасывают ценный опыт Запада, прежде всего в правовой сфере. Надо помнить, что в идеологической борьбе стран западной коалиции с Советским Союзом и другими социалистическими странами главным «козырем» были западные правовые идеалы, теории прав человека, правового, социального государства. В конечном счете идеологические аргументы Запада оказались более убедительными, чем те, которые отстаивали их оппоненты. Нынешние российские идеологи предлагают другие ценностные ориентиры: «империя как высшая форма человечности», «новый» российский социализм, китайско-российская конвергенция и др. Но способны ли создаваемые ими идеальные модели «светлого будущего» противостоят сформированным эпохой Просвещения западным правовым идеалам? Может быть, современной России в идеологической войне с западным миром целесообразно использовать его же аргументы, испытанное им против СССР идеологическое оружие, учитывая, что в борьбе за мировое господство США, западные элиты попирают собственные правовые идеалы, которые несовместимы с их глобальными притязаниями?

Культурно-правовое наследие Запада не следует игнорировать не только с точки зрения возможностей ведения идеологической борьбы с ним и другими геополитическими противниками. России важно использовать его в качестве культурного гудуса для дальнейшего формирования собственной цивилизации, своего социального развития. Опыт западной цивилизации необходимо учитывать при реформировании Российского государства, совершенствовании нашей правовой системы, создании такого социально-правового устройства страны, которое обеспечивает наиболее полное осуществление интересов российских граждан.

Лежащая в основе современных теорий неоевразийства, нового социализма, социальной конвергенции модель постановки и решения научных и практических задач предполагает не правовой, а политический взгляд на общественные явления и процессы. Их авторы исходят из идеи противостояния, вражды социальных субъектов, включая народы, нации, культуры, цивилизации. В этой системе координат надо выбирать: «мы» или «они», Запад или Восток, союзники или враги. Другого пути нет, культура, право, религия политизируются, становятся средствами политической борьбы, особыми видами оружия. Право рассматривается не как самостоятельная форма социальной коммуникации, а как элемент системы политического господства.

Будущее видится авторам вышеназванных политических теорий сквозь призму нынешних вызовов, возникших в последнее время угроз. Однако в основе цивилизационного выбора страны должны лежать социальные ценности высшего порядка, необходимо руководствоваться не сиюминутными, а глобальными интересами, оценивать последствия выбора на дальнюю перспективу. Если исходить из идеи формирования в России более прогрессивной, более совершенной в нравственном, культурном отношении цивилизации, чем современная западная и противостоящие ей восточные культуры, то нельзя основываться на той парадигме, которая сегодня доминирует в политическом сознании. Необходим переход от политического к правовому типу сознания, от идей вражды, власти и насилия к рациональному совмещению социальных интересов, от войны к миру, от частных ценностей к общечеловеческим ценностям.

Для осуществления данного перехода российская юридическая наука должна критически переосмыслить правовое наследие Запада и Востока, разработать цивилизационную теорию правового прогресса, ориентированную, с одной стороны, на культурные традиции российского народа, особенности национального правового сознания, с другой стороны, на правовую интеграцию, взаимодействие с другими нациями, народами, цивилизациями. Речь идет о теории не национального обособления, противостояния России Западу или Востоку, а культурно-правового сближения, объединения народов. Нам важно не потерять себя в глобальном мире, но нельзя и ограничиваться своей самобытностью, упиваться ею, нужен правовой путь восхождения от национального, особенного к общечеловеческому, всеобщему.

Учитывая эмпирическую приземленность нашей правовой науки (как утверждал И. Кант, «чисто эмпирическое учение о праве – это голова... которая может быть пре-

красна, но, увы, не имеет мозга»¹), наверное, не стоит ожидать появления в ближайшей перспективе полноценной теории социально-правового развития России. На наш взгляд, это слишком масштабная задача даже для одного поколения юристов; западной цивилизации для решения аналогичной задачи – разработки европейской теории социального прогресса – потребовалось более двух веков (от Д. Вико до начала XX в.). Однако российской юридической науке, возможно, придется более оперативно искать и находить ответы на вызовы времени.

В порядке дискуссии можно высказать некоторые соображения по поводу разработки теории социально-правового развития России.

Первым важным пунктом, где правовые идеалы Запада и России могут принципиально разойтись, на наш взгляд, является представление о правовой свободе. В западном мире правовая свобода традиционно понимается как независимость, автономия одного лица от другого (других), отсюда известный тезис: «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». Это негативное понимание правовой свободы, оно предполагает, что другие лица являются препятствиями, внешними ограничителями на пути субъективного произвола. В основе западного понимания свободы лежит индивидуалистический тип сознания, европейский индивидуализм есть та духовная почва, на которой произрастает либерально-автономическое мировоззрение. Западное понимание свободы по своей сути является антисоциальным, поскольку оно предполагает не правовую связь, интеграцию субъектов, а их взаимное отчуждение, правовое обособление. Автономизация и правовая коммуникация – разнонаправленные процессы, в одном доминируют центробежные силы, в другом – центростремительные.

Осознавая очевидные недостатки данного подхода к пониманию правовой свободы, западная правовая наука в качестве альтернативы свободы «от» предлагает свободу «для», означающую наличие у лица возможности самореализации в правовой сфере, самостоятельного осуществления субъектом права своих социальных интересов. Однако и альтернативный подход не решает проблему западного индивидуализма. Право – это сфера, где человек реализует свои цели не сам, а через других лиц: покупатель осуществляет свой интерес посредством продавца, арендатор – арендодателя и т. д. Данный вывод касается не только частноправовых отношений, но и публично-правовых. Правовая свобода имеет коммуникативный характер, она проявляется не в актах самореализации, а в субъект-субъектных отношениях.

Российское правовое сознание, как отмечали многие дореволюционные, а также современные правоведы и философы, сформировалось на другом социальном фундаменте, чем в западной Европе. Оно своими корнями уходит в систему общинного мироустройства, является коллективистским, поэтому западные либерально-правовые идеи, теории с трудом приживаются в нашей социальной среде. Коллективистское сознание, на наш взгляд, предполагает принципиально иное понимание правовой свободы. Если не сводить коллективизм к крайностям, как это делают некоторые сторонники западного либерализма (отождествляя его с тоталитаризмом, коммунизмом и даже фашизмом), то его позитивной стороной является внутренняя установка индивидов на социальное взаимодействие, сотрудничество, взаимопомощь. Тесные социальные связи членов общества, основанного на принципе коллективизма, предполагают скорее коммуникативное, чем автономическое понимание свободы. Для коллективистского правового сознания другие субъекты не препятствия на пути свободы, напротив, они ее источник. В этом принципиальное отличие российского правового менталитета от западноевропейского.

Современному западному правовому индивидуализму с его центробежными устремлениями, возможно, недостает противовеса в виде центростремительных сил. В России присутствуют обе тенденции (тяготение к общему центру и прямо противоположное движение), поэтому сохраняется возможность в перспективе достичь в правовой сфере необходимого баланса между крайностями коллективизма и индивидуализма. Наш западно-восточный генетический код не помеха, а, скорее, важный фактор, который может способствовать социально-правовому прогрессу российского

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

общества и государства. В российской правовой системе есть смысл воплощать не принципы западного либерализма, а близкую нам по «духу» идею коммуникативной свободы, что может обеспечить нам собственную цивилизационную линию правового развития.

Второй важный пункт, где идеалы будущего мироустройства России и Запада могут принципиально разойтись, – представления о правовой и политической коммуникации, их соотношении. В западной науке, как верно отметил Н. Луман, начиная с Нового времени сформировался подход, нацеленный на объединение политической и юридической систем¹. Правовая (юридическая) система в данном политико-правовом союзе оказалась в зависимом положении от политической, призвана выполнять в нем служебную роль. В результате произошедшего объединения закон, в более широком смысле – законодательство, стал элементом политической системы, средством осуществления политических задач².

Теория правового государства принципиально не изменила существующий подход к объединению двух коммуникативных систем. Хотя Кант, Гегель и их последователи провозгласили высшую ценность и «святость» права в обществе³, их проекты государственного устройства основывались не на принципах правовой коммуникации, т. е. совмещения произвола одного лица с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы⁴, а на принципах политического мироустройства, основой которого являются государственно-властные отношения. Первоначальный замысел создания идеального государства на коммуникативно-правовой основе в итоге трансформировался в модель политического государства с тремя видами (ветвями) власти⁵. В результате симбиоза права и политики появилась модель государства-кентавра с правовой головой и политическим туловищем: голова взывает к свободе, туловище живет по законам политической власти.

В противостоянии двух важнейших социальных идей – свободы и власти – идея свободы в современном западном мире терпит поражение, поскольку для ее осуществления не созданы необходимые предпосылки. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется то явление, которое Э. Фромм описал как «бегство от свободы»⁶. Вместо триумфа идеи правовой свободы, торжества принципов правового государства в XX в. в Европе возникла тенденция к возврату в состояние авторитарной государственности, европейцы не смогли распорядиться завоеванной ими в результате революций свободой. Э. Фромм видел решение данной проблемы в воспитании индивида, в психологической подготовке его к новым условиям социальной коммуникации. Однако, на наш взгляд, гораздо более важным является создание адекватной формы государства, коммуникативно-правовой инфраструктуры, включающей в себя не только законодательную базу, но и конкретные юридические механизмы, процедуры, обеспечивающие взаимное осуществление интересов в свободном правовом мире.

Для успешного правового развития России необходимо решить проблемы разграничения двух коммуникативных систем, отделения права от политики, создания модели государства, соответствующей «чистым принципам права». Право в России уже на ранних этапах его развития ассоциировалось не с властью, насилием, а с правдой, истиной, справедливостью, не случайно первый русский свод законов именовался Русской Правдой (1016 г.). Для общинного, коллективистского сознания народа нравственные основания права имели огромное значение. Заимствованное же нашим законодателем у западной цивилизации понимание права как служебного эле-

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. С. 39.

² Там же. С. 53–65, 79.

³ Согласно Канту, «во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей» (Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1988. С. 306). Гегель также утверждал: «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 90)

⁴ Кант И. Метафизика нравов. С. 139.

⁵ Кант И. Метафизика нравов. С. 234–240; Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 311 и далее.

⁶ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Нью-Йорк: Philosophical arkiv, 2016. С. 27–31.

мента «единой» политико-правовой системы вызывало отторжение у многих известных российских философов, писателей, правоведов. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, Н. А. Бердяев, другие авторы отвергали идею правового прогресса России в западном ее понимании.

Идея правовой коммуникации должна заключать в себе нравственное начало. Кантовский принцип совмещения произволов выражает скорее эгоизм участников правового общения, чем их стремление к нравственному единению. Кант точно передал частнопроводную природу, характер взаимоотношений субъектов права, но он в своем определении не обозначил конечную цель их взаимодействия. Римские юристы, создавшие образцовую систему частного права, не сводили свою правотворческую деятельность к совмещению произволов, для них право было искусством добра и справедливости (Цельс). Возможно, соединение юридического прагматизма с высшей нравственно-правовой целью является формулой их профессионального успеха. Конечная цель правовой коммуникации, на наш взгляд, должна заключаться не в развитии частного эгоизма или осуществлении политических задач, властных амбиций отдельных представителей народа, а в создании совершенного нравственно-правового мироустройства. При этом для цивилизационного выбора важны не конкретные контуры социально-правового будущего, которые могут меняться, а общее стратегическое направление социального развития и само стремление к нравственно-правовому совершенству.

Третий пункт, где возможны принципиальные расхождения во взглядах Запада и России, – представления о государстве. В западных политических и правовых воззрениях индивид и государство противостоят друг другу как два враждующих субъекта. В эпоху формирования абсолютной монархии во Франции зародилась идея суверенитета государства, его независимости от граждан, народа. Если для древних греков и римлян представление о государстве как независимом от народа субъекте было чуждым (для них государство являлось «собственностью» народа, а не властвующим над ним господином), то для западной цивилизации оно оказалось вполне «естественным»: суверенной личности противостоит суверенное государство, оно есть проекция его «суверенного», индивидуалистического сознания. В процессе формирования теории правового государства идея суверенитета перекочевала в новую систему представлений, в которой государству вопреки провозглашенным принципам права вновь была отведена роль властвующего субъекта по отношению к своим гражданам.

С одной стороны, в западной системе координат человек, его права и свободы провозглашаются высшей правовой ценностью. С другой стороны, ему противостоит суверенное государство, которое может обязать, принудить «суверенного» человека к соблюдению государственных интересов. Кто из них более суверенен, является главным, верховным субъектом права? Если бы таковым в западном мире действительно был индивид, то в признании естественных, неотчуждаемых прав нуждалось бы государство, а не он. Теория правового государства предполагает лишь ограничение политического суверенитета государства, но не смену верховных субъектов – суверенов.

В отличие от западной Европы в российском общественном сознании индивид изначально не противопоставлялся государству. Коллективистский, общинный уклад предполагал отношение между ними как части и целого. Идея суверенитета, независимости государства от граждан, от народа, несмотря на попытки вестернизации России, не укоренилась в общественном сознании. Индивид, который ранее находил социальную опору, поддержку в общине, после ее распада перенес свои ожидания на государство; этим, на наш взгляд, можно объяснить, почему идеи социализма, социального государства, патернализма легко приживаются на российской почве. Западные реформы хотя и повлияли на государственное устройство, социальный быт, сознание российского народа, но не привели к окончательному разрыву родовой «пуповины», связывающей индивида с государством.

Учитывая особое состояние нашего общественного сознания с точки зрения противостояния в нем разных систем ценностей, есть резон попытаться сформировать в России уравновешивающий крайности концепт отношения индивида к государ-

ству, основанный не на восточном принципе «растворения» личности в публичной целостности и не на западном противопоставлении индивида государству, а на идее их коммуникативно-правового взаимодействия. Для успешного правового развития страны предпочтительнее модель государства – «общей собственности граждан», чем властвующего над ними суверена. Какой смысл воспроизводить в нашей социальной среде западного Левиафана и вести бесконечную борьбу с ним за признание прав человека, когда можно создать институт социального служения, ответственного перед гражданами правового субъекта, реализующего их правовые интересы?

Россия, на наш взгляд, не нуждается в возрождении патриархального коллективизма, русской общины, как этого желали славянофилы и их последователи; для социального прогресса более актуален принципиально иной тип коллективизма – создание правовой общности, союза граждан, объединенных общей целью формирования государственного строя, основанного на принципах правовой коммуникации. В организационном плане это означает формирование государства как правовой корпорации граждан, где их воли в законодательном органе представлены не безответственными в правовом отношении «народными» представителями (депутатами), а юридически обязанными перед ними профессиональными правовыми представителями. Речь идет о том, чтобы придать принципу представительства первоначальный правовой смысл, когда представляемым лицом выступает не абстрактный, безмолвный народ, а конкретный гражданин государства, т. е. о замещении политического представительства правовым¹.

В правовой системе коммуникации, чтобы привести к общему знаменателю разнонаправленные воли ее участников, необходимы профессиональные посредники, которые способны согласовывать, совмещать их интересы. Не «доярки и кухарки», как полагали авторы проекта «демократического» правового государства, а профессиональные законодатели, умеющие «шить правовые сапоги». Наиболее успешно данную роль в правовом регулировании социальных отношений осуществляли римские юристы. Они выступали связующим звеном между участниками правовых отношений, руководствуясь прежде всего идеями разума и справедливости. Правовая разумность заключалась не в навязывании покупателю и продавцу воли суверена, а в создании юридического механизма, когда каждый реализует свой интерес посредством другого. Римский опыт, на наш взгляд, необходимо использовать в организации нашего правотворческого процесса. По сути, римскими юристами была создана уникальная система правового взаимодействия, представляющая собой альтернативу существующей законодательной власти.

Римская система частного права самим своим существованием опровергает известные «аксиомы» о том, что правовое отношение есть властное отношение, а также что правотворчество и законодательная власть неразделимы. Договор есть соглашение свободных субъектов, между которыми нет отношения власти и подчинения. Это классическое, идеальное в своей чистоте правовое отношение. Частное право есть результат профессионального правотворчества, но не плод законодательной власти. Как уже отмечалось, правовая коммуникация и политическая власть, включая государственную, находятся в разных системах координат. Государство, которое опосредует правовую коммуникацию, является гарантом исполнения правовых решений, но не навязывает свою волю субъектам права, – это правовой институт; государство же, которое властвует посредством права, – институт политический. Закон, судебное решение, система правового принуждения не должны быть инструментами, средствами государственного властвования. Суд, как и законодатель, не может быть органом государственной власти, поскольку это нарушает принцип его независимости, беспристрастности; как утверждал К. Маркс, «независимый судья не принадлежит ни мне, ни правительству»².

Основоположники теории правового государства для целей идеального мироустройства использовали «священный» институт демократии, который был актуален и

¹ Подробнее см.: *Архипов С. И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 416–429.

² *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 67.

прогрессивен в период борьбы европейцев с абсолютизмом. Однако сегодня демократия является скорее тормозом социально-правового прогресса, чем институтом развития. Демократия по своей исходной природе – не правовой, а политический институт, он основан не на принципах совмещения интересов, взаимного осуществления воли участников отношений, а на противопоставлении одной части народа (мнимого или реального большинства) другой его части. Будучи институтом политической власти, он является инородным элементом в системе правовой коммуникации. Как утверждал П. Сорокин, в современном демократическом западном строе феодализм и олигархия не исчезли, они продолжают существовать во всех сферах: в политике, менеджменте, науке и искусстве, в банде преступников и демократических учреждениях, повсюду¹. Политические кланы, «новые феодалы» управляют западными обществами посредством института демократии.

Четвертый пункт, где возможны принципиальные расхождения во взглядах на правовое будущее России и Запада, – представления о собственности, перспективах развития важнейшего социально-правового института. Для римских юристов, как отметил Гегель, дефиниция собственности была опасной во многих отношениях², возможно, по этой причине они не стремились ее сформулировать. Сам же Гегель писал: «В том, что лицо помещает свою волю в вещь, состоит понятие собственности, все остальное – лишь его реализация»³. Для романо-германской правовой системы классическим законодательным определением собственности является положение ст. 544 французского Гражданского кодекса: «Собственность – это право пользоваться и распоряжаться вещами самым абсолютным образом, если только его использование не воспрещается законом или регламентами»⁴. В англосаксонской правовой системе сформировалось схожее представление о собственности. У. Блэкстон характеризовал собственность как «деспотическую власть, которую имеют притязания одного человека над физическими вещами этого мира при полном исключении прав любого другого индивида во Вселенной»⁵.

Понимание собственности как абсолютной, деспотической власти лица над вещью отражает индивидуалистическую природу западного правового сознания, доведенный до крайнего предела европейский меркантилизм. Собственность в данной системе мировосприятия – это не духовное явление, в котором выражается нравственная сущность человека, его социальное естество, а вырвавшийся наружу природный инстинкт обладания объектами материального мира. Не случайно, как представляется, Гегель относил собственность к ступени абстрактного права, где господствует единичная воля субъекта, отсутствует нравственное начало. Он противопоставлял абстрактное право ступени нравственного права (семья, гражданское общество, государство), где проявляет себя всеобщая социальная сущность человека.

В связи с гегелевским разграничением абстрактного и нравственного права возникает вопрос: возможно ли нравственное государство, гражданское общество без нравственной собственности, могут ли они достичь нравственного прогресса без опоры на собственность? На наш взгляд, одно не существует без другого, нравственная собственность и нравственный субъект – это основа нравственного государства и гражданского общества. Эгоистической собственности и ее субъекту соответствует эгоистическое, суверенное государство, которое противостоит эгоизму собственника, уравнивает его. Зрелому состоянию собственности и субъекта права соответствуют зрелые в нравственном отношении государство и гражданское общество. Они формируются в результате развития отношений собственности, нравственно-правового «взросления» участвующих в них субъектов.

В России отношение индивида к собственности определялось исторически сложившимся социальным укладом, организацией совместной хозяйственной деятель-

¹ Sorokin P. A. *Social and Cultural Mobility*. N. Y.: The Free Press, 1959. P. 16.

² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 60.

³ Там же. С. 109.

⁴ Французский гражданский кодекс: учеб.-практ. комментарий / пер. с фр., коммент. Ю. Гонгало и др. М.: Проспект, 2008. С. 252.

⁵ Blackstone W. *The Philosophy and History of the Law Under Which We Live* / ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos: Nourse Publishing Company, 1959. P. 113.

ности, особенностями русской общины. Отсутствие частных земельных наделов, тесное социальное взаимодействие между членами общины препятствовало развитию центробежных тенденций, индивидуалистического сознания. Общинный крестьянский быт, совместное владение землей, общинное самоуправление обусловили в целом негативное отношение социальных низов к частной собственности. Социальные верхи, напротив, больше склонялись в сторону западных представлений о собственности как полном и исключительном господстве лица над вещью. По их инициативе либеральное понимание собственности получило законодательное закрепление в Своде законов Российской империи (Т. X, ч. 1, ст. 420). Если положение о трех правомочиях собственника (триаде), сформулированное В. Г. Кукольником и взятое за основу М. М. Сперанским при разработке им свода законов, можно считать исторической случайностью, то принципиальный подход законодателя к регулированию отношений собственности, на наш взгляд, был вполне закономерным, обусловленным выбранным верхами западным вектором развития Российского государства. В результате осуществленной российским законодателем цивилизационной «прививки» в восточной социально-правовой среде появился инородный западный институт собственности, в значительной мере определивший дальнейший ход российской истории.

Заимствованный Россией у западной цивилизации институт частной собственности является, как утверждал Н. Луман, «единственным в истории права значительным делегализатором», обладающим способностью обуславливать конфликты¹. Правовые конфликты, с одной стороны, способствуют правовому прогрессу, с другой – могут привести к саморазрушению общества, существующего правопорядка, стать причиной социальных катаклизмов, революций. Правовой институт частной собственности – это своего рода социальный реактор, который расщепляет общинный уклад на множество автономных радикалов – социальных атомов, преследующих собственные интересы, противопоставляющих себя обществу. Российскому дореволюционному законодателю не удалось удержать под контролем запущенную им же «ядерную» реакцию расщепления традиционного общества, нивелировать негативные последствия внедрения данного института в социально-правовую систему, что привело в начале XX в. к глобальной социальной катастрофе. Не справляется с задачей регулирования отношений собственности и современный законодатель, который до сих пор не может создать разумный баланс интересов собственника, государства и третьих лиц.

Идея господства лица над вещью, положенная в основу западного и нынешнего российского правового института собственности, на наш взгляд, давно себя исчерпала, она характерна для этапа зарождения института, периода «детства» собственности, но не ее зрелости. Собственности необходимо придать социальный смысл, правовое содержание, развернуть ее в сторону субъектов, а не вещей. Предметом права являются отношения между лицами (субъект-субъектные), а не между лицом и вещью (субъект-объектные). Собственность в России должна стать институтом гармонизации общественных отношений, а не господства частного произвола.

Для современного Российского государства важно сформировать такой цивилизационно-правовой подход к пониманию собственности и к ее правовому регулированию, который основывается на восприятии ее как нравственно-правового института, имеет целью не социальное отчуждение индивидов, а их общественное единение, социальную интеграцию. Данный институт должен строиться на коммуникативно-правовой основе, на принципах совмещения интересов всех участников правоотношения, взаимного осуществления их воли. В коммуникативно-правовом понимании собственность – это духовное, умопостигаемое, пролегающее через правопорядок владение, а не физическое, «хозяйственное» господство лица над вещью. Не собственник своей волей присваивает вещь, крепит ее к себе, а правопорядок, участники правовой коммуникации закрепляют вещь за ним, они посредством законодательных норм, судебных решений, нотариальных свидетельств о праве собственности, актов государственной регистрации права собственности, механизмов юридической защиты делают вещь правовым продолжением лица.

¹ Посконина О. В. Указ. соч. С. 77.

В рамках субъект-объектного подхода к пониманию собственности роль право-порядка сводится к отстранению всех остальных лиц от вещи, созданию условий для полного, исключительного господства собственника над объектом материального мира. Решающим фактором здесь является субъективная воля собственника, его стремление обладать вещью. Субъект-объектное понимание собственности – это линия, которая не ведет к социально-правовому прогрессу государства, общества, к нравственно-правовому развитию человека. Напротив, в субъект-субъектном подходе, основанном на идее правовой коммуникации, система правопорядка играет решающую роль. Она создает собственность, формирует ее, в этой системе собственность приобретает социально-правовой характер, юридическое содержание.

В процессе правовой коммуникации собственника с другими лицами происходит трансформация вещи физической в вещь правовую, которая обладает совершенно иными качествами, чем вещь физическая: целевым назначением, юридическими обременениями, правовой связью с другими вещами (сложная вещь, имущественный комплекс), принадлежностью конкретному субъекту, особым правовым режимом ее использования и т. д. В результате правового взаимодействия собственник формирует другое пространство собственности – правовой мир, где действуют не физические, а социальные законы. В этом мире свобода собственника получает иное измерение, раньше он был свободен только по отношению к вещи, теперь же у него возникает свобода социальная, которая заключается в возможности требовать от государства защиты собственности, признания, юридической регистрации его прав, изменения правового режима вещи (например, перевода жилого помещения в нежилое), компенсаций в установленных законом случаях и т. д.

В рамках субъект-субъектного подхода к пониманию собственности идея свободы собственности не противостоит идее долга, одно предполагает другое. В западной правовой цивилизации они искусственно противопоставляются: сущность собственности сводится либо к вещной свободе «от звезд до преисподней» (либеральный подход), либо к социальному долгу, общественной функции (социально-служебный подход). В системе правовой коммуникации данное противоречие снимается, собственность есть единство свободы и долга, поскольку долг здесь – это не навязанная собственнику обязанность, а самовозложение, принятое им добровольно, исходя из его собственных интересов, обязательство по отношению к государству или третьим лицам.

Кроме представлений о собственности, государственно-правовом устройстве, правовой коммуникации и правовой свободе есть необходимость критически переосмыслить и другие правовые понятия в целях формирования российской цивилизационной теории правового прогресса. В ней, как уже отмечалось, должны быть учтены культурно-правовые традиции российского народа, его социально-правовые ценности, иные социальные факторы, влияющие на правовое развитие общества, а также достижения, передовой опыт других цивилизаций, прежде всего современной западной, античной (греко-римской), китайской. Конечным результатом научных изысканий в данной сфере должна быть теория не национально-правового обособления России от остального мира, а правового восхождения от национального, особенного к правовому всеобщему.

Список литературы

Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 343–399.

Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 5–21. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 469 с.

Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. Лондон: ОРІ, 1990. 671 с.

- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. 243 с. URL: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (дата обращения: 27.08.2022).
- Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2015. 349 с.
- Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. 351 с.
- Зюганов Г. А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски». М.: Эксмо, 2011. 352 с.
- Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1988. 384 с.
- Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
- Кургинян С. Е. Политические элиты в современной России – актуальные вызовы // Центр консервативных исследований. 2008. 25 окт. URL: <http://konservatizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (дата обращения: 27.08.2022).
- Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. 132 с.
- Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 30–84.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Марченко М. Н. О перспективах развития российского государства и права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2017. № 4. С. 5–11.
- Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica. 2018. № 5. С. 19–32.
- Марченко М. Н. Особенности перехода от социализма к капитализму в России и в Китае (сравнительный анализ) // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.
- Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002. 587 с.
- Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. 124 с.
- Савицкий П. И. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 294–316. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (дата обращения: 27.08.2022).
- Савицкий П. Н. Предисловие // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php> (дата обращения: 27.08.2022).
- Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт, М.: Посев, 1968. 61 с. URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (дата обращения: 27.08.2022).
- Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. 275 с.
- Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 352 с.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php#1921-isход-NST-verxi> (дата обращения: 27.08.2022).
- Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 237–265.
- Французский гражданский кодекс: учеб.-практ. комментарий / пер. с фран., коммент. Ю. Гонгало и др. М.: Проспект, 2008. 752 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Нью-Йорк: Philosophical arkiv, 2016. 231 с.
- Blackstone W. The Philosophy and History of the Law Under Which We Live / ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos: Nourse Publishing Company, 1959. 987 p.
- Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility. N. Y.: The Free Press, 1959. 645 p.
- Strayer R. Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. L.: Taylor and Francis Ltd, 1998. 232 p.

References

Alekseev N. N. (1993) *Sobstvennost' i sotsializm. Opyt obosnovaniya sotsial'no-ekonomicheskoi programmy evraziistva* [Ownership and socialism. Experience in substantiating the socio-economic

program of Eurasianism]. In *Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVIII–XX vv.)*. Saint Petersburg, SP «Ganza», pp. 343–399.

Arkhipov S. I. (2004) *Sub"ekt prava: teoreticheskoe issledovanie* [Subject of law: theoretical study]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 469 p.

Arkhipov S. I. (2021) Ideya pravovogo progressa v trudakh N. N. Alekseeva [The idea of legal progress in the works of N. N. Alekseev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Arkhipov S. I. (2022) Pravovoe budushchee Rossii. Part 1. Obzor osnovnykh pozitsii [The legal future of Russia. Part 1. Overview of the main positions]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–21, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

Blackstone W. (1959) *The Philosophy and History of the Law Under Which We Live*, ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos, Nourse Publishing Company, 987 p.

Djilas M. (1961) *Novyi klass* [New class]. New York, Frederik A. Preger, 243 p., available at: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (accessed: 27.08.2022).

Dugin A. G. (2009) *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and political ideas of the XXI century]. Saint Petersburg, Amfora, 351 p.

Dugin A. G. (2015) *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Plyuriversum* [Theory of a multipolar world. Pluriversum]. Moscow, Akademicheskii proekt, 349 p.

Florovskii G. V. (1993) *Evraziiskii soblazn* [Eurasian temptation]. In *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn. Antologiya*. Moscow, Nauka, pp. 237–265.

Fromm E. (2016) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom], transl. from Eng. by A. I. Fet. Nyköping, Philosophical arkiv, 231 p.

Gongalo Yu. et al. (2008) *Frantsuzskii grazhdanskii kodeks: uchebno-prakticheskii kommentarii* [French civil code: educational and practical commentary], transl. from French. Moscow, Prospekt, 752 p.

Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.

Kant I. (1965) *Metafizika npravov v dvukh chastyakh* [Metaphysics of morals in two parts]. In Kant I. *Sochineniya*: in 6 vols. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 107–438.

Kant I. (1988) *Iz «Lektzii po etike» (1780–1782 gg.)* [From the «Lectures on Ethics» (178–1782)]. In *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskie chteniya*. Moscow, Politizdat, 384 p.

Kurginyan S. E. (2008) *Politicheskie elity v sovremennoi Rossii – aktual'nye vyzovy* [Political elites in modern Russia – current challenges]. In *Tsentr konservativnykh issledovaniy*, 24 October, available at: <http://konservativizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (accessed: 27.08.2022).

Leont'ev K. N. (1876) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskich pri Moskovskom universitete, 132 p.

Marchenko M. N. (2017) *O perspektivakh razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava* [On the prospects for the development of the Russian state and law]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Ser. 2: Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 5–11.

Marchenko M. N. (2018) *Osnovnye tendentsii razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava na sovremennom etape* [The main trends in the development of the Russian state and law at the present stage]. In *Lex Russica*, no. 5, pp. 19–32.

Marchenko M. N. (2019) *Osobennosti perekhoda ot sotsializma k kapitalizmu v Rossii i v Kitae (sravnitel'nyi analiz)* [Features of the transition from socialism to capitalism in Russia and China (comparative analysis)]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 26–33.

Marx K. (1955) *Debaty o svobode pechati i ob opublikovanii protokolov soslovnogo sobraniya* [Debates on freedom of the press and on the publication of the minutes of the class meeting]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 1, pp. 30–84.

Marx K., Engels F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 3, pp. 7–544.

Parsamov V. S. (2002) *Dekabristy i kul'turno-politicheskie traditsii Frantsii kontsa XVIII – nachala XIX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Decembrists and cultural and political traditions of France in the late 18th – early 19th centuries: a doctor of historical sciences thesis]. Saratov, 587 p.

Poskonina O. V. (1997) *Niklas Luman o politicheskoi i yuridicheskoi podsystemakh obshchestva* [Niklas Luman on the political and legal subsystems of society]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 124 p.

Sakharov A. D. (1968) *Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noi svobode* [Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom], Frankfurt, Moscow, Posev, 61 p., available at: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (accessed: 27.08.2022).

Savitskii P. I. (1922) *Step' i osedlost'* [Steppe and Settlement]. In *Na putyakh. Utverzhdenie evraziitsev*. Moscow, Berlin, Gelikon, pp. 294–316, available at: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (accessed: 27.08.2022).

Savitskii P. N. (1921) Predislovie [Preface]. In *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziitsev*. Sofiya, Rossiisko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo, book 1, available at: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (accessed: 27.08.2022).

Sorokin P. A. (1997) *Glavnye tendentsii nashego vremeni* [The main trends of our time]. Moscow, Nauka, 352 p.

Sorokin R. A. (1959) *Social and Cultural Mobility*. New York, The Free Press, 645 p.

Sorokin V. V. (2021) *Tipy pravoponimaniya i sushchnost' prava* [Types of legal understanding and the essence of law]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 275 p.

Strayer R. (1998) *Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change*. London, Taylor and Francis Ltd, 232 p.

Toinbi A. Dzh. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress, 731 p.

Trubetskoi N. S. (1921) Verkhi i nizy russkoi kul'tury (etnicheskaya baza russkoi kul'tury) [Tops and bottoms of Russian culture (ethnic base of Russian culture)]. In *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziitsev*. Sofiya, Rossiisko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo, book 1, available at: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-NST-verxi> (accessed: 27.08.2022).

Voslenskii M. (1990) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union], 2nd ed. London, OPI, 671 p.

Zyuganov G. A. (2011) *Global'noe poraboshchenie Rossii, ili «Globalizatsiya po-Amerikanski»* [Global enslavement of Russia, or «Globalization in American style»]. Moscow, Eksmo, 352 p.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАВОГЕНОМНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Берг Людмила Николаевна

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0001-8852-7971, e-mail: mila-berg@mail.ru.

В статье обосновывается междисциплинарный характер правогеномной концепции, ее связь с биоэтикой и основными биоэтическими принципами. Подчеркивается общетеоретический характер категории «геномная информация»; рассматриваются отдельные свойства геномной информации. Автор разрабатывает общие положения оригинальной правогеномной концепции.

Ключевые слова: геном, геномная информация, правогеномная концепция, биоэтика, биоэтические принципы, междисциплинарные исследования

Для цитирования: Берг Л. Н. Формирование междисциплинарной правогеномной концепции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 27–35. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_27.

FORMATION OF AN INTERDISCIPLINARY GENOMIC LEGAL THEORY

Berg Ludmila

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-8852-7971, e-mail: mila-berg@mail.ru.

The article substantiates an interdisciplinary nature of genomic legal theory, its connection with bioethics and basic bioethical principles. A general theoretical nature of the category «genomic information» is underlined; certain properties of genomic information are considered. The author develops some general provisions of the original genomic legal theory.

Key words: genome, genomic information, genomic legal theory, bioethics, bioethical principles, interdisciplinary research

*For citation: Berg L. (2022) Formation of an interdisciplinary genomic legal theory. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 27–35, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_27.*

Научное познание генома – одна из приоритетных задач, стоящих перед современной наукой. Юридические науки не являются исключением, их задача – оперативно и чутко «реагировать» на новые направления научного познания, «соприкоснуться» с иными науками, тем самым развивая междисциплинарность научных исследований.

Исследования, в которых предметом методологического анализа выступали бы не смежные науки, а взаимодействие дисциплин, принадлежащих разным группам наук (естественным, общественным, техническим), наиболее сложны и наименее обеспечены теоретико-методологическими средствами, однако именно их анализ и его результаты способны «высветить» содержание проблемы синтеза полученных результатов научных исследований.

Процесс организации междисциплинарного исследования сильно отличается от подходов, используемых в отдельных дисциплинах, но служит для аналогичных целей: упрощения коммуникации между учеными, поощрения качественных исследований, облегчения их оценки.

Можно выделить следующие этапы междисциплинарного исследования.

1. *Формирование исследовательской экспертной группы.* Для успешной коллективной работы организационный процесс должен быть последовательным, тщательно структурированным и включать в себя детальные переговоры и корректное взаимодействие с членами группы.

2. *Решение коммуникационных проблем.* Здесь можно выделить две основные сложности: 1) различие в смысле понятий в разных областях науки или социальных группах; 2) стереотипы, свойственные той или иной научной специализации, которые ученые привносят в междисциплинарный процесс.

3. *Постановка проблемы исследования.* В ходе междисциплинарного исследования возникает дилемма: как определить проблемное поле, чтобы избежать приоритизации одних дисциплин перед другими. Разработка проблематики по возможности должна соответствовать следующим критериям: быть комплексной; находиться в области компетенции данной группы исследователей; быть свободной от дисциплинарной предвзятости; быть актуальной.

4. *Выявление и оценка существующих внутридисциплинарных взглядов и подходов.* Качественное междисциплинарное исследование основывается на критической оценке того, что было сказано по поводу исследуемого вопроса в рамках разных дисциплин (и в междисциплинарных областях). Для проведения такого исследования необходимо сначала определить релевантные дисциплины, теории, методы. С этой целью должна быть проанализирована соответствующая источниковедческая база.

5. *Отображение (мапирование) междисциплинарных связей.* Так как междисциплинарный анализ используется при решении комплексных проблем с целью получения более глубокого знания, полезно четко определить соответствия между явлениями, связанными с предметом исследования.

6. *Интеграция знаний, полученных в отдельных дисциплинах.* Сутью междисциплинарного анализа является интеграция идей и знаний, полученных при применении методов и средств разных дисциплин. Это, пожалуй, самый сложный шаг в междисциплинарном исследовательском процессе, требующий творческого подхода. Стратегия достижения интеграции фокусируется на выработке единой концепции, позволяющей согласовать разные подходы к проблеме.

7. *Анализ, проверка результатов исследования и сообщение о них.*

На разных уровнях неоднократно подчеркивалась важность обеспечения безопасного использования геномной информации граждан, проведения геномных исследований для обеспечения эффективного функционирования сфер здравоохранения, научных исследований, аграрного сектора и промышленности. Динамично развиваются как сами геномные исследования, так и основанные на них технологии: генодиагностика, генная терапия, генная инженерия, биопринтинг, создание нейроинтерфейсов и нейроимплантов. Новые репродуктивные технологии (искусственное оплодотворение, суррогатное материнство и др.) активно используются в разных странах. Названные причины определяют необходимость разработки и обоснования междисциплинарной правогеномной концепции, учитывающей положения социогуманитарных, естественных и технических наук.

Разработка междисциплинарной правогеномной концепции предполагает использование знаний разных научных сфер (право, этика, биоэтика, биология, медицина и т. д.) как для проведения самих генетических и геномных исследований, так и для оценки правовых и этических аспектов безопасного использования генетической и геномной информации.

Научные изыскания в рассматриваемой сфере характеризуются значительным научным потенциалом, так как они предоставляют новые научные знания о специально-юридических средствах правового воздействия, применяемых к сфере генетических и геномных отношений, о правилах корректного обращения с генетической и геномной информацией (скрининг, хранение, доступ, использование, распространение и др.), о правовом режиме охраны и защиты в сфере персональных данных, о проблемах, связанных с соотношением публично-правового и частноправового начал правового воздействия на область геномных исследований и геномную ин-

формацию, об этико-правовых вопросах, возникающих при редактировании генома человека и целенаправленном вмешательстве в него.

Остановимся на некоторых аспектах, которые, по нашему мнению, составляют ядро междисциплинарной (синтетической) правогеномной концепции.

1. Геномная информация включает в себя информацию в форме кода о последовательности нуклеотидов в генах, т. е. о строении молекул ДНК или РНК, их участках. Именно генетический код имеет решающее значение в определении основных биологических характеристик человека, которые в свою очередь задают физиологические, психические и иные свойства организма. Таким образом, «под генетической информацией следует понимать всю совокупность генетического (наследственного) „материала“, заключенного в клетке организма»¹.

2. Стержнем правогеномной концепции является категория «геномная информация», которая представляет собой ряд понятий, относящихся к юридическим средствам правового воздействия (виды геномной информации, режим доступа к геномной информации, биологический образец геномной информации, способ получения геномной информации), и позволяет выявить определенные направления их дальнейшей разработки².

3. Одним из основополагающих понятий правогеномной концепции является понятие геномного правоотношения. «Это реальное, фактическое, возникшее в конкретной жизненной ситуации общественное отношение (общественная связь физических и (или) юридических лиц), связанное с использованием (исследованием, применением, хранением) гена и (или) последовательности генов (генома), которое приобрело правовую форму в результате предусмотренности данного жизненного случая нормой действующего закона, договором, судебным (административным) актом»³.

Междисциплинарность исследовательской деятельности опосредуется ключевыми эпистемологическими установками научной рациональности постнеклассического типа⁴. Методологическими предпосылками междисциплинарных исследований традиционно считаются: единство объекта науки (объективного мира – для естественных, субъективного мира – для социогуманитарных); схожесть исходных концептуальных схем, описывающих объект (например, близость содержания понятий о государстве в политологии и правоведении); становление метанаучных областей знания (системного подхода, общей теории деятельности).

Вместе с тем методология междисциплинарного познания в современную эпоху характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, основанием междисциплинарного исследования становится не единство объекта, а единство деятельности. Отсюда объект изучения естествознания (к примеру, генетическая информация), будучи вовлеченным в социально-правовые отношения (к примеру, отношения по охране генетического достоинства человека), начинает проявлять юридически значимые свойства (становится объектом права и т. п.).

Во-вторых, концептуализация любого явления строится на основе принципа единства, а не дифференциации наук, в силу чего взаимопроникновение базовых концептуальных схем (на уровне методологического подхода) задает границы смежных областей знания (к примеру, правогеномной концепции).

В-третьих, формирование смежных областей знания осуществляется в контексте возможностей любой частной теории выступать в ее исходных основаниях средством

¹ Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 640. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649.

² Берг Л. Н. Методологическое значение понятия «геномная информация» в междисциплинарных исследованиях генома человека // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 893–894. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-888-900.

³ Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации: учеб. для вузов / под ред. Л. Н. Берг, А. В. Лисаченко. М.: Юрайт, 2022. С. 60–61. URL: <https://urait.ru/bcode/497012> (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 81–82.

познания объекта. Если в традиционных отраслях юридических наук набор исследовательских средств известен, то в интенсивно формирующихся на основе правоведческих исследований новых отраслях юридического знания особо велика роль новых познавательных средств.

Возникновение новых объектов и формирование на этой основе предметов исследования юридической науки происходит с учетом прогрессивного понимания неизвестных свойств феномена. Что ведет к появлению новых понятий, поскольку именно они могут служить основанием для частных концепций и даже теорий. Общественное понятие «геномная информация» выполняет данную роль в правоведческих исследованиях¹.

Биология, медицина и право создают новый уклад жизни на основе биомедицинских, этико-правовых, биоэтических норм. Как следствие, происходит формирование биоэтики. Сам термин «биоэтика» в каком-то смысле условен. Тем не менее в рамках настоящего исследования предлагается за базовое принять следующее определение: биоэтика – это область междисциплинарных исследований, направленных на осмысление, обсуждение и разрешение этических дилемм и коллизий, порожденных новейшими достижениями биомедицинской науки и практикой здравоохранения.

Биоэтика аккумулирует междисциплинарные знания. Она затрагивает объемный перечень вопросов, возникающих в связи с ускоренным развитием медицинских и биомедицинских технологий, их интенсивного практического применения в сферах науки, здравоохранения и благополучия человека. Биоэтика синтезирует знания в сфере как социогуманитаристики, так и естественных наук.

В современной биоэтике возможно выделение трех уровней: теоретического, практического и прикладного. «Теоретическая биоэтика – это совокупность знаний об отношении человека к живому, представленная в виде аксиологического дискурса. Практическая биоэтика – институционально оформленная нормативная регуляция и ценностная экспертиза отношения человека к живому... Прикладная биоэтика – описание конкретных ситуаций поведения человека по отношению к живому»².

Ввиду относительной новизны такого научного направления, как биоэтика, дискуссионными являются вопросы о понятии и правовом статусе биоэтических принципов. С точки зрения юридической науки небесспорна сама постановка проблемы правового статуса биоэтических принципов, поскольку традиционно право и мораль как разновидности социальных норм рассматриваются в сравнении, при этом чаще указывается на их отличия, чем сходство.

Этика и право выступают разными видами культурных и социальных регуляторов, устанавливающих нормы поведения в конкретную историческую эпоху. Эпоха биотехнологий диктует свои правила и зачастую вызывает потребность в применении норм-принципов при наличии пробела в законодательстве (например, при необходимости надлежащего определения статуса эмбриона при разных манипуляциях с ним *in vitro*, обоснования манипуляций с геномом человека, установления универсальности и объективности выводов доказательной медицины).

Таким образом, биоэтические принципы представляют собой основополагающие положения в сфере биоэтики и биомедицинского права, которые определяют содержание и направления правового воздействия в данных сферах, возникают «на стыке» юридических и моральных (нравственных) норм.

С позиции здравоохранения биоэтика включает в себя «определение обязательств с точки зрения цели медицинской профессии, а также общей и специальной практической роли врача и других профессионалов здравоохранения. Цель и роль являются результатом соглашения между профессионалами, пациентами и обществом. Участие общества в этом определении находится под влиянием философии,

¹ Berg L. N., Puchkov O. A., Lisachenko A. V. et al. Philosophical and Legal Foundations of the Methodology of Scientific Knowledge of the Genome // European and Asian Law Review. 2021. Vol. 4. Is. 1. P. 8. DOI: 10.34076/27821668_2021_4_1_5.

² Петров В. И., Седова Н. Н. Практическая биоэтика: этические комитеты в России. М.: Триумф, 2002. С. 11–12. Цит. по: Савощикова Е. В. Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 2. С. 257.

религии, истории конкретного общества, одним словом, всей культуры»¹. Со времен Гиппократов общепризнанным и бесспорным было суждение о том, что «нравственная культура врача – это не просто заслуживающие уважения свойства его личности, но и качества, определяющие его профессионализм»². В свою очередь, «формирование профессиональной компетентности медицинского работника включает в себя как активное стремление к углублению своих медицинских познаний и овладению специальными умениями и навыками („качество медицинской помощи не может быть выше полученного образования“), так и сознательную целевую детерминированность медицинской деятельности высшими нравственными ценностями»³.

С позиции благополучия человека биоэтика представляет собой «совокупность требований к содержанию и качеству исследований, в которые с учебной, научной или научно-практической целью включается в качестве испытуемого человек и (или) идентифицируемый биологический и генетический материал человека (кровь, биологические жидкости, ткани и др.)»⁴.

В этом смысле в число биоэтических принципов можно включить, например, принцип «Прежде всего не навреди».

С учетом изложенного нельзя согласиться с позицией тех ученых, которые считают, что определение понятия и статуса биоэтических принципов относится исключительно к сфере науки, не преследует практико-ориентированные цели⁵. При рассмотрении биоэтических принципов с позиции здравоохранения подчеркивается, что «целью биоэтики является разработка моральных и нравственных норм, требований и принципов создания механизмов, обеспечивающих использование научно-технических достижений во благо человека и природы»⁶.

В области обеспечения благополучия человека целью биоэтических принципов является выработка таких требований к проведению медицинских исследований, которые позволяют достичь баланса между интересами конкретного человека, претендующего на достойную жизнь, и общества, которое стремится выявить угрозы и не допустить их распространения.

Междисциплинарный характер биоэтики обуславливает выделение трех уровней познания биоэтических принципов: философско-правовой, теоретической и доктринальной.

На философско-правовом уровне этика рассматривается как «отрасль философии, которая стремится установить, как человеческие действия могут оцениваться в моральном отношении правильными или неправильными. Когда изучение этики применяют к профессиональной области, становится необходимым обсуждать не только базовые этические позиции, но также природу профессии и условия, в которых эта профессия осуществляет свою деятельность»⁷.

В основе биоэтики лежит понятие этики, которую еще Аристотель определял как практическую философию, призванную способствовать нравственному совершенствованию человека. Биоэтика объединяет биологическое знание и человеческие ценности и представляет собой «систематическое исследование человеческого по-

¹ Бартко А. Н., Михаловска-Карлова Е. П. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Ч. 2: Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М.: ММСИ, 1999. С. 14.

² Кулик С. П., Тиханович Н. У. Биоэтика как аксиологическая модель профессиональной компетентности медицинских работников // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Витебск: ВГМУ, 2016. С. 215.

³ Кулик С. П. Роль философии и биоэтики в гуманизации образовательной среды медицинского университета // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 октября 2021 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. С. 20.

⁴ Денисов С. Д. О защите прав и достоинства человека в медико-биологических исследованиях // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Витебск: ВГМУ, 2016. С. 121.

⁵ Gert B., Culver Ch. M., Clouser K. D. Bioethics: a Systematic Approach. 2nd ed. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 7.

⁶ Биоэтика и глобальные вызовы. Документы и размышления / авт.-сост. Ю. Н. Саямов. М.: Вече, 2020. С. 7.

⁷ Михайлова Е. П., Бартко А. Н. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Ч. 1: Теория и принципы биомедицинской этики. М.: ММСИ, 1995. С. 42.

ведения в области наук о жизни и здравоохранения в той мере, в какой это поведение рассматривается в свете моральных ценностей и принципов»¹. Соответственно, на философско-правовом уровне познания необходимо установить, могут ли общие моральные ценности и принципы регулировать практическую деятельность, относящуюся к сфере биоэтики.

Теоретический уровень исследования биоэтических принципов предполагает возможность их анализа с позиции теории права. В теории права принципы определяются как руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе². Считается, что наличие специфических принципов является обязательным элементом правового (отраслевого) режима наряду с предметом, методом, собственным источником (кодификация). При этом институт права как элемент системы (структуры) права может иметь собственные принципы. Соответственно, для теоретического исследования биоэтических принципов необходимо определить место норм, регламентирующих рассматриваемые отношения между врачом, пациентом и обществом, в системе правового воздействия.

Доктринальный уровень изучения биоэтических принципов предполагает осмысление и описание принципов биоэтики в системном и непротиворечивом виде как самостоятельное научное направление. Биоэтика в доктрине воспринимается как совокупность принципов, регламентирующих практическую медицинскую деятельность.

В доктрине можно выделить четыре подхода к обоснованию необходимости выделения биоэтических принципов:

1) принципалистский: предполагает обращение к «благу пациента», принципам и ценностям, обеспечивающим это благо;

2) казуистический: ориентирован на вариативность ситуаций в условиях интенсивного развития биомедицинской науки; безоговорочно признается автономия пациента;

3) институционально-организационный: в основе этого подхода – междисциплинарность научного знания, «управляемость» этики, соблюдение принципа справедливости;

4) интегративный: сочетает в себе применение всех перечисленных подходов в деятельности врача и исследователя.

Наиболее обоснованным представляется интегративный подход, который объединяет доктринальные представления о биоэтических принципах и позволяет с учетом их относительного характера сбалансировать такие конкурирующие ценности, как благо, автономия и справедливость.

Категорию «геномная информация» сложно заключить в рамках одной частной науки, но и отнесение этой категории к общенаучным и философским на данном этапе научно-технологического развития невозможно. Чего нельзя сказать о применении категории «геномная информация» в разрезе междисциплинарной науки, что согласуется с постнеклассической научной рациональностью и новым технологическим укладом.

Обратим внимание на свойства геномной информации, позволяющие определить ее междисциплинарный характер. В первую очередь речь идет о свойстве наследственности. Данная характеристика является естественнонаучной, биологической. ДНК человека формируется таким образом, что ребенок получает равное количество генетического материала от обоих родителей, что определяет различные физиологические и психологические свойства, в том числе возможность наследования генетических заболеваний и различных физических дефектов.

За счет свойства наследственности геномная информация оказывает значительное влияние на социальные связи между близкими и дальними родственниками, членами семьи, не являющимися кровными родственниками, поколениями предков и потомков.

¹ Encyclopedia of Bioethics. Vol. 1: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems / ed. by W. Th. Reich. N. Y.; L.: Macmillan, 1995. P. 102.

² Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В. и др. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2016. Доступ из СПС «Гарант».

В недавнем исследовании отмечается значительное влияние геномных данных на социальные связи внутри социальной группы, которую мы привыкли обозначать как «семья». Основываясь на концепции «связанных жизней», группа ученых путем проведения социологических опросов среди людей, имеющих тяжелые наследственные заболевания (предрасположенность к ним), а также их родственников доказывает, что наличие либо отсутствие знаний о имеющемся заболевании или склонности к нему существенно влияет на построение социальной коммуникации между членами семьи и их родственниками, на планирование и выстраивание связей в социуме¹.

Авторами закономерно поставлен вопрос о расширении понятий «пациент» и «автономия пациента», что может привести к проблемам медицинского характера. Этическое принятие решений в современной геномной медицине зависит от конкурирующих обязательств перед отдельными пациентами, необходимости обеспечения конфиденциальности их генетической информации, а также того, чтобы родственники располагали информацией, достаточной для принятия решений о своем здоровье. Может ли медицинский работник сообщать о наследственных рисках членам семьи и в каком контексте, как это связано с конфиденциальностью? Существует два основных подхода к разрешению этих вопросов. В первом случае центральное место занимает человек и основное внимание уделяется соблюдению конфиденциальности информации о пациенте. Во втором случае предлагается модель конфиденциальности, в которой проводится различие между клинической и геномной информацией, при этом первая рассматривается как конфиденциальная для отдельных лиц, а последняя – как конфиденциальная внутри семьи. Результатом такого подхода является раскрытие информации членам семьи как стандартное решение в большинстве случаев.

Подведем итоги настоящего исследования:

1. Для проведения успешного междисциплинарного исследования (правогеномная концепция) необходимо с особым вниманием отнестись к формированию научной группы, определению проблематики исследования, разработке его методологии.

2. В междисциплинарном исследовании ключевую роль играет его методологическая организация, исходная научно-познавательная стратегия. Отсюда истинность междисциплинарного знания определяется согласованностью его методологических оснований.

3. Правогеномная концепция испытывает значительное влияние биоэтики. Биоэтические принципы, несмотря на относительность и неоднородность, с одной стороны, определяют исходные положения этой концепции, а с другой – ориентируют исследователей на дальнейшее развитие междисциплинарного взаимодействия. Биоэтические принципы отражают актуальное состояние правового воздействия на общественные отношения, в которые вовлечены субъекты – носители геномной информации.

4. Категорию «геномная информация» как ядро правогеномной концепции невозможно осмыслить без применения междисциплинарных инструментов познания.

Список литературы

Бартко А. Н., Михаловска-Карлова Е. П. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Ч. 2. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М.: ММСИ, 1999. 275 с.

Берг Л. Н. Методологическое значение понятия «геномная информация» в междисциплинарных исследованиях генома человека // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 888–900. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-888-900.

Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 638–649. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649.

Биоэтика и глобальные вызовы. Документы и размышления / авт.-сост. Ю. Н. Саямов. М.: Вече, 2020. 672 с.

Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В. и др. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2016. 324 с.

¹ Weller S., Lyle K., Lucassen A. Re-imagining «the patient»: Linked lives and lessons from genomic medicine // Social Science and Medicine. 2022. Vol. 297. P. 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114806>.

Денисов С. Д. О защите прав и достоинства человека в медико-биологических исследованиях // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Витебск: ВГМУ, 2016. С. 123–126.

Кулик С. П., Тиханович Н. У. Биоэтика как аксиологическая модель профессиональной компетентности медицинских работников // Биоэтика и современные проблемы медицинской этики и деонтологии: материалы Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Витебск: ВГМУ, 2016. С. 217–221.

Кулик С. П. Роль философии и биоэтики в гуманизации образовательной среды медицинского университета // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 октября 2021 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. С. 18–20.

Михайлова Е. П., Бартко А. Н. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Ч. 1: Теория и принципы биомедицинской этики. М.: ММСИ, 1995. 239 с.

Петров В. И., Седова Н. Н. Практическая биоэтика: этические комитеты в России. М.: Триумф, 2002. 189 с.

Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации: учеб. для вузов / под ред. Л. Н. Берг, А. В. Лисаченко. М.: Юрайт, 2022. 123 с.

Савощикова Е. В. Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 2. С. 256–258.

Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.

Berg L. N., Puchkov O. A., Lisachenko A. V. et al. Philosophical and Legal Foundations of the Methodology of Scientific Knowledge of the Genome // *European and Asian Law Review*. 2021. Vol. 4. Is. 1. P. 5–15. DOI: 10.34076/27821668_2021_4_1_5.

Encyclopedia of Bioethics. Vol. 1: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems / ed. by W. Th. Reich. N. Y.; L.: Macmillan, 1995. 484 p.

Gert B., Culver Ch. M., Clouser K. D. *Bioethics: a Systematic Approach*. 2nd ed. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 359 p.

Weller S., Lyle K., Lucassen A. Re-imagining «the patient»: Linked lives and lessons from genomic medicine // *Social Science and Medicine*. 2022. Vol. 297. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socsci-med.2022.114806>.

References

Bartko A. N., Mikhailovska-Karlova E. P. (1999) *Biomeditsinskaya etika: teoriya, printsipy i problemy. Part 2. Printsipy i osnovnye problemy biomeditsinskoj etiki* [Biomedical ethics: theory, principles and problems. Part 2. Principles and main problems of biomedical ethics]. Moscow, MMSI, 275 p.

Berg L. N. (2021) Metodologicheskoe znachenie ponyatiya «genomnaya informatsiya» v mezhdisciplinarnykh issledovaniyakh genoma cheloveka [Methodological function of the «genomic information» notion for human genome interdisciplinary researches]. In *RUDN Journal of Law*, vol. 25, no. 4, pp. 888–900, DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-888-900.

Berg L. N., Golubtsov V. G. (2020) Napravleniya pravovogo vozdeistviya v sfere genomnykh issledovaniy: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Areas of legal impact in the field of genomic research: Russian and international experience]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 50, pp. 638–649, DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649.

Berg L. N., Lisachenko A. V. (Eds.) (2022) *Pravovoe obespechenie bezopasnogo ispol'zovaniya geneticheskoi i genomnoi informatsii* [Legal support for the safe use of genetic and genomic information]. Moscow, Yurait, 123 p.

Berg L. N., Puchkov O. A., Lisachenko A. V. et al. (2021) Philosophical and Legal Foundations of the Methodology of Scientific Knowledge of the Genome. In *European and Asian Law Review*, vol. 4, no. 1, pp. 5–15, DOI: 10.34076/27821668_2021_4_1_5.

Denisov S. D. (2016) O zashchite prav i dostoinstva cheloveka v mediko-biologicheskikh issledovaniyakh [On the protection of human rights and dignity in biomedical research]. In *Bioetika i sovremennye problemy meditsinskoj etiki i deontologii: conference papers*. Vitebsk, VGMU, pp. 123–126.

Gert B., Culver Ch. M., Clouser K. D. (2006) *Bioethics: a Systematic Approach*, 2nd ed. New York, Oxford University Press, 359 p.

Gogin A. A., Lipinskii D. A., Mal'ko A. V. et al. (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], ed. by A. V. Mal'ko, D. A. Lipinskii. Moscow, Prospekt, 324 p.

Kulik S. P., Tikhonovich N. U. (2016) Bioetika kak aksiologicheskaya model' professional'noi kompetentnosti meditsinskikh rabotnikov [Bioethics as an axiological model of professional competence of medical workers]. In *Bioetika i sovremennye problemy meditsinskoj etiki i deontologii: conference papers*. Vitebsk, VGMU, pp. 217–221.

Kulik S. P. (2021) Rol' filosofii i bioetiki v gumanizatsii obrazovatel'noi sredy meditsinskogo universiteta [The role of philosophy and bioethics in the humanization of the educational environment of the medical university]. In *Interpretatsionnoe nasilie nad istoricheskoi pamyat'yu i formirovanie kul'tury politicheskogo myshleniya: conference papers, Vitebsk, 29 October 2021*. Vitebsk, VGU im. P. M. Masherova, pp. 18–20.

Mikhailova E. P., Bartko A. N. (1995) *Biomeditsinskaya etika: teoriya, printsipy i problemy. Part 1: Teoriya i printsipy biomeditsinskoj etiki* [Biomedical ethics: theory, principles and problems. Part 1: Theory and principles of biomedical ethics]. Moscow, MMSI, 239 p.

Petrov V. I., Sedova N. N. (2002) *Prakticheskaya bioetika: eticheskie komitety v Rossii* [Practical bioethics: ethical committees in Russia]. Moscow, Triumph, 189 p.

Reich W. Th. (Ed.) (1995) *Encyclopedia of Bioethics. Vol. 1: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems*. New York, London, Macmillan, 484 p.

Sayamov Yu. N. (Ed.) (2020) *Bioetika i global'nye vyzovy. Dokumenty i razmyshleniya* [Bioethics and global challenges. Documents and reflections]. Moscow, Veche, 672 p.

Savoshchikova E. V. (2015) Mnogogrannost' bioetiki kak ponyatiya, pravovye aspekty regulirovaniya [Versatility of bioethics as a notion and legal aspects of its regulation]. In *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 2, pp. 256–258.

Stepin V. S. (2013) Osobennosti nauchnogo poznaniya i kriterii tipov nauchnoi ratsional'nosti [Peculiarities of scientific knowledge and criteria for types of scientific rationality]. In *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 36, no. 2, pp. 78–91.

Weller S., Lyle K., Lucassen A. (2022) Re-imagining «the patient»: Linked lives and lessons from genomic medicine. In *Social Science and Medicine*, vol. 297, pp. 1–8, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114806>.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИАЦИИ КАК ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Иванова Екатерина Алексеевна

Доцент кафедры гражданского процесса, аналитик Центра медиации Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, LL.M (Атланта, США), ORCID: 0000-0002-0260-0179, e-mail: ea.ivanova.civprodepartm@gmail.com.

Соломеина Елизавета Александровна

Старший преподаватель кафедры гражданского процесса, директор Центра медиации Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-7051-2592, e-mail: solomeina@gmail.com.

Хрущелева Татьяна Сергеевна

Доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-7169-2671, e-mail: tatiana.khruscheleva@gmail.com.

Шереметова Галина Сергеевна

Доцент кафедры гражданского процесса, ведущий эксперт Центра медиации Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-6868-3301, e-mail: sheremetova.gs@gmail.com.

В последние годы в России прилагается много усилий для более широкого применения примирительных процедур. Данный институт, безусловно, имеет большое количество преимуществ. Но все плюсы таких процедур нивелируются, если сторона использует медиацию не в соответствии с ее назначением. В связи с этим является актуальным изучение отдельного вида злоупотребления процессуальными правами – недобросовестного использования процедуры медиации. Отталкиваясь от существа злоупотребления правом и от правоприменительной практики, авторы рассматривают возможные формы таких злоупотреблений. Учитывая эти формы и роли участников складывающихся отношений, они делают вывод, что противодействие злоупотреблениям должно осуществляться судом и медиатором, перед которыми стоит сложная задача по установлению злоупотребления правом. Даются рекомендации по выявлению исследуемого недобросовестного поведения. Проводится анализ законодательства Российской Федерации, чтобы показать суду и медиаторам конкретные способы противодействия злоупотреблению процессуальными правами при обращении сторон к процедуре медиации. При своевременном выявлении такое поведение может быть предотвращено, однако если этого не произошло, сторона, злоупотребившая своим правом, может быть привлечена к ответственности.

Ключевые слова: злоупотребление правом, медиация, судебный контроль, отложение судебного разбирательства, компенсация за фактическую потерю времени

Для цитирования: Иванова Е. А., Соломеина Е. А., Хрущелева Т. С., Шереметова Г. С. О противодействии злоупотреблению процессуальными правами при использовании медиации как примирительной процедуры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 36–44. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_36.

ON COUNTERING THE ABUSE OF THE PROCEDURAL RIGHTS WHILE USING MEDIATION AS A CONCILIATION PROCEDURE

Ivanova Ekaterina

Associate professor, analyst of the Center for Mediation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, LLM (USA, Atlanta), ORCID: 0000-0002-0260-0179, e-mail: ea.ivanova.civprodeparment@gmail.com.

Solomeina Elizaveta

Assistant professor, director of Center for Mediation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-7051-2592, e-mail: solomeina@gmail.com.

Khrushcheva Tatiana

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7169-2671, e-mail: tatiana.khruscheva@gmail.com.

Sheremetova Galina

Associate professor, leading expert of the Center for Mediation, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-6868-3301, e-mail: sheremetova.gs@gmail.com.

Last years in Russia many efforts are undertaken for the wide implementation of conciliation procedures. This institution has a great number of benefits. However, all of them could be neutralized by the party using mediation not in accordance with its goal. Thus, it is relevant to examine the specific type of abuse of the procedural rights – a dishonest use of the mediation procedure. Based on the essence of the abuse of law and on the legal practice, the authors consider possible forms of such an abuse. Taking into account these forms and roles of the participants in the emerging relations, they conclude that the counteraction to abuses should be carried out by the court and the mediator, who face the difficult task of establishing the abuse of the right. The article provides recommendations on identifying the studied misbehaviour. Further, the authors analyse the current legislation of the Russian Federation to show the judges and mediators specific ways to counter abuse when the parties use the mediation procedure. If detected in time, such behaviour can be prevented, but if this does not happen, the party that abused its right can be held liable.

Key words: abuse of the right, mediation, judicial control, postponement of the procedure, suspension of the procedure, damages for real loss of time

*For citation: Ivanova E., Solomeina E., Khrushcheva T., Sheremetova G. (2022) On countering the abuse of the procedural rights while using mediation as a conciliation procedure. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 4, pp. 36–44, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_36.*

Понятия добросовестности и злоупотребления правом чаще всего рассматриваются в рамках частного права, однако сегодня как в зарубежном, так и в российском праве принцип добросовестности признается общеправовым. Соответственно, он действует и в рамках гражданского процесса¹. В Гражданском процессуальном кодексе РФ принцип добросовестности находит отражение, например, в ч. 1 ст. 35, где указывается, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

¹ Федосеев А. А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 351–352.

Исследователи категории «злоупотребление правом» так или иначе сталкиваются с необходимостью изучения субъективного права и пределов его осуществления, поскольку злоупотребление трактуется как выход за пределы дозволенного осуществления субъективных прав. В немецкой доктрине гражданского права принято выделять несколько функций принципа добросовестности: конкретизирующая, дополняющая, ограничительная и корректирующая. Именно ограничительная функция проявляется в недопустимости злоупотребления правом. Таким образом, принцип добросовестности препятствует злоупотреблению субъективными правами¹.

Концепция злоупотребления правом в процессуальном праве основывается на гражданско-правовых подходах к толкованию данного явления. В. О. Аболонин отмечает, что концепция злоупотребления правом возникла во французском гражданском праве в первой половине XIX в. Он пишет, что первым термин «*abuse de droit*» использовал бельгийский юрист Ф. Лоран (*F. Laurent*) «для обозначения ряда типичных, повторяющихся ситуаций, связанных с недобросовестным осуществлением прав правообладателем...»².

Несмотря на то что сам термин появился в XIX в., корни понятия «злоупотребление правом» можно найти уже в римском праве. Злоупотребления именно процессуальными правами, по словам Е. В. Васьковского, в римском праве обозначались общим термином «кляузы»³.

Вопрос о сущности злоупотребления правом, несмотря на многолетнюю историю его обсуждения, до сих пор остается дискуссионным. Так, еще в дореволюционном гражданском процессе поднималась проблема злоупотребления правом. В частности, Е. В. Васьковский трактовал злоупотребление процессуальным правом как его использование тяжущимися в противоречии с целью гражданского процесса, которая состояла в правильном и скором рассмотрении дела⁴.

В советском цивилистическом процессе злоупотребление правом также рассматривалось как использование права не по назначению, не в соответствии с целью⁵. Статья 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. гласила: «Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются с противоречиями с их социально-хозяйственным назначением».

Дискуссия относительно понимания категории «злоупотребление правом» продолжается и в современной юридической литературе. Большинство авторов поддерживают подход, согласно которому злоупотребление есть употребление права не в соответствии с его назначением. А. В. Юдин обосновывает, что «под злоупотреблением процессуальными правами следует понимать особую форму гражданского процессуального правонарушения, т. е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса (а в отдельных случаях и суда), сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения»⁶.

Отдельные авторы критикуют позицию о приравнивании злоупотребления правом к «нецелевому» использованию права как устаревшую, не отвечающую современным реалиям. Так, С. В. Мусарский приходит к выводу об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных

¹ Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (*Treu und Glauben*). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 92.

² Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 55.

³ Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 605.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 64–65.

⁶ Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. СПб., 2009. С. 10.

прав в противоречии с их назначением (целью). При этом автор рассуждает о том, что современное законодательство (в отличие от советского) не содержит предписаний об «иных целях» и «ином назначении» субъективных гражданских прав¹.

Для целей настоящего исследования за основу будет принят наиболее устоявшийся в доктрине и часто используемый в судебной практике подход, согласно которому под злоупотреблением процессуальным правом понимается использование права не в соответствии с его целью.

Сегодня при использовании примирительных процедур исключена возможность такого злоупотребления, которое имеет целью пропуск второй стороной срока исковой давности. В соответствии с п. 3 ст. 202 Гражданского кодекса РФ, если стороны прибегли к предусмотренной законом процедуре медиации, течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры.

В судебной практике и научной литературе отмечается лишь один способ злоупотребления процессуальными правами, так или иначе сопряженный с примирительными процедурами. В случае, когда сторона / стороны ходатайствуют о проведении примирительной процедуры или соглашаются с предложением суда о ее проведении, суд при необходимости выносит определение об отложении судебного разбирательства (ч. 2 ст. 153.2 ГПК РФ), а в соответствии с ч. 1 ст. 169 ГПК РФ суд может отложить разбирательство дела по ходатайству сторон в случае их обращения за содействием к суду или посреднику, в том числе медиатору, судебному примирителю. Фактически ходатайство / согласие сторон на применение примирительной процедуры порождает и необходимость использования форм временной остановки судебного разбирательства, и, как это следует из ч. 1 ст. 169 ГПК РФ, временная остановка должна быть инициирована сторонами. В гражданском и арбитражном судопроизводстве такой формой будет отложение судебного разбирательства на срок, не превышающий двух месяцев, в административном судопроизводстве – приостановление производства по делу на срок, установленный в определении суда о проведении примирительной процедуры. Случаи использования примирительных процедур нередко упоминаются как инструмент, который может быть применен в целях злоупотребления процессуальными правами и затягивания судебного разбирательства².

Представляется, что затягивание судебного процесса само по себе, как правило, не является самоцелью стороны по делу при отложении судебного разбирательства или приостановлении производства по делу (хотя нельзя исключить и такой возможности, предположив, что одной из сторон, которая предлагает или принимает предложение другой стороны об участии в примирительной процедуре, движет иррациональный интерес). Обычно за таким поведением стороны стоят конкретные рациональные намерения повлиять на материальные либо процессуальные правоотношения (в частности, обеспечить невозможность или затруднительность исполнения обязательств данной стороной). Например, сторона за этот период избавится от имущества, на которое в дальнейшем могло бы быть обращено взыскание, совершит иные действия, направленные на вывод имущества из гражданского оборота, либо соберет или уничтожит доказательства, усилив свою позицию или ослабив позицию другой стороны.

Можно констатировать, что возможность использования примирительных процедур в цивилистическом процессе в иных целях, нежели урегулирование спора, имеется. Вместе с тем такое использование примирительных процедур не соответствует целям отправления правосудия, препятствует правильному и своевременному рассмотрению дела и в этом понимании может квалифицироваться как злоупотребление правом. При этом возникает вопрос: как можно воспрепятствовать данному злоупотреблению при использовании примирительных процедур?

¹ Мусарский С. В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью) // Закон. 2021. № 7. С. 90.

² См., например: Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г.).

Как отмечает К. Гайда-Рошчынська, «проблема злоупотребления процессуальными правами относится к категории применения права... Понятие процессуального злоупотребления правом, несомненно, возникло в результате судебной практики, вызвавшей необходимость корректировки процессуальных действий сторон и участников процесса в рамках применения в гражданском процессе принципа верховенства права на основе таких категорий, как добросовестность, нравственность, честность, справедливость, безопасность и стабильность»¹. Злоупотреблению процессуальными правами противодействовать в первую очередь должен суд.

Р. Фентиман отмечает, что в английском праве традиционно тяжущиеся стороны, а не суд должны предотвращать злоупотребления, добиваясь соответствующих санкций; английское право реагирует на процессуальные злоупотребления, прежде всего предоставляя процессуальные средства правовой защиты сторонам².

В российских условиях стороны имеют возможность повлиять на принятие решения о проведении (непроведении) примирительных процедур, а также могут прекратить примирительные процедуры в любой момент, если посчитают это необходимым (в том числе, если предполагают злоупотребление правом на примирение другой стороной). Однако прерогатива применять санкции за злоупотребление процессуальным правом, в том числе на примирение, остается за судом.

Рассмотрим имеющиеся в арсенале суда способы противодействия злоупотреблению правом на примирение:

1. Предотвращение. Этот способ на первый взгляд может показаться простым. Но это далеко не так. Суд может не удовлетворять ходатайства сторон о применении примирительных процедур и не давать сторонам повода использовать медиацию в том случае, когда искомого результата примирительная процедура не принесет. Верховный Суд РФ указывал: «...при рассмотрении ходатайств об отложении разбирательства дела или судебного разбирательства для использования примирительных процедур, в том числе медиации, судам среди прочего следует учитывать медиабельность спора, обстоятельства дела (характер и сложность спора, его субъектный состав), интересы сторон и других лиц, права которых могут быть затронуты»³. И здесь кроется сложность. Ведь знание критериев медиабельности спора, умение их выделять требует определенной квалификации судьи, которая может быть получена только в результате специального обучения.

С 2011 по 2013 г. на территории Свердловской области проводился первый в России правовой эксперимент, организованный совместно Свердловским областным судом и Центром медиации Уральской государственной юридической академии. В рамках данного эксперимента судьи Свердловской области прошли обучение по программе «Медиация в судебной деятельности». Результаты эксперимента показали, что приобретенные по итогам обучения знания и навыки позволяют судьям качественно осуществлять отбор судебных дел для проведения примирительных процедур, что способствует использованию примирительных процедур в соответствии с их назначением и минимизирует возможности злоупотребления правом.

В последующем аналогичные эксперименты проводились в Липецкой области и Пермском крае. В постановлении президиума Липецкого областного суда по результатам обобщений судебной практики по применению судами области примирительных процедур при рассмотрении гражданских дел в первом полугодии 2018 года отмечается, что при обобщении не выявлено случаев использования сторонами примирительных процедур в целях злоупотребления процессуальными правами, направленного на затягивание рассмотрения дела; нарушений сроков рассмотрения гражданских дел, связанных с применением медиации, не установлено. По данным Липецкого областного суда, процент успешного завершения процедуры медиации

¹ *Gajda-Roszczyńska K.* Abuse of procedural rights in Polish and European civil procedure law and the notion of private and public interest // Access to Justice in Eastern Europe. 2019. № 2. P. 54. DOI: 10.33327/AJEE-18-2.3-a000013.

² *Fentiman R.* Abuse of Procedural Rights: The Position of English Law // Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness / ed. by M. Taruffo. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 56.

³ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.).

колеблется в районе 95 % за период 2015–2019 гг., что свидетельствует об эффективности применения судьями специальных знаний о техниках примирительных процедур¹.

Тем не менее, учитывая загруженность судов общей юрисдикции и порой отсутствие у судей возможности пройти соответствующее обучение, можно рекомендовать воспользоваться помощью тех, кто точно владеет знаниями, умениями и навыками определения медиабельности спора, – профессиональных медиаторов. Часть 1 ст. 153.2 ГПК РФ предусматривает, что для рассмотрения сторонами возможности использования примирительной процедуры суд может объявить перерыв в судебном заседании. Данный перерыв можно использовать как время для прохождения предварительной консультации у медиатора. В рамках консультации при принятии решения о возможности применения примирительной процедуры заключается соглашение о проведении процедуры медиации, которое в соответствии с ч. 4 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26 июля 2019 г.) (далее – ФЗ о медиации) и считается начальной точкой данной процедуры. Такое соглашение является трехсторонним, т. е. заключается с участием медиатора или организации, обеспечивающей проведение примирительной процедуры. Представляется, что медиатор в силу принципа добровольности не должен заключать такое соглашение, если придет к выводу о немедиабельности спора.

При этом сегодня использование форм временной остановки судебного разбирательства (отложения или приостановления) для проведения примирительных процедур не связывается законодателем с заключением соглашения о проведении медиации. И основанием для временной остановки процесса становится лишь воля сторон гипотетически процедуру применить. Нередки случаи, когда стороны выражают свою волю, суд откладывает судебное разбирательство, но к медиатору стороны могут прийти в последние дни срока отложения судебного разбирательства, что делает практически невозможным проведение примирительной процедуры.

Верховный Суд РФ указал, что «...Суд не вправе по собственной инициативе устанавливать срок для проведения процедуры медиации, отличный от срока, определенного сторонами в соглашении о проведении такой процедуры. При этом указанный в соглашении срок не может превышать срок, установленный в Законе о медиации»². Тем самым Верховный Суд РФ подтверждает, что отложение как форма временной остановки процесса должно использоваться при наличии уже заключенного соглашения о проведении медиации.

2. Выявление. Принцип добросовестности логически связан с презумпцией добросовестности. В постановлении от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ обращал внимание судов на презумпцию добросовестности участников отношений при использовании любых примирительных процедур, в том числе процедуры медиации (п. 2). Поэтому при выявлении злоупотребления процессуальными правами надлежит отталкиваться от предположения, что участники процесса применяют примирительные процедуры по их прямому назначению.

В связи со сказанным крайне важно определить, когда имело место именно злоупотребление процессуальными правами. Для этого необходимо установить обстоятельства, которые будут свидетельствовать о злоупотреблении правом. Поскольку в данном случае мы говорим только о злоупотреблении в форме намеренного отложения судебного разбирательства или приостановления производства по делу для затягивания процесса, суду для выявления данного факта следует установить: а) кто был инициатором применения примирительной процедуры; б) явилась ли сторона к медиатору для проведения предварительной консультации; в) заключила ли сторона соглашение о проведении процедуры медиации; г) участвовала ли сторона

¹ Ivanova E., Sheremetova G., Solomeina E. Judicial Conciliation: Conditions for Effective Development // SHS Web Conferences. 2022. Vol. 134. DOI: 10.1051/shsconf/202213400099.

² Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.).

в проведении примирительной процедуры или уклонялась от участия; д) каковы причины отказа или уклонения стороны от участия в примирительной процедуре.

Закономерно возникает вопрос: с помощью каких средств доказывания эти обстоятельства могут быть установлены? В первую очередь следует говорить об объяснениях стороны как средстве доказывания. Однако в ситуации, когда слову истца противостоит слово ответчика, довольно сложно сделать однозначный вывод.

В соответствии с ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ при применении процедуры судебного примирения судья вправе запросить (у судебного примирителя) информацию о ходе примирительной процедуры не чаще чем один раз в 14 календарных дней. Представляется, что в этом случае данная информация может быть использована в качестве доказательства. Но есть ли такая возможность, если в качестве примирительной процедуры сторонами выбрана процедура медиации? ГПК РФ указанной возможности не предусматривает, но это не означает ограничение суда в ее реализации. Соответственно, остается только вопрос о праве медиатора информировать суд о движении примирительной процедуры.

В ст. 5 ФЗ о медиации законодатель устанавливает правило о конфиденциальности всей информации, относящейся к процедуре медиации. Ни медиатор, ни представители организации, обеспечивающей проведение медиации, не могут быть допрошены в качестве свидетеля в суде об обстоятельствах, ставших им известными в связи с медиацией. У медиатора или организации, обеспечивающей проведение медиации, не могут быть запрошены какие-либо сведения о ходе примирительной процедуры, поскольку та же ст. 5 ФЗ о медиации говорит: «Истребование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином».

В такой ситуации изменить режим конфиденциальности можно взаимным соглашением сторон (что в случае злоупотребления правом одной из сторон крайне сложно себе представить).

Полагаем, что следует внести изменения в закон и по аналогии с судебным примирением предоставить суду возможность запрашивать у медиатора информацию о движении примирительной процедуры.

3. Применение последствий. В Рекомендации от 28 февраля 1984 г. № R (84) 5 относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы Комитет министров Совета Европы указывает: «Когда сторона в ходе судебного разбирательства ведет себя недобросовестно и явно нарушает процедуру с очевидной целью затянуть разбирательство, суд должен обладать полномочиями либо немедленно принять решение по существу, либо применить такие санкции, как, например, наложить штраф, обязать возместить ущерб или лишить права на процессуальные действия»¹.

В отношении исследуемого вида злоупотребления правом такая мера, как немедленное принятие решения по существу, выглядит необоснованной. К тому же она не соответствует избранному в процессуальном законодательстве подходу, согласно которому злоупотребление процессуальными правами влечет для лиц, участвующих в деле, только предусмотренные законом неблагоприятные последствия. Об этом прямо говорит ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Тот же смысл заложен в ч. 7 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ: «Недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет за собой наступление для этих лиц последствий, предусмотренных настоящим Кодексом».

В качестве главной меры противодействия злоупотреблению процессуальными правами при инициировании примирительной процедуры выступает отказ суда в вынесении определения о проведении примирительной процедуры и отложении судебного разбирательства или приостановлении производства по делу.

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/901945346> (дата обращения: 10.06.2022).

Также для стороны, злоупотребившей процессуальными правами, возможны неблагоприятные финансовые последствия. Суду дозволено взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени, если сторона систематически противодействовала правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела (ст. 99 ГПК РФ).

В АПК РФ предусмотрена специальная статья «Отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами» (ст. 111). Часть 2 этой статьи дает возможность суду отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, если это привело к затягиванию судебного процесса. В п. 7 постановления от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ разъясняет применение данной нормы: «...в случае если после вынесения определения об отложении проведения предварительного судебного заседания, определения об отложении судебного разбирательства в связи с обращением сторон за содействием к суду или посреднику, в том числе к медиатору, в целях урегулирования спора, поведение стороны, обратившейся с ходатайством об отложении в связи с указанными обстоятельствами, с очевидностью свидетельствует о том, что она отказывается или уклоняется от участия в примирительной процедуре, арбитражный суд применительно к части 2 статьи 111 АПК РФ вправе отнести на такую сторону все судебные расходы по делу, если признает причины такого отказа или уклонения неуважительными, направленными исключительно на затягивание судебного разбирательства, либо свидетельствующими об ином злоупотреблении процессуальными правами».

При широком применении рассмотренных норм финансовые риски могут стать сдерживающим фактором для сторон разбирательства, препятствием для злоупотребления ими процессуальными правами.

Полагаем, что медиатор лишь косвенно может противодействовать злоупотреблению процессуальными правами. Тем не менее профессиональный медиатор, как представляется, может содействовать как предотвращению таких случаев, так и их выявлению и применению последствий в отношении злоупотребившей правом стороны спора.

1. Предотвращение. Как уже говорилось, профессиональный медиатор при проведении предварительной консультации со сторонами спора определяет его медиабельность. В случае немедиабельности спора медиатору следует отказаться от заключения соглашения о проведении процедуры медиации.

2. Выявление. При проведении процедуры медиации медиатор оценивает наличие / отсутствие реальной заинтересованности сторон в мирном урегулировании правового конфликта. На отсутствие такой заинтересованности могут указывать уклонение стороны от участия в процедуре, неоформление / затягивание надлежащего оформления полномочий на участие представителя в процедуре, частые переносы встреч, пассивное поведение в ходе переговоров и пр. Безусловно, выявить злоупотребление правом довольно сложно и зачастую можно делать выводы, только основываясь на совокупности фактов.

3. Применение последствий. В соответствии с п. 3 ст. 14 ФЗ о медиации прекращение процедуры медиации возможно на основании заявления медиатора, сделанного в письменной форме и направленного сторонам после консультаций с ними по поводу прекращения процедуры медиации ввиду нецелесообразности ее дальнейшего проведения. Полагаем, именно прекращение процедуры медиации должно стать последствием выявления медиатором факта злоупотребления правом на примирение.

Как уже отмечалось, одним из возможных последствий выявления злоупотребления процессуальными правами могло бы стать информирование суда медиатором о реализации примирительной процедуры, однако этот вопрос остается открытым в связи с особенностями правового регулирования принципа конфиденциальности медиации.

Список литературы

Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. М.: Волтерс Клувер, 2009. 205 с.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.

Мусарский С. В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью) // Закон. 2021. № 7. С. 81–93.

Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.

Федосеев А. А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 346–371.

Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 47 с.

Fentiman R. Abuse of Procedural Rights: The Position of English Law // Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness / ed. by M. Taruffo. The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 53–64.

Ivanova E., Sheremetova G., Solomeina E. Judicial Conciliation: Conditions for Effective Development // SHS Web Conferences. 2022. Vol. 134. DOI: 10.1051/shsconf/202213400099.

Gajda-Roszczyńska K. Abuse of procedural rights in Polish and European civil procedure law and the notion of private and public interest // Access to Justice in Eastern Europe. 2019. № 2. P. 53–85. DOI: 10.33327/AJEE-18-2.3-a000013.

References

Abolonin V. O. (2009) *Zloupotreblenie pravom na isk v grazhdanskom processe Germanii* [Abuse of the right to claim in civil proceedings in Germany]. Moscow, Volters Kluver, 205 p.

Fedosseev A. A. (2021) *Grazhdansko-pravovoi printsip sotrudnichestva v doktrine kontinental'nogo prava: rasprostranenie za predely dogovornykh pravootnoshenii* [The civil law principle of cooperation in the doctrine of continental law: distribution beyond the redistribution of contractual legal relations]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, is. 52, pp. 346–371.

Fentiman R. (1999) *Abuse of Procedural Rights: The Position of English Law*. In *Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness*, ed. by M. Taruffo. The Hague, Kluwer Law International, 370 p.

Gajda-Roszczyńska K. (2019) *Abuse of procedural rights in Polish and European civil procedure law and the notion of private and public interest*. In *Access to Justice in Eastern Europe*, no. 2, pp. 53–85, DOI: 10.33327/AJEE-18-2.3-a000013.

Gribanov V. P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut, 411 p.

Ivanova E., Sheremetova G., Solomeina E. (2022) *Judicial Conciliation: Conditions for Effective Development*. In *SHS Web Conferences*, vol. 134, DOI: 10.1051/shsconf/202213400099.

Musarskii S. V. (2021) *Ob oshibochnosti otneseniya k aktam zloupotrebleniya pravom deistvii po osushchestvleniyu sub"ektivnykh prav v protivorechii s ikh naznacheniem (tsel'yu)* [On the fallacy of classifying actions to exercise subjective rights as acts of abuse of the rights in contradiction with their purpose]. In *Zakon*, no. 7, pp. 81–93.

Nam K. V. (2018) *Razvitie printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyyi etap. Vnutrennyaya sistematika* [Development of the principle of good faith (Treu und Glauben). Modern stage. Internal systematics]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no 7, pp. 83–114.

Vas'kovskii E. V. (2016) *Kurs grazhdanskogo protsesssa: sub"ekty i ob"ekty protsesssa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [The course of the civil process: subjects and objects of the process, procedural relations and actions]. Moscow, Statut, 624 p.

Yudin A. V. (2009) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Abuse of procedural rights in civil proceedings: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Saint Petersburg, 47 p.

ГРУППОВЫЕ ИСКИ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ В КОНТЕКСТЕ ДВИЖЕНИЯ #MeToo: ИССЛЕДОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ

Селькова Анастасия Андреевна

Доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

Распространение движения #MeToo способствовало большей осведомленности общественности о сексуальных домогательствах в трудовых отношениях, а также оказало влияние на иные сферы. В статье рассматривается, как движение #MeToo повлияло на судопроизводство, в частности на групповые иски. Автор обращает внимание на то, что число подобных исков, поданных работниками в отношении работодателей, неуклонно растет. В связи с этим перед ними встает серьезная задача – обезопасить работников от сексуальных домогательств на рабочем месте. Автор исследует тенденции, возникшие благодаря движению #MeToo в зарубежных юрисдикциях и затрагивающие сферу группового производства, с которым теперь может столкнуться любой работодатель. Кроме того, обращается внимание на изменение законодательства во многих юрисдикциях, направленное на усиление гарантий защиты работников. Также исследуется влияние СМИ на общественную оценку групповых исков в сфере трудовых отношений. На основе материалов судебной практики иностранных судов автор затрагивает вопрос установления обязанностей работодателей по ограничению числа случаев сексуального насилия в трудовой сфере; анализирует причины подачи работниками групповых исков; отмечает противоречия и трудности, возникающие при рассмотрении судами подобных исков. В заключение даются рекомендации для работодателей, стремящихся снизить негативный эффект групповых исков. Большое значение имеет последовательное соблюдение внутрикорпоративных правил относительно предотвращения сексуальных домогательств на рабочем месте. Также работодатели могут защитить себя и своих работников через установление специальных механизмов расследования и разрешения жалоб.

Ключевые слова: движение #MeToo, харассмент, групповые иски, трудовые споры, дискриминация

Для цитирования: Селькова А. А. Групповые иски по трудовым спорам в контексте движения #MeToo: исследование судебной практики в зарубежных юрисдикциях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 45–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_45.

THE EMPLOYMENT RELATED CLASS ACTIONS IN THE CONTEXT OF #MeToo: A STUDY OF JUDICIAL PRACTICE IN FOREIGN JURISDICTIONS

Selkova Anastasia

Assistant professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

The spread of the #MeToo movement has contributed to greater public awareness of workplace sexual harassment and has had an impact in other areas as well. The article examines how the #MeToo movement has affected the judiciary, in particular class actions. The author draws attention to the fact that the number of such claims

filed by employees against employers is steadily growing. In this regard, they face a serious task: to protect workers from sexual harassment in the workplace. The author explores the trends that have arisen due to the #MeToo movement in foreign jurisdictions and affect the group proceedings, which any employer can be involved. In addition, attention is drawn to changes in legislation in many jurisdictions aimed at strengthening guarantees for the workers protection. Also, the author investigates influence of the media on the public assessment of class actions in the field of labour relations. Using the materials of judicial practice of foreign courts as an example, the author touches upon issues of employers' obligations to limit the number of sexual violence cases in the labour sphere, analyses the reasons for filing class actions by employees, notes the contradictions and difficulties that arise when such claims are considered by judges. In conclusion, the author makes recommendations for employers who seeking to reduce the negative effect of class actions. Consistent compliance with internal company policies regarding the prevention of sexual harassment in the workplace is essential. Also, employers can protect themselves and their employees by establishing special mechanisms for investigating and resolving complaints.

Key words: #MeToo movement, harassment, class actions, labour disputes, discrimination

*For citation: Selkova A. (2022) The employment related class actions in the context of #MeToo: a study of judicial practice in foreign jurisdictions. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 45–56, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_45.*

Феномен #MeToo в контексте трудовых споров

К 2019 г. движение #MeToo превратилось во всемирный социокультурный феномен, оказавший влияние на многие сферы общественной жизни. Как впоследствии выяснилось, #MeToo – не мимолетный тренд, а серьезное явление, завоевавшее беспрецедентное внимание всего мира во многом за счет скорости распространения информации в социальных сетях. Благодаря движению #MeToo наконец стали отчетливо слышны голоса жертв сексуальных домогательств, в том числе происходящих на рабочем месте.

На этом фоне вполне ожидаем рост числа судебных разбирательств по соответствующим делам. Данные статистики в некоторых странах подтверждают этот прогноз, выявляя реальное значение и широкое распространение движения #MeToo. Реакцией на это стало издание новых законов во многих юрисдикциях. Например, в штате Калифорния был введен запрет на использование соглашений о неразглашении в отношении сотрудников, заявляющих о сексуальных домогательствах и насилии¹. В штате Иллинойс был принят закон, предписывающий обучать работников правилам выявления границ между харассментом на рабочем месте и правомерным поведением, а также запрещающий проводить арбитраж и заключать соглашения о неразглашении информации, касающейся случаев домогательств². В нескольких штатах, таких как Нью-Йорк и Нью-Джерси, на фоне волны разоблачений случаев сексуального насилия со стороны служителей католической церкви продлили сроки давности по соответствующим категориям дел³.

Растущее число заявлений о сексуальных домогательствах в сфере трудовых отношений привело к тому, что все чаще поднимаются вопросы, касающиеся обязанностей работодателей по отслеживанию возможных случаев сексуального насилия внутри трудового коллектива. В литературе встречается мнение о необходимости установления ответственности за отсутствие систем внутрикорпоративного контроля и расследования обвинений в сексуальных домогательствах⁴.

¹ California's Senate Bill № 331, October 7, 2021. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202120220SB331 (дата обращения: 12.06.2022).

² Illinois Workplace Transparency Act P.A. 101-0221, August 9, 2019. URL: <https://www.ilga.gov/legislation/BillStatus.asp?DocTypeID=SB&DocNum=75&GAID=15&SessionID=108&LegID=115041> (дата обращения: 12.06.2022)

³ New York's Adult Survivors Act S.66A/A.648A, May 24, 2022. URL: <https://www.nysenate.gov/issues/adult-survivors-act> (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Lentz S. Sexual Assault Statutes Targeting Authority & Power Imbalances: A Step Forward in Rape Law Reform // Freedom Center Journal. 2011. Vol. 26. № 1. P. 43–63.

Таким образом, движение #MeToo высветило для работодателей потенциальные риски, связанные с рассмотрением в судах дел о случаях сексуальных домогательств и проявления дискриминации¹. При этом отдельно следует упомянуть об увеличении количества соответствующих групповых исков, поданных работниками. Все возрастающее число подобных исков по всему миру демонстрирует актуальность проблемы харассмента в сфере трудовых отношений, которая, согласно многим исследованиям, негативно сказывается на психологическом состоянии сотрудников, эффективности работы компании и ее финансовом благополучии.

В статье группы ученых из Университета Манитобы (Виннипег, Канада) представлен сравнительный анализ экономических показателей компаний, где введены меры профилактики и борьбы с харассментом, и компаний, где этим вопросам не уделяется внимания². В выборку исследования попало около 1100 организаций. Ученые выявили любопытную зависимость: чем ниже у компании оценка за внутрикорпоративную политику в отношении харассмента, тем меньше прирост прибыли в долгосрочной перспективе. Подобную зависимость ученые обнаружили и в отношении акций на фондовом рынке: у компаний с наибольшим числом случаев харассмента рыночная стоимость ценных бумаг падала в среднем на 20 % в сравнении с теми, где отсутствовали сведения о фактах сексуального насилия. Ученые резюмировали, что стремление работодателей получить больше выгоды и их желание конструктивно взаимодействовать со своим коллективом можно совместить. Именно работодатели несут ответственность за безопасность и благополучие работников. Поэтому компании должны избавляться от культуры вседозволенности и игнорирования проблемы домогательств на рабочем месте.

Харассмент грозит работодателям не только экономическими проблемами, но и репутационными потерями. В 2018 г. группа ученых из Калифорнийского университета и Университета Амстердама провела исследование и опросила 1500 респондентов³. Им предлагалось сравнить компании, в которых были выявлены случаи харассмента, и компании, вовлеченные в незаконные финансовые операции. Абсолютное большинство негативно высказалось о компаниях, в которых был зафиксирован хотя бы один случай домогательств на рабочем месте (а не о тех, где имело место финансовое мошенничество).

Направления развития группового производства в эру #MeToo

Анализируя соответствующую судебную практику в разных юрисдикциях, можно определить ключевые тенденции, знание которых позволит сформулировать ряд рекомендаций для работодателей, заинтересованных в поддержании стабильных взаимоотношений с работниками в эпоху распространения движения #MeToo и нивелировании рисков подачи ими групповых исков.

1. *Гендерный элемент в групповых исках.* Первая тенденция заключается в том, что групповые иски чаще всего подаются работниками, занятыми в сферах с ярко выраженным гендерным разделением ролей: горнодобывающая промышленность, индустрия развлечений, сфера розничной торговли. Эта тенденция наметилась с самого начала распространения движения #MeToo. Например, в США первый подобный групповой иск был подан против горнодобывающей компании *Eveleth Taconite Co.*⁴ Истцы утверждали, что руководство компании (в основном мужчины) осуществляли акты словесного и физического насилия, гендерной дискриминации в отношении сотрудниц-женщин и тем самым создали основу для формирования сексуальных и гендерных стереотипов внутри компании.

¹ *Tippett E.* The Legal Implications of the MeToo Movement // *Minnesota Law Review.* 2018. Vol. 103. P. 229–292.

² *Au Sh.-Y., Dong M., Tremblay A.* How Much Does Workplace Sexual Harassment Hurt Firm Value? // *SSRN Electronic Journal.* 2022. 25 Jan. URL: <https://ssrn.com/abstract=3437444> (дата обращения: 01.06.2022).

³ *Shaw E., Hegewisch A., Hess C.* Sexual Harassment and Assault at Work: Understanding the Costs // *IWPR.* 2018. Oct. URL: https://iwpr.org/wp-content/uploads/2020/09/IWPR-sexual-harassment-brief_FINAL.pdf (дата обращения: 11.06.2022).

⁴ US District Court for the District of Minnesota. *Jenson v. Eveleth Taconite Co.* Civ. No. 5-88-163. Judgment of May 14, 1993. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/824/847/1460561/> (дата обращения: 12.06.2022).

С тех пор аналогичная гендерная составляющая проявляется почти в каждом групповом иске о сексуальных домогательствах на рабочем месте. Например, в деле *Sterling Jewelers* истцы утверждали, что менеджеры компании (в основном мужчины) открыто предлагали сотрудницам вступать в сексуальные отношения для дальнейшего карьерного продвижения¹. Идентичные примеры встречаются и в других юрисдикциях, например в Канаде, где было инициировано групповое производство против авиакомпании *West Jet*². Истцами выступили сотрудницы компании, чьи заявления о сексуальных домогательствах годами оставались без реакции со стороны работодателя.

Данные примеры свидетельствуют о том, что практика подачи групповых исков характерна для тех отраслей труда, где любые случаи сексуального насилия тщательно скрываются. Поэтому основаниями подобных исков часто выступают многочисленные факты неразрешенных и не расследованных на корпоративном уровне случаев харрасмента и дискриминации. Отсутствие внимания работодателя к данной проблеме, как правило, окончательно убеждает работников в необходимости подачи группового иска, выражающего их общую реакцию на систематическое бездействие или необъективное рассмотрение жалоб относительно актов сексуального насилия и дискриминации³.

2. *SLAPP иски vs. групповые иски*. Вторая тенденция прослеживается в практике предъявления так называемых SLAPP исков (*strategic lawsuit against public participation* – стратегический иск против вовлечения общественности), ставших своеобразной ответной реакцией на увеличение числа групповых исков, основанных на фактах сексуальных домогательств на рабочем месте. Термин «SLAPP иск» был предложен Дж. Прингом и П. Кэнан в 1980-х гг. после того, как они заметили рост числа судебных исков, поданных в отношении граждан, выступающих с критикой действий властей и крупных корпораций⁴.

SLAPP иски подаются физическими и юридическими лицами с намерением минимизировать риски публичного распространения информации, негативно влияющей на их репутацию. В действительности же SLAPP иски не основываются на реальных фактах нарушения прав и заявляются с недобросовестными целями – чтобы помешать тем или иным субъектам высказываться публично либо вовлечь их в длительный и дорогостоящий судебный процесс. Фактически через подачу SLAPP исков создаются препятствия для реализации свободы слова. Как правило, данные иски принимают форму гражданских исков о диффамации, нарушении условий контракта или неприкосновенности частной жизни, но их цель иная.

SLAPP иск направлен не на получение благоприятного судебного решения, а на запугивание человека, ограничение или полное прекращение критических высказываний по вопросам, которые могут вызвать широкий общественный резонанс. Помимо запугивания ответчика истец часто стремится сдержать и любых иных лиц от выражения критики. По сути, SLAPP иски подаются с намерением воспрепятствовать вовлечению общественности в обсуждение социально значимых вопросов. При этом результат достигается законными средствами через использование механизмов судебной защиты.

Практика подачи SLAPP исков оказала сдерживающее воздействие и на развитие движения #MeToo. Такие иски неоднократно предъявлялись с целью заставить замолчать жертв сексуального насилия на рабочем месте⁵. С началом распространения движения #MeToo многие из них стали подавать гражданские иски против своих обидчиков, которые, в свою очередь, заявляли ответные иски о клевете. Это рас-

¹ *Dorrian P. Sterling Jewelers Reaches Settlement in Long-Running Sex Bias Case // Bloomberg. 2022. 9 June. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-09/sterling-jewelers-to-pay-175-million-to-end-sex-bias-class-case> (дата обращения: 12.06.2022).*

² *The Supreme Court of British Columbia. Lewis v. WestJet Airlines Ltd. S162957. Judgment of February 12, 2021. URL: <https://www.canlii.org/en/bc/bcsc/doc/2021/2021bcsc228/2021bcsc228.html> (дата обращения: 12.06.2022)*

³ *Borelli-Kjaer M. #MeToo: Sexual harassment and company value ads // Journal of Corporate Finance. 2021. Vol. 67. № 3. P. 13–53. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2020.101875.*

⁴ *Pring G., Canan P. SLAPPs: Getting Sued for Speaking Out. Philadelphia: Temple University Press, 1996. P. 17.*

⁵ *Peleg-Koriat I. The #MeToo movement and restorative justice: exploring the views of the public // Contemporary Justice Review. 2020. Vol. 23. № 1. P. 2–22.*

пространенная стратегия защиты, для обозначения которой существует отдельный термин «DARVO» (*Deny, Attack, Reverse Victim and Offender* – отрицание, нападение, превращение жертвы в нарушителя)¹. Иски о диффамации в полной мере отражают каждый из этих элементов.

Согласно данным статистики, почти в 50 % случаев в рамках судебных процессов по делам, связанным с фактами сексуальных домогательств на рабочем месте, подаются иски о диффамации². В связи с этим возникает вопрос: как лицо, столкнувшееся с сексуальным насилием на рабочем месте, может безопасно сообщить об этом и защитить свои права? Возможность беспрепятственно, не опасаясь каких-либо угроз, заявлять о совершенном сексуальном насилии чрезвычайно важна для тех, кто с ним столкнулся. Часто они вынуждены вновь и вновь описывать случившееся с ними, чтобы получить доступ к законным средствам защиты (например, при обращении за юридической консультацией, в ходе различных расследований и при получении медицинской помощи). Кроме того, следует помнить, что защита от иска о клевете может обойтись очень дорого для ответчика, которому, вероятнее всего, потребуется обратиться за квалифицированной юридической помощью. Например, в США средний размер затрат ответчика на адвоката, представляющего интересы в деле по иску о диффамации, составляет примерно 30 тыс. долл.³ Сама вероятность выступить ответчиком в деле по такому иску может превратиться в сильный сдерживающий фактор для лиц, столкнувшихся с сексуальным насилием на рабочем месте.

Лишь в последнее время практика подачи SLAPP исков стала признаваться недобросовестной. Например, в 2021 г. суд Дели отказал в удовлетворении иска о диффамации, поданного в отношении журналистки Прии Рамани бывшим министром иностранных дел Мобашаром Акбаром сразу после того, как Рамани обвинила его в сексуальных домогательствах. В своем решении суд отметил, что «право на репутацию не может быть защищено ценой достоинства»⁴.

3. *Модернизация соглашений о конфиденциальности.* Еще одна тенденция проявляется в изменении режима соглашений о конфиденциальности (*Non-Disclosure Agreements*). Например, в штате Нью-Джерси недавно был принят закон, закрепляющий новые требования к содержанию подобных соглашений⁵. Теперь в них обязательно должны включаться положения, регламентирующие порядок рассмотрения сообщений о фактах сексуального насилия на рабочем месте.

Как правило, работодатели и работники подписывают соглашения о конфиденциальности в начале трудовых отношений. Тем самым устанавливается механизм защиты коммерческой тайны и деловой информации. В таких соглашениях обычно конкретизируется содержание понятия «конфиденциальная информация» с указанием примеров. В зависимости от формулировки конфиденциальной может считаться также информация о неправомерном поведении на рабочем месте. Нередко соглашения о конфиденциальности включают в себя и условия об ограничении права работников публиковать ту или иную информацию в социальных сетях. Вместе с тем формулировки некоторых соглашений столь расплывчаты, что нельзя однозначно понять, относятся ли сведения о неправомерных действиях или незаконной деятельности на рабочем месте к конфиденциальной информации, раскрытие которой запрещается. Это означает, что перед работниками встает вопрос: могут ли они публично сообщать о домогательствах на рабочем месте?⁶ Для защиты от подобных

¹ Harsey S. Deny, Attack, and Reverse Victim and Offender (DARVO): What Is the Influence on Perceived Perpetrator and Victim Credibility? // *Journal of Aggression Maltreatment & Trauma*. 2020. Vol. 29. № 4. DOI: 10.1080/10926771.2020.1774695.

² Abrams J. The Increasing Complexity of Defamation Law in #MeToo Era Lawsuits // *Louisville Bar Briefs*. 2021. June. URL: https://www.loubar.org/UserFiles/files/bar-briefs/2021/6-June/Bar%20Briefs_June%2721_Defamation%20Law%20in%20MeToo_Abrams_p22.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

³ Abrams J. Op. cit.

⁴ Gupta R. Priya Ramani acquitted: Timeline of defamation case filed against her by MJ Akbar // *IndiaToday*. 2021. 17 Febr. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/priya-ramani-acquitted-timeline-criminal-defamation-case-filed-against-her-by-mj-akbar-1770193-2021-02-17> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵ New Jersey Senate Bill No. 121, March 18, 2019. URL: https://legiscan.com/NJ/text/S121/id/1752556/New_Jersey-2018-S121-Amended.html (дата обращения: 12.06.2022)

⁶ Aronson E. The First Amendment and Regulatory Responses to Workplace Sexual Misconduct: Clarifying the Treatment of Compelled Disclosure Regimes // *New York University Law Review*. 2018. Vol. 93. № 5. P. 1201-1203.

обвинений работодатели, как правило, вводят в соглашения следующие положения, ограничивающие свободу слова работников:

условие о неразглашении: это стандартное условие, запрещающее раскрытие определенных видов информации;

условие о недопущении высказываний, оскорбляющих честь и достоинство: данное условие охватывает любые случаи диффамации и клеветы. Подчеркнем, что юридическую ответственность за диффамацию и клевету стороны несут независимо от наличия данного условия в соглашении;

условие о недопущении заявлений, которые могут нанести ущерб репутации другой стороны: в отличие от запрета на диффамацию данное положение ограничивает право высказывать даже правдивые сведения о другой стороне, если это отрицательно скажется на репутации последней;

условие об отказе в сотрудничестве: имеется в виду, что сторона обязуется не действовать иным лицам в рамках судебного разбирательства против другой стороны;

условие о положительной оценке: стороны обязуются публично высказывать только положительные отзывы относительно своих трудовых взаимоотношений. Подобное положение, как правило, используется для сокрытия фактов совершения неправомерных действий.

Содержание этих условий неоднократно становилось предметом пристального внимания правоведов и юристов. По мнению Дж. Бауэра, эти положения неэтичны, поскольку они «подрывают доверие ко всей судебной системе»¹. С. Гиллерс утверждает, что такие положения «препятствуют надлежащему порядку отправления правосудия»².

4. Запрещение арбитражных разбирательств. Не менее примечательной тенденцией является установление в некоторых юрисдикциях запрета на проведение арбитража по делам о сексуальных домогательствах на рабочем месте.

Практика включения в трудовой договор условия о праве работника обращаться для защиты своих прав исключительно в арбитраж или запрете подачи группового иска довольно распространена. Подобные арбитражные оговорки и индивидуальные арбитражные соглашения, охватывающие трудовые споры, стали для работодателей мощным инструментом, позволяющим избежать дорогостоящих судебных процессов по групповым искам³. Немаловажна и гарантия сохранения конфиденциальности, поскольку, в отличие от судебного разбирательства, арбитраж проводится в закрытом режиме.

В ответ на практику заключения подобных соглашений явно дискриминационного характера в марте 2022 г. в США был принят Закон о запрете принудительного арбитража по делам о сексуальных домогательствах⁴ (далее – Закон о запрете арбитража). Данный акт применяется к двум типам соглашений:

1) предварительное арбитражное соглашение – соглашение об арбитраже, которое заключается до возникновения спора о сексуальном насилии. Это может быть отдельное соглашение или условие, включенное в трудовой договор. Оно может быть согласовано как в начале отношений между работодателем и работником, так и в последующем;

2) отказ от участия в коллективных действиях – соглашение, заключаемое до возникновения спора, в соответствии с которым работнику запрещается инициировать подачу группового иска, присоединиться к уже поданному или любым иным образом участвовать в рассмотрении спора относительно факта совершения сексуального насилия на рабочем месте.

Закон о запрете арбитража не влияет на действительность уже заключенных соглашений, а лишь предоставляет работникам, заявляющим о сексуальном насилии, возможность признать их недействительными. Данный закон применяется толь-

¹ Bauer J. Buying Witness Silence: Evidence-Suppressing Settlements and Lawyers' Ethics // Oregon Law Review. 2008. Vol. 87. № 2.

² Gillers S. Speak No Evil: Settlement Agreements Conditioned on Noncooperation Are Illegal and Unethical // Hofstra Law Review. 2002. Vol. 31. Is. 1.

³ Colvin A. The Metastisization of Mandatory Arbitration // The Chicago-Kent Law Review. 2019. Vol. 94. № 1.

⁴ Ending Forced Arbitration of Sexual Assault and Sexual Harassment Act: Public Law № 117-90, March 3, 2022. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4445/text> (дата обращения: 01.06.2022).

ко к соглашениям, заключенным до возникновения спора. Соответственно, во всех иных случаях соглашение сторон может быть приведено в исполнение. Еще одним условием применения Закона о запрете арбитража является время возникновения спора: 3 марта 2022 г. или после этой даты.

Представляется, что новый закон существенно снизит для работодателей привлекательность арбитражных соглашений как инструмента сдерживания исков о сексуальных домогательствах и неправомерных действиях на рабочем месте¹. Тем не менее пока сложно оценить влияние Закона о запрете арбитража на сферу трудовых отношений и его эффективность для целей противодействия случаям замалчивания фактов сексуального насилия на рабочем месте.

5. *Вовлечение СМИ в вопросы группового производства.* Еще одна тенденция связана с активной ролью СМИ в формировании общественного мнения относительно групповых исков и иных вопросов, касающихся движения #MeToo².

Характерен в этом плане оперативный отклик СМИ на признание итальянской киноактрисы Азии Ардженто о сексуальных домогательствах со стороны голливудского медиамагната Харви Вайнштейна³. Американские СМИ отреагировали быстро; через три дня после публикации расследования журналистов *The New York Times* Вайнштейн был уволен из компании, соучредителем которой он являлся. Но реакция СМИ и медиа в Италии была абсолютно иной. Несмотря на подтвержденные заявления более 50 женщин, обвинивших голливудского магната в сексуальных домогательствах, признание Ардженто не было однозначно воспринято в ее родной стране. Наоборот, откровение актрисы получило резкую критику в СМИ. Встречается мнение, что предрассудки в отношении женщин в Италии связаны с особенностями католического образования и религии, поощряющей гендерные роли, в которых женщина должна быть послушной и молчаливой⁴.

Не менее бурную реакцию вызвало движение #MeToo во французских СМИ, где возникло эквивалентное направление #BalanceTonPorc, побуждающее женщин сообщать о фактах сексуального насилия, инициировать судебные разбирательства и нацеленное на поддержку гендерного равенства в трудовых отношениях⁵.

В российских СМИ за последние несколько лет также развернулась локальная кампания #MeToo, благодаря чему случаи харассмента на работе стали рассматривать как действительную проблему⁶. Стабильная акцентуация данной проблемы в информационном пространстве, в том числе в социальных сетях, привела к широкому вовлечению общественности в ее обсуждение.

Вместе с тем, согласно опросу, проведенному ВЦИОМ, лишь 9 % россиян сталкивались с домогательствами на работе. Из них 3 % женщин и 4 % мужчин получали предложения или угрозы относительно условий работы в обмен на сексуальный контакт. В 3 % случаев отказ привел к увольнению, 4 % случаев обошлись без последствий. При этом почти половина работников, столкнувшихся с домогательствами, не предприняла каких-либо действий. Остальные либо урегулировали инцидент сами (пожаловались в отдел кадров или начальнику, попросили перевести их в другой отдел, стали избегать обидчика и т. д.), либо подали заявление об увольнении⁷.

¹ *Horton D.* The Limits of the Ending Forced Arbitration of Sexual Assault and Sexual Harassment Act // *The Yale Law Journal*. 2022. 23 June. URL: <https://www.yalelawjournal.org/forum/the-limits-of-the-ending-forced-arbitration-of-sexual-assault-and-sexual-harassment-act> (дата обращения: 13.07.2022).

² *Schultz V.* Reconceptualizing Sexual Harassment, Again // *The Yale Law Journal*. 2018. 18 June. URL: <https://www.yalelawjournal.org/forum/reconceptualizing-sexual-harassment-again> (дата обращения: 01.06.2022).

³ *Kantor T.* Harvey Weinstein Scandal: Who Has Accused Him of What? // *BBC News*. 2019. 19 Jan. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-41580010> (дата обращения: 01.06.2022).

⁴ *Povoledo E.* Women Take on Sexist Image in Italian Media // *The New York Times*. 2009. 17 June. URL: <https://www.nytimes.com/2009/06/18/arts/18iht-women.html> (дата обращения: 12.06.2022).

⁵ *Schofield H.* Adèle Haenel MeToo moment shocks French cinema // *BBC News*. 2019. 7 Nov. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50322452> (дата обращения: 12.06.2022).

⁶ *Подцероб М.* Сексуальные домогательства на работе: российская специфика // *Ведомости*. 2020. 23 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/01/22/821257-rabotodateli-pomogayut> (дата обращения: 10.06.2022).

⁷ *Даудрих А.* Исследование специфики восприятия проблемы харассмента и различных форм домогательств на работе // ВЦИОМ. 2021. 27 апр. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20210429_Doklad_Daudrikh_KHarassment.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

Насколько данный опрос отражает действительности, судить сложно, учитывая, что лишь недавно тема харрасмента стала активно обсуждаться и освещаться в СМИ.

Вместе с тем судебные разбирательства по делам о фактах харрасмента единичны, а примеры подачи соответствующих групповых исков отсутствуют. Наибольшую огласку получило дело по иску Ирины Ищенко о незаконном увольнении, рассмотренное Октябрьским районным судом Мурманска. Поводом для иска послужили домогательства со стороны начальника. Ищенко требовала компенсации морального вреда и оплаты заработка за время вынужденного прогула. Женщину уволили как не прошедшую испытательный срок. Однако Ищенко утверждала, что увольнение было напрямую связано с харрасментом. Районный суд Мурманска вынес определение об отказе в иске в связи с истечением срока исковой давности (после увольнения истица семь месяцев лечилась у психологов). Ищенко подала апелляцию в Верховный Суд РФ, постановивший рассмотреть дело повторно. Однако в постановлении Верховного Суда ничего не упоминалось о харрасменте – только о необоснованном увольнении. Мурманский областной суд рассмотрел апелляционную жалобу Ищенко, но оставил без изменений решение суда первой инстанции¹.

Данный случай примечателен в качестве иллюстрации подхода российских судов к оценке харрасмента. Фактически судьи воспринимают это явление как дискриминацию на рабочем месте, внутри сферы трудовых отношений. В этом плане резкий контраст представляет зарубежная судебная практика, специфика которой прослеживается в деле Светланы Лоховой из лондонского подразделения *Sberbank CIB*².

В 2011 г. Лохова устроилась в отдел по продаже акций *Sberbank CIB*. Будучи единственной женщиной в команде, она постоянно сталкивалась с издевательствами коллег-мужчин. Они придумали оскорбительные прозвища для Лоховой и обменивались по почте шутками с сексуальным подтекстом. В итоге женщине пришлось уйти в отпуск из-за нервного срыва. К работе Лохова уже не смогла вернуться.

В 2012 г. женщина обратилась с жалобой к руководству подразделения, которое провело дисциплинарное слушание, закончившееся лишь письменным предупреждением в адрес ее непосредственного начальника. Лохова подала иск в Суд по трудовым спорам Лондона, который счел, что обвинения женщины обоснованы и ее коллеги действительно неправомерно оскорбляли и унижали ее. Начальник Лоховой уволился по собственному желанию, а самой женщине была выплачена компенсация в размере 4,6 млн долл.

В целом в России пока отсутствует культура борьбы с оскорбительным поведением работодателя по отношению к работникам. В российском законодательстве нет понятия «харрасмент». Иск работника, уволенного за отказ вступить в интимную связь с работодателем, будет рассматриваться как обычный иск из трудовых отношений. В общем виде дискриминация запрещена на нормативном уровне (соответствующие нормы есть в Конституции, Трудовом и Уголовном кодексах).

Вместе с тем харрасмент не может быть механически сведен к одному из видов дискриминации, которая не отражает всей специфики данного явления. Для функционирования правового механизма защиты лиц, столкнувшихся с домогательствами на работе, необходимо легальное закрепление соответствующего понятия. Ориентиром может служить определение, данное Международной организацией труда: «Насилие и домогательства в сфере труда обозначает ряд неприемлемых форм поведения и практики или угрозы таковых – будь то единичный или повторный случай, – целью, результатом или возможным следствием которых является причинение физического, психологического, сексуального или экономического вреда, включая гендерное насилие и домогательства»³. Такие действия относятся не только к ра-

¹ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 28 июня 2018 г. № 33-1789-2018. URL: https://oblsudmrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=533139&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.06.2022).

² England and Wales High Court (Queen's Bench Division). *Lokhova v. Longmuir*. HQ12D02397. Judgment of October 20, 2016. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac41f> (дата обращения: 12.06.2022).

³ Конвенция об искоренении насилия и домогательств в сфере труда 2019 г. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_712057.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

ботникам, но и к стажерам, волонтерам и соискателям. Развернутое определение сформулировано Австралийской комиссией по правам человека: «Харассмент – это любое нежелательное действие сексуального характера: комментарии и шутки с сексуальным подтекстом, подробные расспросы о личной жизни, неприличные комплименты внешнему виду, объятия, поцелуи, попытки загнать вас в угол и другие виды физического контакта, которые вам неприятны, которые заставляют вас чувствовать себя оскорбленным, напуганным или униженным. А также письма, фотографии, звонки и сообщения сексуального характера»¹.

Пока же в нашей стране работники, столкнувшиеся с насилием в сфере труда, вынуждены увольняться. Такой исход вполне ожидаем с учетом российского законодательства и судебной практики, где сложилось настороженное отношение к делам о дискриминации, факт которой сложно доказать.

Заключение

Представленный обзор правовой ситуации вокруг движения #MeToo и соответствующих групповых исков позволяет утверждать, что работодателям, заинтересованным в выработке единообразной политики в отношении гендерной дискриминации и сексуальных домогательств на рабочем месте, следует придерживаться взвешенного и вдумчивого подхода, в содержании которого можно выделить следующие элементы:

1. *Частная превенция как средство защиты.* Лучший способ избежать рисков подачи групповых исков, связанных с развитием движения #MeToo, – установить строгую внутрикорпоративную политику противодействия домогательствам и дискриминации². В этом плане важно регулярно проводить обучение сотрудников (в том числе тех, кто занимает руководящие должности) и контролировать соблюдение соответствующих нормативных требований.

В локальных актах должны быть четко прописаны примеры запрещенного поведения и процедура подачи соответствующих жалоб с назначением ответственных за их рассмотрение лиц (в том числе с указанием того, кто должен получать жалобу, если лицо, отвечающее за рассмотрение жалобы, является предполагаемым нарушителем). Важно, чтобы корпоративная политика охватывала все виды домогательств таким образом, чтобы они были в центре внимания сотрудников³.

Все случаи домогательств или дискриминации не должны оставаться без внимания руководителей. Именно они демонстрируют корпоративную культуру и обеспечивают ее соблюдение. Поэтому первоначальная обработка ими жалоб работников может значительно уменьшить потенциальные риски.

2. *Сохранение документов и доказательств.* Работодатели должны гарантировать сохранность электронных писем, текстовых сообщений в социальных сетях и любых других данных. Сохранность информации имеет решающее значение в спорах, выпадающих под критерии #MeToo, которые часто основываются на устных показаниях и косвенных доказательствах. Первостепенное значение имеет и документальное оформление внутрикорпоративного расследования каждого инцидента (протоколы допросов свидетелей, копии корреспонденции и т. д.), которое заметно повышает эффективность судебного разбирательства.

3. *Обеспечение обратной связи с работниками.* Как правило, групповые иски подаются работниками в случаях, когда они считают, что не был надлежащим образом соблюден порядок рассмотрения их жалоб, или при отсутствии информации о ходе такого рассмотрения. Чтобы избежать этого, в организационной структуре компании должны присутствовать департаменты этики и комплаенса. Их основные функции – разработка и внедрение антидискриминационных практик, а также проведение внутренних расследований. Важно исключить потенциальные риски давления на данные органы и предоставить им значительную степень независимости.

¹ Australian Human Rights Commission Quick Guide. URL: <https://humanrights.gov.au/quick-guide/12040> (дата обращения: 12.06.2022).

² Hemel D., Lund D. S. Sexual Harassment and Corporate Law // Columbia Law Review. 2018. Vol. 118. № 6.

³ Hersh J. Valuing the risk of workplace sexual harassment // Journal of Risk and Uncertainty. 2018. Vol. 57. № 2.

Не менее эффективной является и практика формирования специальных комиссий, ответственных за рассмотрение случаев дискриминации и конфликтов.

Кроме того, следует создать условия, в которых сотрудники могут свободно подавать жалобы. Так, в компании может действовать горячая линия для работников, желающих анонимно сообщить о нарушении. Здесь важно соблюсти несколько требований. Во-первых, линия должна технически обеспечиваться независимым оператором таким образом, чтобы сообщения о нарушениях не удалялись по усмотрению компании. Во-вторых, линия должна быть анонимной (имя можно сообщить по желанию). Не менее существенным вопросом является предоставление сотрудникам гарантий защиты от любых ответных мер во время и после завершения расследования соответствующего инцидента. Работников не должны преследовать за сообщение о нарушении и в случае добросовестного заблуждения по поводу обстоятельств дела.

4. *Возможность применения временных защитных мер.* Для исключения случаев повторения предполагаемых нарушений и недопущения их в будущем может потребоваться применение временных защитных мер. Этот вопрос тесно связан с практической реализацией антидискриминационной политики внутри компании. Здесь особое значение приобретает работа отделов этики и комплаенса. Например, на время внутреннего расследования необходимо защитить не только предполагаемую жертву, но и нарушителя. Конкретные меры выбираются в зависимости от обстоятельств. Можно временно перевести человека, сообщившего о нарушении (только с его согласия), в другое структурное подразделение, на удаленную работу или предоставить ему дополнительный оплачиваемый отпуск.

Сложно предугадать, какие изменения в будущем ждут сферу трудовых отношений. Однако тенденции, вызванные движением #MeToo и преобразованные судебной практикой по соответствующим групповым искам, уже сейчас существенно влияют на поведение как работодателей, так и работников. Первым важно знать, как решать вопросы, связанные с насилием и домогательствами внутри трудового коллектива, быстро и эффективно и как избежать потенциальных судебных разбирательств; для вторых значимы гарантии доступности действенных правовых процедур и механизмов защиты их нарушенных прав. Отвечая на потребности и работодателей, и работников, государства во всем мире принимают новые законы или совершенствуют существующие, что играет важную роль в осознании обществом серьезности проблемы домогательств и недопустимости харассмента в рамках трудовых отношений.

Список литературы

ДAUDРИХ А. Исследование специфики восприятия проблемы харассмента и различных форм домогательств на работе // ВЦИОМ. 2021. 27 апр. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20210429_Doklad_Daudrikh_KHarassment.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

Подцероб М. Сексуальные домогательства на работе: российская специфика // Ведомости. 2020. 23 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/01/22/821257-rabotodateli-romogayut> (дата обращения: 10.06.2022).

Abrams J. The Increasing Complexity of Defamation Law in #MeToo Era Lawsuits // Louisville Bar Briefs. 2021. June. URL: https://www.loubar.org/UserFiles/files/bar-briefs/2021/6-June/Bar%20Briefs_June'21_Defamation%20Law%20in%20MeToo_Abrams_p22.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

Aronson E. The First Amendment and Regulatory Responses to Workplace Sexual Misconduct: Clarifying the Treatment of Compelled Disclosure Regimes // New York University Law Review. 2018. Vol. 93. № 5. P. 1201–1233.

Au Sh.-Y., Dong M., Tremblay A. How Much Does Workplace Sexual Harassment Hurt Firm Value? // SSRN. 2022. 25 Jan. URL: <https://ssrn.com/abstract=3437444> (дата обращения: 01.06.2022).

Bauer J. Buying Witness Silence: Evidence-Suppressing Settlements and Lawyers' Ethics // Oregon Law Review. 2008. Vol. 87. № 2. P. 481–573.

Borelli-Kjaer M. #MeToo: Sexual harassment and company value ads // Journal of Corporate Finance. 2021. Vol. 67. № 3. P. 13–53. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2020.101875.

Colvin A. The Metastization of Mandatory Arbitration // The Chicago-Kent Law Review. 2019. Vol. 94. № 1. P. 3–24.

Dorrian P. Sterling Jewelers Reaches Settlement in Long-Running Sex Bias Case // Bloomberg. 2022. 9 June. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-09/sterling-jewelers-to-pay-175-million-to-end-sex-bias-class-case> (дата обращения: 12.06.2022).

Gillers S. Speak No Evil: Settlement Agreements Conditioned on Noncooperation Are Illegal and Unethical // *Hofstra Law Review*. 2002. Vol. 31. Is. 1. P. 1–22.

Gupta R. Priya Ramani acquitted: Timeline of defamation case filed against her by MJ Akbar // *IndiaToday*. 2021. 17 Febr. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/priya-ramani-acquitted-timeline-criminal-defamation-case-filed-against-her-by-mj-akbar-1770193-2021-02-17> (дата обращения: 10.06.2022).

Harsey S. Deny, Attack, and Reverse Victim and Offender (DARVO): What Is the Influence on Perceived Perpetrator and Victim Credibility? // *Journal of Aggression Maltreatment & Trauma*. 2020. Vol. 29. № 4. P. 1–20. DOI:10.1080/10926771.2020.1774695.

Hemel D., Lund D. S. Sexual Harassment and Corporate Law // *Columbia Law Review*. 2018. Vol. 118. № 6. P. 1583–1679.

Hersh J. Valuing the risk of workplace sexual harassment // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2018. Vol. 57. № 2. P. 111–131.

Horton D. The Limits of the Ending Forced Arbitration of Sexual Assault and Sexual Harassment Act // *The Yale Law Journal*. 2022. 23 June. URL: <https://www.yalelawjournal.org/forum/the-limits-of-the-ending-forced-arbitration-of-sexual-assault-and-sexual-harassment-act> (дата обращения: 13.07.2022).

Kantor T. Harvey Weinstein Scandal: Who Has Accused Him of What? // *BBC News*. 2019. 19 Jan. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-41580010> (дата обращения: 01.06.2022).

Lentz S. Sexual Assault Statutes Targeting Authority & Power Imbalances: A Step Forward in Rape Law Reform // *Freedom Center Journal*. 2011. Vol. 26. № 1. P. 43–63.

Peleg-Koriat I. The #MeToo movement and restorative justice: exploring the views of the public // *Contemporary Justice Review*. 2020. Vol. 23. № 1. P. 2–22.

Povoledo E. Women Take On Sexist Image in Italian Media // *The New York Times*. 2009. 17 June. URL: <https://www.nytimes.com/2009/06/18/arts/18iht-women.html> (дата обращения: 12.06.2022).

Pring G., Canan P. SLAPPs: Getting Sued for Speaking Out. Philadelphia: Temple University Press, 1996. 279 p.

Schofield H. Adèle Haenel MeToo moment shocks French cinema // *BBC News*. 2019. 7 Nov. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50322452> (дата обращения: 12.06.2022).

Schultz V. Reconceptualizing Sexual Harassment, Again // *The Yale Law Journal*. 2018. 18 June. URL: <https://www.yalelawjournal.org/forum/reconceptualizing-sexual-harassment-again> (дата обращения: 01.06.2022).

Shaw E., Hegewisch A., Hess C. Sexual Harassment and Assault at Work: Understanding the Costs // *IWPR*. 2018. Oct. URL: https://iwpr.org/wp-content/uploads/2020/09/IWPR-sexual-harassment-brief_FINAL.pdf (дата обращения: 11.06.2022).

Tippett E. The Legal Implications of the MeToo Movement // *Minnesota Law Review*. 2018. Vol. 103. P. 229–292.

Reference

Abrams J. (2021) The Increasing Complexity of Defamation Law in #MeToo Era Lawsuits. In *Louisville Bar Briefs*, Jun., available at: https://www.loubar.org/UserFiles/files/bar-briefs/2021/6-June/Bar%20Briefs_June'21_Defamation%20Law%20in%20MeToo_Abrams_p22.pdf (accessed: 01.06.2022).

Aronson E. (2018) The First Amendment and Regulatory Responses to Workplace Sexual Misconduct: Clarifying the Treatment of Compelled Disclosure Regimes. In *New York University Law Review*, vol. 93, no. 5, pp. 1201–1203.

Au Sh.-Y., Dong M., Tremblay A. (2022) How Much Does Workplace Sexual Harassment Hurt Firm Value? In *SSRN*, 25 Jan., available at: <https://ssrn.com/abstract=3437444> (accessed: 01.06.2022).

Bauer J. (2008) Buying Witness Silence: Evidence-Suppressing Settlements and Lawyers' Ethics. In *Oregon Law Review*, vol. 87, no. 2, pp. 481–573.

Borelli-Kjaer M. (2021) #MeToo: Sexual harassment and company value ads. In *Journal of Corporate Finance*, vol. 67, no. 3, pp. 13–53, DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2020.101875.

Colvin A. (2019) The Metastasis of Mandatory Arbitration. In *The Chicago-Kent Law Review*, vol. 94, no. 1, pp. 3–24.

Daudrikh A. (2021) Issledovanie spetsifiki vospriyatiya problemy kharassmenta i razlichnykh form domogatel'stv na rabote [Investigation of the specifics of perception of the problem of harassment and various forms of harassment at work]. In *VTsIOM*, 27 Apr., available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20210429_Doklad_Daudrikh_KHarassment.pdf (accessed: 12.06.2022).

Dorrian P. (2022) Sterling Jewelers Reaches Settlement in Long-Running Sex Bias Case. In *Bloomberg*, 9 June, available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-09/sterling-jewelers-to-pay-175-million-to-end-sex-bias-class-case> (accessed: 12.06.2022).

Gillers S. (2002) Speak No Evil: Settlement Agreements Conditioned on Noncooperation Are Illegal and Unethical. In *Hofstra Law Review*, vol. 31, is. 1, pp. 1–22.

Gupta R. (2021) Priya Ramani acquitted: Timeline of defamation case filed against her by MJ Akbar. In *IndiaToday*, 17 Febr., available at: <https://www.indiatoday.in/india/story/priya-ramani-acquitted-timeline-criminal-defamation-case-filed-against-her-by-mj-akbar-1770193-2021-02-17> (accessed: 10.06.2022).

Harsey S. (2020) Deny, Attack, and Reverse Victim and Offender (DARVO): What Is the Influence on Perceived Perpetrator and Victim Credibility? In *Journal of Aggression Maltreatment & Trauma*, vol. 29, no. 4, pp. 1–20, DOI: 10.1080/10926771.2020.1774695.

Hemel D., Lund D. S. (2018) Sexual Harassment and Corporate Law. In *Columbia Law Review*, vol. 118, no. 6, pp. 1583–1679.

Hersh J. (2018) Valuing the risk of workplace sexual harassment. In *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 57, no. 2, pp. 111–131.

Horton D. (2022) The Limits of the Ending Forced Arbitration of Sexual Assault and Sexual Harassment Act. In *The Yale Law Journal*, 23 June, available at: <https://www.yalelawjournal.org/forum/the-limits-of-the-ending-forced-arbitration-of-sexual-assault-and-sexual-harassment-act> (accessed: 13.07.2022).

Kantor T. (2019) Harvey Weinstein Scandal: Who Has Accused Him of What? In *BBC News*, 19 Jan., available at: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-41580010> (accessed: 01.06.2022).

Lentz S. (2011) Sexual Assault Statutes Targeting Authority & Power Imbalances: A Step Forward in Rape Law Reform. In *Freedom Center Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 43–63.

Peleg-Koriat I. (2020) The #MeToo movement and restorative justice: exploring the views of the public. In *Contemporary Justice Review*, vol. 23, no. 1, pp. 2–22.

Podtserob M. (2020) Seksual'nye domogatel'stva na rabote: rossiiskaya spetsifika [Sexual harassment at work: Russian specifics]. In *Vedomosti*, 23 Jan., available at: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/01/22/821257-rabotodateli-pomogayut> (accessed: 10.06.2022).

Povoledo E. (2009) Women Take On Sexist Image in Italian Media. In *The New York Times*, 17 June, available at: <https://www.nytimes.com/2009/06/18/arts/18iht-women.html> (accessed: 12.06.2022).

Pring G., Canan P. (1996) *SLAPPS: Getting Sued for Speaking Out*. Philadelphia, Temple University Press, 279 p.

Schofield H. (2019) Adèle Haenel MeToo moment shocks French cinema. In *BBC News*, 7 Nov., available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50322452> (accessed: 12.06.2022).

Schultz V. (2018) Reconceptualizing Sexual Harassment, Again. In *The Yale Law Journal*, 18 June, available at: <https://www.yalelawjournal.org/forum/reconceptualizing-sexual-harassment-again> (accessed: 01.06.2022).

Shaw E., Hegewisch A., Hess C. (2018) Sexual Harassment and Assault at Work: Understanding the Costs. In *IWPR*, Oct., available at: https://iwpr.org/wp-content/uploads/2020/09/IWPR-sexual-harassment-brief_FINAL.pdf (accessed: 11.06.2022).

Tippett E. (2018) The Legal Implications of the MeToo Movement. In *Minnesota Law Review*, vol. 103, pp. 229–292.

ФОРМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР НЕЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ЗАЩИТЫ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ

Белозерова Кристина Александровна

Доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-2183-1578, e-mail: belozerova-kristina@yandex.ru.

Безработица является опасной для общества проблемой, снижающей качество жизни населения и служащей причиной экономического кризиса в государстве. Именно поэтому борьба с безработицей признается одним из ключевых направлений государственной политики. Эффективность данной политики во многом зависит от эффективности правового регулирования в сфере занятости. Достичь целей снижения уровня безработицы, обеспечения качественной защиты безработных от неблагоприятных последствий утраты приносящей доход деятельности, установления адекватных мер содействия занятости возможно только тогда, когда правильно определены меры защиты и критерии отбора нуждающихся в их предоставлении граждан. В статье рассматриваются нормы законодательства о занятости, устанавливающие круг лиц, которые могут признаваться безработными, а также практика применения этих норм. Выявляются нормы, применение которых на основе их буквального толкования позволяет относить к занятым гражданам, не имеющим права быть признанными безработными, тех, кто в действительности нуждается в предоставлении мер государственной поддержки. Поднимается вопрос о необходимости пересмотра содержания категорий «занятый гражданин» и «безработный гражданин» и в целом категории «занятость». Сохранение действующего правового регулирования в сфере занятости населения приведет к ограничению права значительной части граждан на получение мер государственной поддержки.

Ключевые слова: защита от безработицы, занятость, занятый гражданин, безработный гражданин, меры государственной поддержки

Для цитирования: Белозерова К. А. Формальный подход к оценке занятости как фактор неэффективности мер защиты от безработицы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 57–64. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_57.

THE FORMAL APPROACH TO EVALUATION OF EMPLOYMENT AS A FACTOR OF INEFFICIENCY OF MEASURES TO PROTECT AGAINST UNEMPLOYMENT

Belozerova Kristina

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-2183-1578, e-mail: belozerova-kristina@yandex.ru.

Unemployment is the most dangerous problem for society that reduces the quality of life of the population and serves as the cause of the economic crisis in the state. That is why the fight against unemployment is one of the key directions of state policy. The effectiveness of this policy largely depends on the effectiveness of legal regulation in the field of employment. It is possible to achieve the goals of reducing the unemployment rate, ensuring high-quality protection of the unemployed from the adverse consequences of the loss of income-generating activities, and establishing adequate measures to promote employment only when protection measures and criteria for selecting citizens in need of their provision are correctly defined. The article examines the norms of employment legislation defining the circle of persons who can be recognized as unemployed, as well as the practice of applying these norms. Such an

approach makes it possible to identify norms, the application of which, on the basis of their literal interpretation, allows us to classify as employed citizens, who do not have the right to be recognized as unemployed, those people, who in fact are in need of state support measures. The above said gives grounds to raise the question of the need to revise the categories of «employed citizen» and «unemployed citizen», as well as the category of «employment» in general. The preservation of the current legal regulation of employment of the population will lead to a restriction of the right of a significant part of citizens to receive state support.

Key words: protection against unemployment, employment, employed citizen, unemployed citizen, measures of state support

*For citation: Belozerova K. (2022) The formal approach to evaluation of employment as a factor of inefficiency of measures to protect against unemployment. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 57–64, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_57.*

Борьба с безработицей является одним из ключевых направлений государственной политики России. Как определено в п. 1 ст. 5 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости), государство проводит политику содействия реализации прав граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость. Как отмечает Э. Г. Тучкова, «в программных документах стратегического развития России в ближайшее десятилетие, в выступлениях Президента страны безработица и бедность расцениваются как острейшие социальные проблемы, требующие незамедлительного решения»¹.

Оценка безработицы как проблемы, имеющей острые негативные последствия и требующей системного решения, не случайна. Наличие стабильной работы и постоянного дохода является важнейшим условием обеспечения качества и безопасности жизни человека, экономического развития государства. При этом постоянно меняющиеся условия жизни определяют необходимость совершенствования правового регулирования механизмов защиты от безработицы с учетом этих новых условий. Одной из важнейших задач такого совершенствования должна стать оценка эффективности имеющейся нормативной базы, ее возможностей в достижении глобальной цели борьбы с безработицей, а также ее соответствия целям полноценной защиты граждан от безработицы. В частности, И. Н. Плешакова предлагает пересмотреть категорию занятости с учетом не только ее экономической составляющей, но и необходимости обеспечения достойной занятости как основной цели государственной политики в соответствующей сфере².

В этом ключе видится обоснованным и своевременным предложение Ю. Б. Корсаненковой провести научное переосмысление понятия «безработный», содержащегося в Законе о занятости³.

Именно безработный гражданин является субъектом, нуждающимся в адресной и достаточной помощи в обеспечении работой и, как следствие, трудовым доходом. Соответственно, крайне важно установить действительную нуждаемость лица в получении помощи от государства, исчерпывающе определить тех, кто имеет право на ее получение. Отсутствие приносящей доход работы при желании и возможности гражданина работать является основанием предоставления социальной помощи в виде мер защиты от безработицы (причиной социального риска⁴).

Согласно п. 1 ст. 3 Закона о занятости безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах служ-

¹ Тучкова Э. Г. Конституционное право граждан на защиту от безработицы и юридические гарантии его реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Плешакова И. Н. О некоторых вопросах содействия занятости и трудоустройства в Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и перспективы правового регулирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 24. № 4. С. 124–125.

³ Корсаненкова Ю. Б. Понятие безработного и социальный риск безработицы в контексте системного подхода // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: моногр. Омск: ОмГУ, 2003. С. 217.

бы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. Одновременно абз. 8 п. 3 ст. 3 Закона о занятости указывает на недопустимость признания безработными лиц, которые ст. 2 данного Закона отнесены к занятым гражданам.

Нуждаемость в предоставлении мер государственной поддержки в сфере занятости обуславливается отсутствием работы и, как следствие, дохода. Такая нуждаемость может приводить к неблагоприятным последствиям: бедности гражданина и членов его семьи, снижению экономических показателей государства. Соответственно, безработные граждане должны признаваться нуждающимися в предоставлении мер государственной поддержки в сфере занятости. Предполагается, что занятые граждане такими нуждающимися не являются, поскольку осуществляют приносящую доход деятельность.

Такое правило видится справедливым и может выступать в качестве общего подхода к определению категорий безработных и занятых граждан. При этом важна его последовательная реализация в нормах законодательства. Законодательство о занятости можно будет признать эффективным только в том случае, когда необходимые меры государственной поддержки в сфере занятости получают все обратившиеся за ними нуждающиеся, а те, кто таковыми не является, получают обоснованный и объективный отказ в предоставлении соответствующих мер.

Е. А. Истомина указывает, что любое социальное предоставление должно быть целесообразным (т. е. должно способствовать достижению целей правового регулирования социального обеспечения посредством устранения неблагоприятных последствий наступления социальных рисков, гарантирования каждому человеку и его семье достаточного уровня жизни)¹ и своевременным (т. е. должно быть направлено на преодоление последствий наступления социальных рисков в установленные – по возможности кратчайшие – сроки)². Соответственно, для эффективной реализации государственной политики в области содействия занятости нужно своевременно выявлять нуждаемость гражданина в предоставлении ему мер государственной поддержки.

Однако анализ категорий граждан, которых абз. 8 п. 3 ст. 3 Закона о занятости ограничивает в праве быть признанными безработными и получить меры государственной поддержки, показывает, что описанный выше подход к определению категорий безработных и занятых граждан не всегда качественно реализован законодателем. Так, абз. 5 ст. 2 Закона о занятости к занятым гражданам отнесены лица, выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметами которых являются выполнение работ и оказание услуг, авторским договорам. На практике органы службы занятости, руководствуясь указанной нормой, отказывают в признании безработными гражданам, у которых имеются такие гражданско-правовые договоры. Для обоснования отказа в признании гражданина безработным либо для лишения данного статуса государственному органу достаточно доказать сам факт существования действующего гражданско-правового договора из числа названных в законе.

Судебной практикой такой подход к определению права гражданина быть признанным безработным поддерживается. Суды при разрешении споров, обусловленных отказом в признании гражданина безработным по причине отнесения его к категории занятых, указывают, что, исходя из системного толкования перечисленных норм Закона о занятости, отнесение лица к категории занятых граждан в силу наличия соответствующего договора исключает возможность признания такого гражданина безработным³.

¹ Истомина Е. А. Целесообразность социальных предоставлений в контексте экономических интересов граждан и государства // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 517.

² Истомина Е. А. Своевременность как принцип защиты от социальных рисков // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 58.

³ Такой вывод сформулирован, например, в апелляционных определениях Свердловского областного суда от 31 августа 2021 г. по делу № 33-12511/2021, от 26 февраля 2021 г. по делу № 33-2910/2021, в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 декабря 2020 г. по делу № 88-25198/2020 и т. д.

Такой подход в полной мере соотносится с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 29 сентября 2020 г. № 2110-О, согласно которой граждане, выполняющие работы по договорам гражданско-правового характера, предметами которых являются выполнение работ и оказание услуг, авторским договорам, не могут быть признаны безработными, поскольку они осуществляют деятельность, носящую возмездный характер, и не отвечают по этой причине предусмотренному законодателем критерию отсутствия работы и заработка или иного дохода.

При этом наличие фактического исполнения данных договоров (прежде всего само выполнение работы гражданином и получение им вознаграждения за эту работу), а также размер полученного по договору вознаграждения никак не учитываются при отказе в признании его безработным. Обоснованием такого отказа выступает формальный признак – наличие действующего гражданско-правового договора. Наличие признаков возмездной деятельности, приносящей лицу на систематической основе доход, предметом оценки при принятии решения о признании его безработным не является.

В результате такой практики права на содействие в поиске работы и получение мер государственной поддержки лишаются лица, имеющие действующие гражданско-правовые договоры, по которым они не выполняют работу и / или не получают дохода либо работа и доход носят непостоянный (эпизодический) характер, а доход составляет величину, не позволяющую гражданину обеспечить свое существование. Представляется, что подобный подход не соответствует целям и задачам законодательства о занятости населения в России. Лицо, несмотря на наличие договора гражданско-правового характера, не имеет регулярной работы и реального дохода (условия договора не позволяют получить такую работу и доход) и фактически остается нуждающимся в содействии в поиске работы с целью обеспечения себя реальным доходом и в выплате пособия до получения работы. Отказ в признании таких граждан безработными по формальному основанию наличия действующего гражданско-правового договора исключает их возможность реализовать конституционное право на защиту от безработицы без достаточных к тому оснований.

Более того, органами службы занятости и судами признаются занятыми также лица, получающие вознаграждение по договорам о приемной семье¹. Основанием для такой практики является норма ч. 2 ст. 152 Семейного кодекса РФ, согласно которой в не урегулированной семейным законодательством части на договоры о приемной семье распространяются нормы гражданского законодательства о договорах возмездного оказания услуг. С учетом данной нормы суды приходят к выводу о выполнении приемным родителем обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей на договорной возмездной основе.

Представляется, что вознаграждение в рамках указанных договоров (когда воспитание ребенка в приемной семье не является работой в ее буквальном понимании) носит социальный характер и, по существу, является не вознаграждением за услугу или работу, а компенсацией расходов, которые понесли лица, взявшие ребенка на воспитание в семью. Однако наличие такого социального договора лишает гражданина возможности воспользоваться правом на получение помощи государства в поиске работы и финансовой поддержки в период поиска работы.

Применительно к договорам о приемной семье видится необходимым учет всех обстоятельств возникновения отношений по приему ребенка в семью. Если гражданин выполняет функции приемного родителя в качестве дополнительной социальной роли, исполнение обязательств по договору о приемной семье не является для него родом деятельности, приносящей доход, то отнесение его к категории занятого крайне спорно. Очевидно, что гражданин, имевший приносящую доход работу и утративший ее, если он заключит договор о приемной семье до утраты работы или после этого, приняв по личным и семейным обстоятельствам ребенка на воспита-

¹ Такой вывод сформулирован, например, в кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2022 г. № 88а-3717/2022, апелляционном определении Свердловского областного суда от 9 июня 2016 г. по делу № 33-10199/2016, апелляционном определении Костромского областного суда от 13 октября 2014 г. по делу № 33-1712, определении Кемеровского областного суда от 2 декабря 2011 г. по делу № 33-13658 и т. д.

ние в свою семью (например, в связи со смертью родственников, являвшихся родителями ребенка, или по причине отсутствия собственных детей), не осуществляет деятельность, приносящую доход, поэтому у него сохраняется потребность в получении мер государственной поддержки. Другая оценка при этом может быть дана в случаях, когда гражданин прекращает обычную трудовую деятельность и переходит к деятельности приемного родителя как трудовой, приносящей доход, принимая на воспитание в семью нескольких детей без субъективных причин и предпосылок для этого.

В указанных ситуациях правовой механизм отбора лиц, являющихся нуждающимися в получении мер государственной поддержки в сфере содействия занятости, также кажется неэффективным.

Е. А. Истомина говорит о необходимости детального подтверждения обоснованности социального предоставления, наступления социального риска (принципе обоснованности социального предоставления)¹. При этом представляется, что реализация указанного принципа должна соотноситься с задачами полного и всестороннего исследования доказательств наличия нуждаемости в социальном предоставлении, позволять выявить истинную потребность в оказании государственной социальной помощи. Формальный подход к доказыванию обоснованности социального предоставления будет приводить к неэффективности правового регулирования и в целом реализации государственной социальной политики.

Формальное отнесение договоров о приемной семье к сфере регулирования гражданского законодательства не может служить единственным основанием для включения в категорию занятых лиц гражданина, который такой договор заключил. Нельзя отрицать, что договоры о приемной семье не являются обычными гражданско-правовыми договорами, заключаемыми лицами в целях осуществления приносящей доход трудовой деятельности. Такие договоры (как уже было сказано) являются социальными, определяющими возложение на заключившее их лицо прежде всего социальных обязанностей. Нередко целью заключения подобных договоров выступает собственно обретение возможности выполнять социальную функцию в отношении ребенка, по каким-либо причинам утратившего попечение родителей. Применение к таким договорам общего правила будет приводить к необоснованному ограничению прав на получение мер государственной поддержки тех, для кого деятельность в качестве приемного родителя не является приносящей доход, а обуславливается личной социальной потребностью воспитывать в семье ребенка, оставшегося без попечения родителей. Более того, указанное формальное ограничение может приводить к отказу потенциальных приемных родителей от воспитания ребенка в приемной семье.

Неоднозначным с точки зрения обозначенного подхода представляется также позиция об исключении обучающихся по очной форме обучения в образовательных организациях из числа тех, кто может признаваться безработным. Причиной этого опять же является отнесение указанной категории граждан абз. 8 ст. 2 Закона о занятости к занятым гражданам. Суды при разрешении споров об отказе в признании безработными обучающихся по очной форме обучения ссылаются на приведенные положения закона и делают вывод об отнесении таких обучающихся к занятым гражданам, которые не подлежат признанию безработными вне зависимости от каких-либо обстоятельств².

Конституционный Суд РФ в определении от 29 сентября 2016 г. № 1855-О сделал вывод, что отнесение обучающихся очной формы обучения к числу занятых граждан и, как следствие, ограничение их права быть признанными безработными и получить меры государственной поддержки не противоречит Конституции РФ. Со ссылкой на ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Конституционный Суд РФ высказал сомнение

¹ Истомина Е. А. Развитие способов подтверждения права на социальное обеспечение // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 555–556.

² Такой вывод, в частности, сделан в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2022 г. № 88-2631/2022, в апелляционных определениях Московского областного суда от 26 сентября 2016 г. по делу № 33-26377/2016, от 25 мая 2016 г. по делу № 33-14183/2016, от 28 декабря 2015 г. по делу № 33-32109/2015, от 12 ноября 2014 г. по делу № 33-24979/2014 и т. д.

в готовности обучающегося приступить к работе на условиях, предлагаемых потенциальным работодателем, при наличии у такого обучающегося необходимости освоения образовательной программы в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта. В качестве дополнительной аргументации своей правовой позиции Суд указал на право обучающихся, достигших 18 лет или получивших основное общее образование, на выбор формы получения образования.

Бесспорно, обучающиеся очной формы обучения на постоянной основе осуществляют деятельность, связанную с удовлетворением личных (а в некоторых случаях и общественных) потребностей, предусмотренную п. 1 ст. 1 Закона о занятости. Однако реализация указанной деятельности не гарантирует получение дохода. Так, назначение обучающимся стипендий зависит от множества факторов, таких как результаты обучения, льготный социальный статус. Чаще всего стипендия представляет собой либо вознаграждение обучающегося за высокие результаты его образовательной деятельности, либо денежную поддержку обучающихся, которые нуждаются в повышенной социальной защите. Кроме того, размер получаемых обучающимися стипендий, как правило, недостаточен для того, чтобы они могли обеспечивать себя.

Таким образом, сама по себе деятельность обучающегося по освоению образовательных программ не является возмездной, а предусмотренные законодательством об образовании выплаты обучающимся не зависят от самого факта обучения и недостаточны для жизнеобеспечения человека.

Исключение обучающихся очной формы обучения из числа граждан, которых можно признавать безработными, фактически означает, что государство не считает их нуждающимися в получении государственной поддержки в сфере занятости. При этом обучающиеся фактически могут полностью соответствовать условиям признания граждан такими нуждающимися, поскольку не осуществляют деятельность, приносящую доход.

Статус обучающегося очной формы обучения не ограничивает право лица на осуществление иной деятельности, в том числе трудовой, не исключает реальной возможности ее осуществления. Соответственно, обучающийся, способный и желающий работать в свободное от учебы время, может быть нуждающимся в предоставлении мер государственной поддержки в сфере занятости. Получение им таких мер поддержки в полной мере отвечало бы закрепленному в законодательстве общему подходу к определению лиц, нуждающихся в соответствующей помощи.

В. И. Миронов справедливо указывает, что «отсутствие возмездной основы не позволяет признать деятельность обучающегося соответствующей правовому понятию занятости граждан». По его мнению (с которым нельзя не согласиться), приведенное в законе определение занятости носит общий характер, а содержащиеся в нем обстоятельства подлежат доказыванию для признания гражданина занятым. Отказ в признании обучающегося безработным в отсутствие таких доказательств будет незаконным¹.

В связи с изложенным отнесение обучающихся очной формы обучения к числу лиц, которых невозможно признать безработными, крайне спорно. Такое правило идет вразрез с законодательным требованием о необходимости оказания адресной социальной помощи нуждающимся в ней гражданам, приводит к необоснованному ограничению прав обучающихся. Более того, оно противоречит целям государства по активному вовлечению молодежи в трудовую деятельность. Так, Е. В. Аббасова отмечает увеличение спроса на молодых представителей сложных профессий, осознание работодателями необходимости вложений в перспективных молодых работников². Предоставление мер государственной поддержки в сфере занятости обучающимся очной формы обучения позволило бы работодателям трудоустраивать заинтересованных в работе молодых специалистов.

Как представляется, одной из первопричин обозначенных проблем является вариативность определения занятости, закрепленного в п. 1 ст. 1 Закона о занятости.

¹ Миронов В. И. Трудовое право России: учеб. М.: Журнал «Управление персоналом», 2005. С. 212.

² Аббасова Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 41.

Предложенная законодателем дефиниция занятости не определяет доход от осуществляемой гражданином деятельности в качестве обязательного признака занятости. Буквальное толкование этой нормы позволяет признавать занятыми и тех, чья деятельность не приносит дохода или приносит незначительный доход.

Однако такое нормативное предписание противоречит самому смыслу законодательства о занятости, принятому в рамках реализации государственной политики содействия занятости. Основной целью государства в этой сфере является создание условий, при которых будет сокращено число лиц, не имеющих работы и дохода, и, как следствие, минимизирован риск бедности. Соответственно, в законодательстве о занятости поставлена задача не просто занять человека деятельностью, а предоставить ему возможность получать доход от такой деятельности.

В связи со сказанным видится необходимым пересмотр предусмотренных законодательством о занятости базовых категорий «занятость», «занятый гражданин» и «безработный гражданин».

А. В. Трутаева, говоря о неэффективности механизма содействия занятости, социальной поддержки, отмечает, что меры, разработанные с целью усовершенствования такого механизма, на практике нередко, наоборот, приводят к ухудшению жизненных обстоятельств граждан¹. Применение рассмотренных в настоящей статье оснований отказа в признании гражданина безработным, вопреки целям полной и адресной помощи нуждающимся, зачастую влечет оставление гражданина государством в тяжелой жизненной ситуации и провоцирует поиск им неправомερных путей выхода из нее, отказ от правомерного и социально значимого поведения.

Обозначенные базовые категории в сфере занятости должны определяться с учетом общего подхода, предполагающего, что меры государственной поддержки предоставляются тем, у кого нет работы и заработка, если они предпринимают попытки получить работу, приносящую доход. В то же время отнесение гражданина к категории занятых должно допускаться только тогда, когда его трудовая деятельность приносит ему на систематической основе доход, достаточный для обеспечения жизни гражданина.

Кроме того, решение обозначенной проблемы, как представляется, возможно путем закрепления на законодательном уровне некой величины (суммы) дохода от выполнения работ / оказания услуг по гражданско-правовому договору или от иной деятельности, получение которого в определенный законом период будет основанием признания гражданина занятым. Причем такой размер дохода должен быть сопоставим с реализуемыми в государстве гарантиями достойной оплаты труда лиц, работающих по трудовому договору.

Подобная практика встречается в других государствах. Так, в Эстонии предусмотрено приостановление права на получение пособия по безработице, если у гражданина возникнет разовый доход больше установленной величины. О получении такого дохода гражданин должен сообщить консультанту органа занятости. После чего выплата пособия по безработице приостанавливается на 30 дней, а общий период выплаты пособия по безработице продлевается на 30 дней². Внедрение подобного подхода в России поможет точнее устанавливать реальную потребность гражданина, не имеющего работы, в получении помощи от государства. Как представляется, критерий отбора нуждающихся, основанный на качественной оценке дохода (его систематичности и достаточности), позволит лучшим образом достичь целей реализации мер социальной поддержки в сфере занятости, нежели формальный учет самого наличия деятельности, приносящей или способной приносить доход. Такая качественная оценка жизненных обстоятельств каждого безработного гражданина будет более трудозатратной для органов службы занятости, однако сможет повысить эффективность правового регулирования, обеспечить адресность социального предоставления мер поддержки.

¹ Трутаева А. В. Защита граждан от безработицы в условиях пандемии: в поисках контакта // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2022. Т. 19. № 1. С. 53.

² Медведев А. В., Плешакова И. Н. О некоторых вопросах социальной защиты безработных граждан // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 4. С. 298.

Список литературы

Аббасова Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 41–45.

Истомина Е. А. Развитие способов подтверждения права на социальное обеспечение // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 554–565.

Истомина Е. А. Своевременность как принцип защиты от социальных рисков // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения: материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 57–61.

Истомина Е. А. Целесообразность социальных предоставлений в контексте экономических интересов граждан и государства // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 514–525.

Корсаненкова Ю. Б. Понятие безработного и социальный риск безработицы в контексте системного подхода // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 48–52.

Медведев А. В., Плешакова И. Н. О некоторых вопросах социальной защиты безработных граждан // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 4. С. 294–299.

Мионов В. И. Трудовое право России: учеб. М.: Журнал «Управление персоналом», 2005. 1149 с.

Плешакова И. Н. О некоторых вопросах содействия занятости и трудоустройства в Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и перспективы правового регулирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 24. № 4. С. 124–129.

Трутаева А. В. Защита граждан от безработицы в условиях пандемии: в поисках контакта // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2022. Т. 19. № 1. С. 51–55.

Тучкова Э. Г. Конституционное право граждан на защиту от безработицы и юридические гарантии его реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 38–41.

Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: моногр. Омск: ОмГУ, 2003. 382 с.

References

Abbasova E. V. (2017) Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya truda nesovershennoletnikh [Specific issues of legal regulation of minors labor]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, vol. 17, no. 1, pp. 41–45.

Fedorova M. Yu. (2003) *Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya sotsial'nogo strakhovaniya* [Theoretical problems of legal regulation of social insurance]. Omsk, 382 p.

Istomina E. A. (2020) Tselesoobraznost' sotsial'nykh predstavlenii v kontekste ekonomicheskikh interesov grazhdan i gosudarstva [The expediency of social representations in the context of the economic interests of citizens and the state]. In *Permskii yuridicheskii al'manakh*, no. 3, pp. 514–525.

Istomina E. A. (2021) Razvitie sposobov podverzheniya prava na sotsial'noe obespechenie [The evolution of ways of affirming the right to social security]. In *Permskii yuridicheskii al'manakh*, no. 4, pp. 554–565.

Istomina E. A. (2021) Svoevremennost' kak printsip zashchity ot sotsial'nykh riskov [Timeliness as a principle of protection against social risks] In Ivanchina Yu. V., Istomina E. A. (Eds.) *Za prava trudyashchikhsya! Zashchita sotsial'no-trudovykh prav rabotnikov v izmenyayushchemsya mire: vozmozhnosti i ogranicheniya: conference papers*. Yekaterinburg, pp. 57–61.

Korsanenkova Yu. B. (2019) Ponyatie bezrabotnogo i sotsial'nyi risk bezrobotitsy v kontekste sistemnogo podkhoda [The concept of the unemployed and the social risk of unemployment in the context of a systematic approach]. In *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, no. 4, pp. 48–52.

Medvedev A. V., Pleshakova I. N. (2015) O nekotorykh voprosakh sotsial'noi zashchity bezrabotnykh grazhdan [About some issues of social protection of unemployed citizens]. In *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, no. 4, pp. 294–299.

Mironov V. I. (2005) *Trudovoe pravo Rossii* [Labour law of Russia]. Moscow, Zhurnal «Upravlenie personalom», 1149 p.

Pleshakova I. N. (2017) O nekotorykh voprosakh sodeistviya zanyatosti i trudoustroistva v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan: sostoyanie i perspektivy pravovogo regulirovaniya [About some questions of employment in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: condition and perspectives of legal regulation]. In *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 24, no. 4, pp. 124–129.

Trutaeva A. V. (2022) Zashchita grazhdan ot bezrobotitsy v usloviyakh pandemii: v poiskakh kontakta [Protecting citizens from unemployment in a pandemic: in search of contact]. In *Vestnik Om'skogo universiteta. Ser.: Pravo*, vol. 19, no. 1, pp. 51–55.

Tuchkova E. G. (2021) Konstitutsionnoe pravo grazhdan na zashchitu ot bezrobotitsy i yuridicheskie garantii ego realizatsii [The civil constitutional right to protection against unemployment and legal guarantees of its exercising]. In *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, no. 2, pp. 38–41.

К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ

Шебунова Екатерина Дмитриевна

Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (Москва), ORCID: 0000-0002-6442-7711,
e-mail: Shebunova.ek@mail.ru

В статье рассматривается содержание принципа участия граждан в бюджетном процессе, затрагивается вопрос о гражданах как субъектах бюджетного права. Автор исходит из разграничения понятий «бюджетный процесс» и «бюджетные правоотношения» и, как следствие, из несовпадения понятий «участник бюджетного процесса» и «участник бюджетных правоотношений», так как бюджетные правоотношения представляются более широким понятием по отношению к бюджетному процессу. В рамках исследования форм участия граждан в бюджетных правоотношениях рассмотрены наиболее распространенные практики непосредственного участия граждан в распределении публичных фондов денежных средств: инициативное бюджетирование, публичные слушания. Предлагается уточнить приведенную в законе формулировку принципа участия граждан в бюджетном процессе. Подчеркивается необходимость установления конкретного перечня прав граждан на участие в распределении публичных финансов, определения порядка участия граждан в бюджетных правоотношениях, закрепления способов защиты прав граждан в связи с участием в бюджетном процессе.

Ключевые слова: принцип права, бюджетное право, бюджетный процесс, субъекты бюджетного права, бюджетные правоотношения, инициативное бюджетирование, принципы бюджетного процесса

Для цитирования: Шебунова Е. Д. К проблеме законодательного закрепления принципа участия граждан в бюджетном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 65–72. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_65.

ON THE PROBLEM OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE PRINCIPLE OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE BUDGETARY PROCESS

Shebunova Ekaterina

Post-graduate, Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation (Moscow),
ORCID: 0000-0002-6442-7711, e-mail: Shebunova.ek@mail.ru

The article examines the content of the principle of citizens' participation in the budgetary process. The issue of defining citizens as subjects of budgetary law is touched upon. The author proceeds from the distinction between the concepts of «budgetary process» and «budgetary legal relations» and, as a consequence, from the discrepancy between the concepts of «participant in the budgetary process» and «participant in budgetary legal relations», since the concept of «budgetary legal relations» is broader than the concept of «budgetary process». As part of the study of the forms of citizens' participation in budgetary legal relations, the author considers the most common practices of direct participation of citizens in the distribution of public funds: initiative budgeting and public hearings. It is proposed to clarify the wording of the principle of citizens' participation in the budgetary process given in the law. The need to establish a specific list of citizen' rights to participate in the distribution of public

finances, to determine the procedure for citizens' participation in budgetary legal relations, and to fix ways to protect citizens' rights in connection with participation in the budgetary process is accentuated.

Key words: principle of law, budgetary law, budgetary process, subjects of budgetary law, budgetary legal relations, initiative budgeting, principles of the budgetary process

*For citation: Shebunova E. (2022) On the problem of legislative consolidation of the principle of citizens' participation in the budgetary process. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 4, pp. 65–72, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_65.*

В ноябре 2021 г. перечень принципов бюджетной системы Российской Федерации, закрепленный Бюджетным кодексом РФ, был дополнен принципом участия граждан в бюджетном процессе (ст. 28). Однако, как отмечает С. М. Миронова, ни в пояснительной записке к законопроекту, ни в иных представленных с ним документах не содержится разъяснений о цели включения данного принципа в перечень принципов бюджетной системы РФ, его роли в становлении бюджетных правоотношений, а также его содержания¹. К тому же, в отличие от содержания остальных принципов бюджетной системы, содержание принципа участия граждан в бюджетном процессе в отдельной статье БК РФ не раскрыто.

Принцип участия граждан в бюджетном процессе является новеллой не только для бюджетного законодательства РФ, но и для бюджетно-правовой (финансово-правовой) науки и задает новые направления развития бюджетных правоотношений и соответствующих научных исследований.

Возникает вполне закономерный вопрос: если граждане обозначены в законе как участники бюджетного процесса (это можно предположить исходя из слова «участие», использованного в формулировке анализируемого принципа), то становятся ли они субъектами бюджетного права и, как следствие, участниками бюджетных правоотношений? А далее встает еще более сложный вопрос: можно ли их считать участниками бюджетного процесса?

Заслуживает внимания предложенный С. В. Рыбаковой подход к определению категории «субъект права». По ее мнению, эта категория является результатом абстрагирования конкретных субъектов социальных отношений с целью наделения их юридическими правами и обязанностями, которые могут ими реализовываться и исполняться лично и (или) через представителей².

Полагаем, что принцип участия граждан в бюджетном процессе не только определяет роль граждан в бюджетных правоотношениях, но также обязывает иных участников бюджетного процесса обеспечивать возможность реализации гражданами своего субъективного бюджетного права.

Согласно ст. 152 БК РФ к участникам бюджетного процесса относится исчерпывающий перечень субъектов: Президент РФ; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; глава муниципального образования; законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления; исполнительные органы государственной власти (исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований); Центральный банк РФ; органы государственного (муниципального) финансового контроля; органы управления государственными внебюджетными фондами; главные распорядители (распорядители) бюджетных средств; главные администраторы (администраторы) доходов бюджета; главные администраторы (администраторы) источников финансирования дефицита бюджета; получатели бюджетных средств.

В правовой науке традиционно считается, что участниками бюджетного процесса, а также, если говорить шире, участниками бюджетных правоотношений являются

¹ Миронова С. М. Принцип участия граждан в бюджетном процессе как принцип бюджетной системы Российской Федерации: понятие и правовое закрепление // *Финансовое право*. 2022. № 6. С. 21.

² Рыбакова С. В. Юридические лица как субъекты публичного права // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Право. 2009. № 28. С. 97.

только органы государственной власти, органы местного самоуправления и публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования), т. е. коллективные субъекты. Так, Ю. В. Леднева утверждает, что в финансово-правовой доктрине наиболее распространен ограничительный подход к определению состава субъектов бюджетного права, согласно которому к ним не относятся ни индивидуальные субъекты, ни юридические лица – неучастники бюджетного процесса¹. Н. В. Омелехина также отмечает, что в бюджетных правоотношениях физические лица не признаются в качестве субъектов, а правовой статус субъектов частной формы собственности «размывается» категорией «получателя» бюджетных средств. Вместе с тем в ходе исследования ученый справедливо делает акцент на человекоцентричности финансово-правовой отрасли².

В учебной литературе к субъектам бюджетного права традиционно относят государство и его территориальные подразделения, территории со специальным правовым режимом, органы государственной власти и органы местного самоуправления, органы денежно-кредитного регулирования, кредитные организации, главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств, главных администраторов и администраторов доходов бюджетов, главных администраторов и администраторов источников финансирования дефицитов бюджетов³.

Таким образом, как в бюджетном законодательстве, так и в теории бюджетного права субъектами бюджетного права признаются преимущественно коллективные субъекты (органы власти, органы местного самоуправления, публично-правовые образования) и их представители (должностные лица). А индивидуальные субъекты (граждане, физические лица, индивидуальные предприниматели) ни бюджетным законодательством, ни доктриной бюджетного права в круг субъектов бюджетного права, как правило, не включаются.

Однако изменения, которым подвергаются акты бюджетного законодательства, обуславливают необходимость научного осмысления роли участия индивидуальных субъектов (если говорить обобщенно, то физических лиц) в бюджетных правоотношениях. Заслуживает внимания позиция Н. А. Поветкиной, которая утверждает, что под воздействием различных факторов и явлений происходит «разрастание» предмета регулирования бюджетного права, в том числе за счет включения в него новых субъектов бюджетного права⁴.

Одним из наиболее значимых изменений бюджетного законодательства, связанных с участием граждан в бюджетных правоотношениях, стало внедрение правовой конструкции инициативного (партисипаторного) бюджетирования⁵. Согласно Методическим рекомендациям по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации (в ред. от 22 декабря 2021 г.) инициативное бюджетирование – это общее название, используемое для обозначения совокупности практик вовлечения граждан в бюджетный процесс в Российской Федерации, объединенных идеологией гражданского участия, а также сфера государственного и муниципального регулирования участия населения в определении и выборе проектов, финансируемых за счет средств соответствующих бюджетов и последующем контроле за реализацией отобранных проектов со стороны граждан⁶.

С. В. Рыбакова под инициативным (партисипаторным) бюджетированием предлагает понимать обусловленное принципом участия граждан в бюджетном процес-

¹ Леднева Ю. В. Субъекты бюджетного права: трансформация правового статуса на современном этапе развития общества и государства // Финансовое право. 2021. № 4. С. 31.

² Омелехина Н. В. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 68.

³ Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 195.

⁴ Поветкина Н. А. Трансформация и особенности архитектуры бюджетного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 91.

⁵ Изменения внесены Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“».

⁶ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/12/main/Methodicheskie_rekomendatsii.pdf (дата обращения: 31.03.2022).

се право граждан участвовать в обсуждении проектов бюджета (закона (решения) о бюджете, закона (решения) об исполнении бюджета за отчетный финансовый год) субъекта РФ (муниципального образования), а также предлагать инициативные проекты (в том числе связанные с финансовым, имущественным, трудовым участием граждан) и проекты самообложения, участвовать в осуществлении оперативных мероприятий общественного финансового контроля¹.

Граждане, по мнению названного автора, в рамках инициативного бюджетирования фактически наделяются специальными субъективными правами именно в сфере бюджетных правоотношений – правом определять направления расходования бюджетных средств и правом осуществлять общественный контроль за расходованием бюджетных средств.

Однако указанные бюджетные права граждан в рамках инициативного бюджетирования соответствуют статусу граждан не как участников бюджетного процесса, а как участников бюджетных правоотношений. Поэтому для определения роли граждан в бюджетных правоотношениях необходимо прежде всего исходить из разграничения понятий «бюджетные правоотношения» и «бюджетный процесс» (правоотношения в области бюджетного процесса), которые соотносятся как целое и часть: бюджетный процесс составляет значительную часть системы бюджетных правоотношений.

Бюджетный кодекс РФ не дает определения понятия бюджетных правоотношений, в ст. 1 лишь указано, какие правоотношения относятся к бюджетным:

отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы РФ, осуществления государственных (муниципальных) заимствований, регулирования государственного (муниципального) долга;

отношения, возникающие между субъектами бюджетных правоотношений в процессе составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы РФ, утверждения и исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, контроля за их исполнением, осуществления бюджетного учета, составления, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности.

В научной литературе под бюджетными правоотношениями понимают урегулированные нормами бюджетного права общественные отношения, участники которых выступают носителями юридических прав и обязанностей, реализующими содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию централизованных государственных и муниципальных фондов денежных средств².

В свою очередь, в соответствии с законом бюджетный процесс – это регламентируемая законодательством РФ деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных участников бюджетного процесса по составлению и рассмотрению проектов бюджетов, утверждению и исполнению бюджетов, контролю за их исполнением, осуществлению бюджетного учета, составлению, внешней проверке, рассмотрению и утверждению бюджетной отчетности (ст. 6 БК РФ).

Соответственно, бюджетные правоотношения не ограничиваются этапами бюджетного процесса, хотя отношения, складывающиеся в ходе бюджетного процесса, являются отдельной группой бюджетных правоотношений.

Трансформация взглядов на соотношение понятий «бюджетный процесс» и «бюджетные правоотношения» и, как следствие, на круг субъектов бюджетных отношений в последнее время все чаще наблюдается среди исследователей. Например, некоторые ученые справедливо отмечают, что, несмотря на то что физические и юридические лица не перечислены в качестве участников бюджетного процесса, т. е. непосредственно не участвуют в планировании, составлении, рассмотрении и утверждении бюджета, составлении, рассмотрении и утверждении бюджетной отчетности, в случаях, установленных законодательством, они получают бюджетное финанси-

¹ Рыбакова С. В. Инициативное бюджетирование как новая категория бюджетного права // Финансовое право. 2022. № 5. С. 18. DOI: 10.18572/1813-1220-2022-5-12-18.

² Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2009. С. 5.

вание в виде субсидий, грантов и бюджетных инвестиций (ст. 78, 78.1, 78.2 БК РФ)¹. По мнению Э. С. Ислямовой, при исполнении государственного (муниципального) заказа физическое лицо – производитель товаров, работ, услуг является получателем средств из бюджета и, соответственно, участником бюджетных правоотношений². Н. А. Саттарова также полагает, что хотя БК РФ не относит физических лиц к участникам бюджетного процесса, однако исключать их из круга субъектов бюджетных правоотношений не следует³.

Исходя из анализа законодательства и теоретических исследований, можно сделать вывод, что субъектами бюджетных правоотношений могут быть как участники, так и неучастники бюджетного процесса (юридические лица, физические лица).

Соответственно, несмотря на то что граждане формально не являются участниками бюджетного процесса, они посредством различных форм участия (инициативное бюджетирование, публичные слушания и т. д.) могут стать участниками бюджетных правоотношений. Возможно, именно по этой причине принцип участия граждан в бюджетном процессе и был закреплен в бюджетном законодательстве и в настоящее время проходит этап теоретической разработки и оформления в правовой науке.

Однако представляется, что формулировка «участие граждан в бюджетном процессе» не в полной мере отражает содержание самого принципа.

При рассмотрении содержания принципа участия граждан в бюджетном процессе необходимо обратить внимание, в частности, на содержание понятия «участие», а также на саму формулировку рассматриваемого принципа. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова участие – это совместная с кем-нибудь деятельность, сотрудничество в чем-нибудь⁴. Действительно, реализация гражданами своих прав на участие в бюджетном процессе выражается, как правило, в совместной деятельности граждан (в процессе формирования инициативных проектов) и сотрудничестве с органами государственной власти и органами местного самоуправления (в рамках реализации инициативных проектов, при проведении публичных слушаний). Само по себе понятие «участие» предполагает, что граждане становятся участниками совместной деятельности.

Ввиду того что бюджетные правоотношения по своему содержанию являются экономическими, представляется целесообразным привести определение понятия «участник» именно в рамках экономического процесса. Так, в современном экономическом словаре участник (экономического процесса, бизнес-операции, сделки) трактуется как лицо, непосредственно участвующее в проведении операции, оказывающее существенное влияние на ее результаты⁵. Соответственно, участник какого-либо процесса (совместной деятельности) должен принимать в нем непосредственное участие и иметь достаточные полномочия, чтобы оказывать влияние на процесс.

Исходя из проведенного ранее анализа понятия «бюджетный процесс» и с учетом того, что перечень субъектов бюджетного процесса закреплен законодательно и носит исчерпывающий характер, можно сделать вывод о том, что граждане не являются участниками бюджетного процесса, однако выступают участниками бюджетных правоотношений.

Полагаем, что формулировка рассматриваемого принципа нуждается в доработке, так как он должен закреплять участие граждан не в бюджетном процессе, а в бюд-

¹ Бюджетное право: учеб. / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2018. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.06.2022).

² Ислямова Э. С. Бюджетно-правовой статус физических лиц как субъектов бюджетных правоотношений, возникающих в связи с исполнением государственного (муниципального) социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере // Финансовое право. 2022. № 2. С. 37.

³ Саттарова Н. А. Принцип участия граждан в бюджетном процессе // Финансовое право. 2022. № 6. С. 27.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

⁵ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1998. 476.

жетных правоотношениях. Кроме того, для наиболее точной формулировки этого принципа необходимо указать, что участие осуществляется гражданами непосредственно.

Вместе с тем Е. И. Киселева обращает внимание на то, что граждане могут участвовать в бюджетном процессе как непосредственно, так и опосредованно¹. Действительно, фундаментальный принцип демократизма предполагает, что граждане опосредованно, через своих представителей (депутатов), принимают участие в процессе управления публичными денежными фондами. Например, Е. Г. Беликов указывает, что принцип участия граждан РФ в финансовой деятельности государства и органов местного самоуправления, а также в осуществлении ее контроля следует рассматривать не как самостоятельный отраслевой принцип финансового права, а как элемент общеправового принципа демократизма, действующего в финансовом праве и имеющего в нем специфическое проявление².

Фактически граждане и ранее участвовали в бюджетном процессе опосредованно, через своих представителей, в рамках реализации принципа демократизма. Можно предположить, что дополнение БК РФ принципом участия граждан в бюджетном процессе предусматривает, что граждане отныне самостоятельно (непосредственно) реализуют свои права на участие в бюджетных правоотношениях, а не через представителя.

Таким образом, целесообразно сформулировать рассматриваемый принцип как принцип непосредственного участия граждан в бюджетных правоотношениях.

До своего включения в БК РФ принцип участия граждан в бюджетном процессе упоминался в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах (далее – Концепция)³. Однако Концепция касается только расходов; соответственно, следует предположить, что при закреплении рассматриваемого принципа законодатель подразумевал участие граждан не во всех стадиях и этапах бюджетного процесса, а только в тех, которые связаны с определением направления расходования бюджетных средств. Такое понимание содержания принципа участия граждан в бюджетном процессе представляется наиболее целесообразным и позволяет определить границы участия граждан в бюджетном процессе.

Важно также установить конкретный перечень прав граждан на участие в распределении публичных финансов, унифицировать имеющиеся формы такого участия и определить его порядок, предусмотреть способы защиты прав граждан в связи с участием в бюджетном процессе. Кроме того, встает вопрос о компетентности граждан при непосредственном участии в бюджетном процессе. Как справедливо отмечает Е. И. Киселева, необходимым условием участия граждан в бюджетном процессе является бюджетная грамотность⁴.

Таким образом, при уточнении формулировки принципа участия граждан в бюджетном процессе и раскрытии его содержания важно обозначить конкретные рамки участия граждан в бюджетных правоотношениях, а также законодательно закрепить права и обязанности как граждан, так и участников бюджетного процесса при реализации рассматриваемого принципа, предусмотреть способы защиты прав граждан в бюджетных правоотношениях, определить конкретные формы участия в бюджетном процессе и бюджетных правоотношениях в целом.

Список литературы

Беликов Е. Г. Развитие принципа демократизма в финансовом праве в условиях формирования социального государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 11–15.

Бюджетное право: учеб. / под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2018. 400 с.

Ислямова Э. С. Бюджетно-правовой статус физических лиц как субъектов бюджетных правоотношений, возникающих в связи с исполнением государственного (муниципального) со-

¹ Киселева Е. И. Формы участия граждан в бюджетном процессе // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 38.

² Беликов Е. Г. Развитие принципа демократизма в финансовом праве в условиях формирования социального государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 12.

³ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 31 января 2019 г. № 117-р.

⁴ Киселева Е. И. Указ. соч. С. 39.

циального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере // *Финансовое право*. 2022. № 2. С. 33–37.

Киселева Е. И. Формы участия граждан в бюджетном процессе // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2021. № 10. С. 37–40.

Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2009. 576 с.

Леднева Ю. В. Субъекты бюджетного права: трансформация правового статуса на современном этапе развития общества и государства // *Финансовое право*. 2021. № 4. С. 30–34.

Миронова С. М. Принцип участия граждан в бюджетном процессе как принцип бюджетной системы Российской Федерации: понятие и правовое закрепление // *Финансовое право*. 2022. № 6. С. 20–25.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Омелехина Н. В. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 11. С. 60–75.

Поветкина Н. А. Трансформация и особенности архитектуры бюджетного права // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 9. С. 89–97.

Рыбакова С. В. Инициативное бюджетирование как новая категория бюджетного права // *Финансовое право*. 2022. № 5. С. 12–18. DOI 10.18572/1813-1220-2022-5-12-18.

Рыбакова С. В. Юридические лица как субъекты публичного права // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Право. 2009. № 28. С. 96–101.

Саттарова Н. А. Принцип участия граждан в бюджетном процессе // *Финансовое право*. 2022. № 6. С. 26–29.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1998. 476.

Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. 800 с.

References

Belikov E. G. (2016) *Razvitie printsipa demokratizma v finansovom prave v usloviyakh formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva* [Development of the democracy principle in the financial law under formation of social state]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 4, pp. 11–15.

Gracheva E. Yu. (Ed.) (2009) *Kommentarii k Byudzhethnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Budget Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, Prospekt, 576 p.

Islyamova E. S. (2022) *Byudzhethno-pravovoi status fizicheskikh lits kak sub"ektov byudzhethnykh pravootnoshenii, vznikayushchikh v svyazi s ispolneniem gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) sotsial'nogo zakaza na okazanie gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) uslug v sotsial'noi sfere* [The budget law status of individuals as subjects of budget relations arising in view of the execution of a state (municipal) social order for rendering of state (municipal) services in the social sphere]. In *Finansovoe pravo*, no. 2, pp. 33–37.

Khimicheva N. I., Pokachalova E. V. (Eds.) (2019) *Finansovoe pravo* [Financial law]. 6th ed., reprint. and add. Moscow, Norma : INFRA-M, 800 p.

Kiseleva E. I. (2021) *Formy uchastiya grazhdan v byudzhethnom protsesse* [Forms of participation of citizens in the budgeting process]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 10, pp. 37–40.

Ledneva Yu. V. (2021) *Sub"ekty byudzhethnogo prava: transformatsiya pravovogo statusa na sovremennom etape razvitiya obshchestva i gosudarstva* [Budget law subjects: the transformation of the legal status on the modern society and state development stage]. In *Finansovoe pravo*, no. 4, pp. 30–34.

Mironova S. M. (2022) *Printsip uchastiya grazhdan v byudzhethnom protsesse kak printsip byudzhethnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii: ponyatie i pravovoe zakreplenie* [The principle of participation of citizens in the budgeting process as a principle of the budgetary system of the Russian Federation: the concept and legal consolidation]. In *Finansovoe pravo*, no. 6, pp. 20–25.

Omelekhina N. V. (2020) *Finansovoe pravo v mezhotraslevom institute dostoinstva lichnosti* [Financial law in the interdisciplinary institution of personal dignity]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 11, pp. 60–75.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions], 4th ed., add. Moscow, Azbukovnik, 944 p.

Povetkina N. A. (2020) *Transformatsiya i osobennosti arkhitektury byudzhethnogo prava* [Transformation and architecture features of budget law]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, no. 9, pp. 89–97.

Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. (Eds.) (1998) *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary], 2nd ed. Moscow, INFRA-M, 476 p.

Rybakova S. V. (2009) Yuridicheskie litsa kak sub"ekty publichnogo prava [Legal persons as subjects of public law]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 28, pp. 96–101.

Rybakova S. V. (2022) Initsiativnoe byudzhetrovanie kak novaya kategoriya byudzhethnogo prava [Participatory budgeting as a new budget law category]. In *Finansovoe pravo*, no. 5, pp. 12–18, DOI: 10.18572/1813-1220-2022-5-12-18.

Sattarova N. A. (2022) Printsip uchastiya grazhdan v byudzhethnom protsesse [The principle of participation of citizens in the budgeting process]. In *Finansovoe pravo*, no. 6, pp. 26–29.

Tsindeliani I. A. (Ed.) (2018) *Byudzhethnoe pravo* [Budget law]. Moscow, Prospekt, 400 p.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ПРАВА ПАЦИЕНТА

Рот Леонид Геннадьевич

Старший преподаватель кафедры гражданского права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета (Новосибирск),
ORCID: 0000-0002-3444-4430, e-mail: lgrot@ngs.ru

Автор выделяет особенности народной медицины и ее нормативного правового регулирования. К числу последних относятся отсутствие специального регулирования на уровне международного права и значительное разнообразие внутригосударственных подходов. Регулирование народной медицины в России недостаточно развито и нуждается в усовершенствовании. Это усовершенствование, в частности, может состоять в уточнении прав пациентов, пользующихся услугами народной медицины, с учетом опыта зарубежных стран. Государственная политика в сфере регулирования народной медицины является пассивной. К числу первоочередных мер, способных улучшить ситуацию, относятся: закрепление общего порядка и условий выдачи разрешений на занятие народной медициной; установление общего порядка оценки и регистрации народных лекарственных средств; создание регистра (реестра) народных целителей; установление обязательного саморегулирования; закрепление правил оказания услуг в сфере народной медицины и др.

Ключевые слова: народная медицина, правовое регулирование, права пациента, лицензирование медицинской деятельности, саморегулирование, медицинские услуги

Для цитирования: Рот Л. Г. Народная медицина и права пациента // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 73–79. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_73.

TRADITIONAL MEDICINE AND PATIENT'S RIGHTS

Rot Leonid

Senior Lecturer, Novosibirsk Law Institute (branch) of the Tomsk State University (Novosibirsk),
ORCID: 0000-0002-3444-4430, e-mail: lgrot@ngs.ru

The author highlights the features of traditional medicine and its legal regulation. The latter includes the lack of special regulation at the level of international law and significant diversity of national approaches. The regulation of traditional medicine in Russia is undeveloped and needs to be improved. This improvement, in particular, may consist in clarifying the rights of patients using traditional medicine, taking into account the experience of foreign countries. State policy in the field of regulation of traditional medicine is passive. The priority measures that can improve the situation include: fixing the general procedure and conditions for issuing licenses for traditional medicine practices; establishing a general procedure for evaluating and registering traditional medicaments; creating a register of traditional healers; establishing mandatory self-regulation; fixing the rules for the provision of services in the field of traditional medicine, etc.

Key words: traditional medicine, legal regulation, patient's rights, licensing of medical activities, self-regulation, medical services

*For citation: Rot L. (2022) Traditional medicine and patient's rights. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 73–79, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_73.*

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет народную медицину как «общий итог накопленных знаний, верований и навыков, основанных на теории, убеждениях и опыте коренных народов и представителей различных культур, независимо от того, можем мы их объяснить или нет, которые используются для поддержания здоровья, а также для профилактики, диагностики и улучшения состояния при физических и психических расстройствах»¹. В ст. 50 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ 2011 г.) сказано о «методах оздоровления, утвердившихся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья».

Народная медицина имеет четкую географическую локализацию (китайская медицина, индийская медицина и т. п.) и отражается в устной традиции. Она является частью народной культуры (классическая медицина, наоборот, развивается как универсальное знание). Кроме того, ей присущ ряд особенностей: отсутствие разделения объективного (патофизиологического) и субъективного (ощущения); учет при диагностике второстепенных симптомов (например, данных пульса); закрытый характер методик; применение целостного подхода (сочетание рационального и иррационального)².

В последние годы интерес к народной медицине заметно вырос. Данная тенденция проявляется в росте доверия к растительным препаратам, традиционным методам (хатха-йога, цигун) и народным целителям, появлении специализированных центров и отдельного сегмента турбизнеса (аюрведические туры) и др. Характерно, что она затрагивает не только развитые, но и развивающиеся страны. В социальном плане эта тенденция является реакцией на несовершенство методов традиционной медицины, в культурном плане – реакцией на кризис глобализма.

Правовое регулирование народной медицины остается неразвитым: во-первых, государство и представители классической медицины не считают ее медициной в собственном смысле слова; во-вторых, ее методики недостаточно изучены; в-третьих, она не предполагает единой терминологии, организации, классификаций и т. п., что затрудняет выработку единых подходов к регулированию этой области. Одновременно социальная потребность в данном регулировании велика; это связано с тем, что народная медицина является одной из гарантий права на наивысший уровень здоровья, а также с формированием в данной сфере отдельного сегмента рынка и необходимостью его защиты от злоупотреблений³.

В международном праве специальное регулирование народной медицины отсутствует. Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и другие документы по правам человека закрепляют право на наивысший уровень здоровья, но не предусматривают гарантий развития народной медицины. ВОЗ, однако, приняла ряд актов *soft law*: к их числу относятся Общее руководство по методологиям научных исследований и оценке народной медицины 2000 г. и Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. Региональные организации, прежде всего ЕС, также занимаются этой темой (см., например, Директиву 2004/24/ЕС от 31 марта 2004 г. о традиционных травяных медицинских продуктах⁴ и др.).

Страны романо-германской правовой семьи обычно лицензируют практику народной медицины: католические страны предусматривают более жесткие условия

¹ Общее руководство по методологиям научных исследований и оценке народной медицины WHO/EDM/TRM/2000.1. С. 1. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/102750> (дата обращения: 12.03.2021).

² Тарасенко Д. Б. М. М. Добротворский и Н. В. Кирилов как исследователи народной медицины // Тихоокеанский медицинский журнал. 2010. № 4. С. 87–90.

³ По данным ВОЗ, в настоящее время услугами народной медицины пользуются более 100 млн европейцев и гораздо больше людей в других регионах мира. Оценки размеров всего рынка отсутствуют; объем рынка китайской фармакопеи составляет около 83 млрд долл. в год. См.: Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. С. 25–26. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/92455/9789244506097_rus.pdf (дата обращения: 12.03.2021). В России, по различным данным, народную медицину практикуют от 200 до 400 тыс. человек.

⁴ Directive 2004/24/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 amending, as regards traditional herbal medicinal products, Directive 2001/83/EC on the Community code relating to medicinal products for human use. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32004L0024> (дата обращения: 12.10.2022).

выдачи лицензии, протестантские – более либеральные. Страны общего права допускают свободную практику (например, единственное условие для лечения травмами в Великобритании – согласие пациента), но предъявляют к ней определенные требования (так, в Великобритании народные целители не могут заявлять, что лечат рак, болезнь Брайта, венерические болезни и диабет)¹. В последние годы некоторые страны (Гана, Танзания, Нигерия, Португалия, ЮАР) приняли специальные законы о народной медицине².

Статья 50 ФЗ 2011 г. уполномочивает органы власти субъектов РФ выдавать разрешения на занятие народной медициной. Условием выдачи разрешения является представление медицинской профессиональной некоммерческой организации. Разрешение дает право на занятие народной медициной на территории соответствующего субъекта. Данные правила обусловлены отнесением вопросов здравоохранения к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ); они, однако, противоречат принципам единого рынка (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ) и, возможно, вступают в конфликт с правом на охрану здоровья. Во-первых, в органах власти субъектов РФ часто отсутствуют специалисты, способные оценивать квалификацию народных целителей. Во-вторых, три четверти субъектов РФ не ввели данный порядок³, получение услуг народного целителя на их территории, таким образом, невозможно. В-третьих, не во всех областях народной медицины созданы профессиональные некоммерческие организации, которые могли бы выдавать указанные разрешения. В-четвертых, федеральное законодательство не закрепляет общих критериев предоставления разрешений на занятие народной медициной, что создает потенциальную угрозу доступа к данной практике некомпетентных лиц.

Положение о лицензировании медицинской деятельности (утверждено постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291) не предусматривает лицензирования народной медицины (в отличие от Положения, утвержденного постановлением от 21 мая 2001 г. № 402 и упоминавшего гомеопатию, натуротерапию и др.). Вероятно, законодатель считал, что разрешение, упомянутое в ст. 50, выполняет функции лицензии. Такое решение выглядит спорным, так как ФЗ 2011 г. признает народную медицину медициной, а условия выдачи лицензии включают не только квалификационные требования, но и требования к оборудованию, помещению и пр.⁴

Часть 5 ст. 19 ФЗ 2011 г. закрепляет права пациентов: 1) на выбор врача; 2) лечение в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям; 3) получение консультаций специалистов; 4) облегчение боли доступными методами и лекарствами; 5) получение информации о правах и состоянии здоровья; 6) получение лечебного питания при нахождении в стационаре; 7) защиту врачебной тайны; 8) отказ от медицинского вмешательства; 9) возмещение вреда здоровью; 10) допуск адвоката; 11) допуск священнослужителя⁵.

¹ *McIntyre M.* The Regulation of Complementary and Alternative Medicine (CAM) in the EU. P. 8–9. URL: <https://docslib.org/doc/1508576/the-regulation-of-complementary-and-alternative-medicine-cam-in-the-eu-michael-mcintyre-ma-mrchr-fnimh-du-visiting-professor-middlesex-university-uk> (дата обращения: 12.10.2022).

² *Fjær E. L., Landet E. R., McNamara C. L., Eikemo T. A.* The use of complementary and alternative medicine (CAM) in Europe // *BMC Complementary Medicine and Therapies*. 2020. Vol. 20. P. 108–117. DOI: 10.1186/s12906-020-02903-w; *Kemppainen L. M., Kemppainen T. T., Reippainen J. A., Salmenniemi S. T., Vuolanto P.H.* Use of complementary and alternative medicine in Europe: Health-related and sociodemographic determinants // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2017. Vol. 46. № 4. P. 448–455. DOI: 10.1177/1403494817733869; *McIntyre M.* Op. cit. P. 8–9.

³ *Чернолих К.* Легальные целители: Минздрав планирует выдавать лицензии на занятие народной медициной // RT на русском. 2016. 7 дек. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/339461-minzdrav-zakon-celiteli-vrachi> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴ Именно такая позиция изложена в решении Верховного Суда РФ от 24 сентября 1998 г. № ГКПИ 98-435 по жалобам М. А. Терешина и В. В. Логинова. Заявители оспорили лицензирование народной медицины, отметив, что она не является медицинской деятельностью. Суд, однако, сослался на ст. 57 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г. и указал, что народной медицине присущи все признаки медицинской деятельности и ее объектом является здоровье человека.

⁵ См. также: Declaration on the promotion of patients' rights in Europe. European consultation on the rights of patients, Amsterdam, 28–30 March 1994. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/108179> (дата обращения: 12.03.2021).

По своей природе данные права являются элементом права на наивысший уровень здоровья. Последнее относится к правам второго поколения, устанавливающим ориентиры социальной политики. Согласно ст. 2 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. государства обязаны «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление» данных прав. Эта норма устанавливает негативные обязательства, т. е. обязательства уважать права и воздерживаться от их нарушения (*to respect*), позитивные обязательства, т. е. обязательства защиты (*to protect*), требующие, чтобы государство обеспечивало соблюдение прав третьими лицами (в данном случае народными целителями), и обязательства исполнения (*to fulfil*), требующие, чтобы государство создавало условия для реализации прав (выделяло необходимые ресурсы, организовывало специальные службы, учреждало механизмы защиты и т. п.). Речь идет об обязательствах поведения: государство не должно гарантировать соблюдение прав, но должно стремиться к этому и прилагать должные усилия.

Замечание общего порядка № 14, принятое Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам в 2000 г., устанавливает следующие элементы права на здоровье: 1) наличие достаточного количества функционирующих учреждений, товаров и услуг; 2) доступность данных учреждений, товаров и услуг (недискриминация, физическая, экономическая доступность и доступность информации); 3) приемлемость, т. е. соответствие данных учреждений, товаров и услуг принципам медицинской этики и культурным критериям; 4) качество, т. е. приемлемость с научной и медицинской точек зрения (§ 12)¹.

Некоторые из прав пациентов не имеют специфики применительно к народной медицине, другие имеют таковую.

Право на выбор врача предполагает доступность информации о врачах. В области народной медицины это право не обеспечено: регистры (реестры) народных целителей, аналогичные Федеральному регистру медицинских работников, не предусмотрены. В некоторых странах такие реестры ведутся; практика в отсутствие регистрации квалифицируется как уголовное преступление (например, в Великобритании имеются реестры остеопатов и хиропрактиков).

Право на лечение в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям, применительно к народной медицине должным образом не обеспечивается, так как народные целители не обязаны получать лицензию, а общие стандарты выдачи разрешений, упомянутых в ст. 50 ФЗ 2011 г., отсутствуют. За рубежом условиями выдачи разрешений часто являются наличие базового медицинского образования, сдача экзамена на базовые медицинские знания, прохождение практики при медицинском учреждении, наличие стажа, регистрация в реестре и др.

Право на получение консультаций специалистов предполагает доступность услуг специалистов и обязанность последних их оказывать. Как уже упоминалось, большинство субъектов РФ не закрепили порядок выдачи разрешений, упомянутых в ст. 50. В отсутствие такого порядка практика народной медицины сопряжена с риском привлечения к уголовной или административной ответственности (ст. 171 УК РФ и ст. 14.1 КоАП РФ).

Право на облегчение боли доступными методами и лекарствами обеспечивается государственной политикой в области разработки, регистрации, сертификации и распространения лекарств. В России сертификация травяных продуктов не осуществляется. Они должны соответствовать лишь требованиям Технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (утв. решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880). С одной стороны, это облегчает оборот данных продуктов, с другой – затрудняет оценку их эффективности. Многие страны регистрируют такие продукты².

¹ General Comment No. 14 on the highest attainable standard of health (2000), The Committee on Economic, Social and Cultural Rights, E/C.12/2000/4. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/ec1220004-general-comment-no-14-highest-attainable> (дата обращения: 12.10.2022).

² Директива ЕС 2004/24/ЕС закрепляет упрощенную процедуру регистрации травяных медицинских продуктов, используемых длительное время (не менее 30 лет, в том числе не менее 15 лет в ЕС), и учреждает Комитет по травяным медицинским продуктам Европейского медицинского агентства, отвечающий за составление перечня таких продуктов.

Здесь же следует упомянуть проблему доступа к неразрешенным препаратам. В решении от 13 ноября 2012 г. по делу «Христозов и др. против Болгарии» Европейский Суд по правам человека счел, что отказ государства предоставить доступ к экспериментальному противораковому препарату не нарушает ст. 2, 3 и 8 Европейской конвенции по правам человека 1950 г., так как он не увеличивает непосредственно страдания заявителей и является легитимной формой защиты общества от рисков применения экспериментальных препаратов¹. В отношении средств народной медицины может быть использован аналогичный подход, который, однако, не исключает более общей обязанности государств проводить политику, нацеленную на изучение данных средств.

Право на получение информации не обеспечено. Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства», Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг (утв. постановлением Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006) и другие документы, устанавливающие обязанность предоставления информации о медицинских услугах, распространяют свое действие только на организации, входящие в государственную систему здравоохранения. Другой аспект данной проблемы – преимущественно устные договоры между пациентом и целителем, что затрудняет предъявление гражданско-правового требования.

Право на возмещение вреда здоровью является частично обеспеченным. С одной стороны, пациент народных целителей может предъявить к ним гражданский иск. С другой стороны, народная медицина не входит в программу государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи². В других странах ситуация постепенно меняется: во Франции, Бельгии и Финляндии обязательное страхование покрывает расходы на акупунктуру и гомеопатию; в Японии – на лекарственные средства кампо и травяные сборы³. В 2017 г. в Швейцарии Федеральный департамент внутренних дел решил, что обязательное страхование должно покрывать расходы на антропософскую медицину, гомеопатию, лечение травами и неакупунктурную китайскую медицину⁴.

Государственная политика в сфере регулирования народной медицины является пассивной и не полностью отвечает критериям, предусмотренным в Замечании общего порядка № 14. Государство не обеспечивает:

1) достаточного количества учреждений и услуг в сфере народной медицины: не финансирует центры изучения народной медицины, не осуществляет подготовку специалистов в данной области, не вводит единую систему регистрации народных целителей и лекарственных средств;

2) доступность данных учреждений: народная медицина официально практикуется на территории лишь нескольких субъектов федерации; система сбора и распространения информации о народных целителях и предоставляемых ими услугах отсутствует;

3) соответствие деятельности в сфере народной медицины принципам медицинской этики и культурным критериям: институциональные связи между профессиональным врачебным сообществом и сообществом народных целителей не поддерживаются; поддержка народной медицины как элемента национальной культуры практически не осуществляется⁵;

¹ European Court of Human Rights. *Hristozov and others v. Bulgaria* (№ 47039/11, 358/12). Judgment of 13 November 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-213977> (дата обращения: 12.03.2021).

² Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. (утв. постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2017 г. № 1492).

³ Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. С. 36.

⁴ *McIntyre M.* Op. cit. P. 11.

⁵ Так, государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317) в основном концентрируется на проведении мониторинга состояния объектов культурного наследия.

4) качество услуг, предоставляемых народными целителями: государство не закрепляет критерии и процедуры оценки их качества, не проводит системную политику в области борьбы с недобросовестными практиками, более того, *de facto* поддерживает некоторые из них, разрешая на федеральных каналах трансляцию таких программ, как «Битва экстрасенсов», «Малахов+» и др., а в печатных СМИ – публикацию объявлений о предоставлении услуг гадалками, знахарями и пр., не имеющими подтвержденной квалификации.

Результатом такого положения вещей является системное нарушение прав пациентов. Полагаем, что для улучшения ситуации должны быть приняты следующие первоочередные меры:

1. Определение видов народной медицины, которые могут практиковаться без разрешения (например, лечение травами); видов, которые могут практиковаться только при условии получения разрешения (китайская медицина); видов, которые не могут практиковаться до получения достоверной информации об их воздействии на организм (уринотерапия). Соответствующие функции должны быть возложены на Министерство здравоохранения РФ.

2. Закрепление общего порядка и условий выдачи разрешений на занятие народной медициной, включающих не только квалификационные требования, но и требования к оборудованию, препаратам и помещениям. Данные функции должны быть возложены на федеральные органы.

3. Установление общего порядка оценки и регистрации народных лекарственных средств, прежде всего продуктов из трав; установление в качестве одного из главных критериев критерий длительного использования данных средств; создание специализированного научного центра, ответственного за проведение экспертизы (клинических испытаний) народных лекарственных средств по запросу государственных органов; создание единого регистра (реестра) данных средств.

4. Создание регистра (реестра) народных целителей; установление обязательно саморегулирования, т. е. возложение на народных целителей обязанности быть членом саморегулируемой организации и распространение на данные организации требований Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»; поощрение принятия кодексов поведения и тому подобных внутренних корпоративных актов.

5. Закрепление правил оказания услуг в сфере народной медицины: санитарно-гигиенических, предоставления информации об услугах, ведения документации (договорной, финансовой, отчетной и т. п.). Контроль за соблюдением этих правил должен быть возложен на Министерство здравоохранения РФ и саморегулируемые организации. Санкцией за грубое нарушение данных правил должно быть лишение статуса народного целителя.

6. Создание специализированных кафедр народной медицины в государственных образовательных учреждениях; разработка программ подготовки и переподготовки специалистов; финансирование программ развития народной медицины как элемента национального культурного наследия; консультативная поддержка центров народной медицины.

7. Интеграция народной медицины в национальную систему здравоохранения, т. е. создание условий для оказания услуг в данной области на базе государственных медицинских учреждений и специалистами, имеющими диплом врача.

8. Создание постоянно действующего консультативного органа при Министерстве здравоохранения РФ в составе представителей государства, конвенциональных врачей, народных целителей и пациентов (принцип квадропартизма).

9. Гармонизация норм и правил, касающихся лекарств растительного происхождения, в рамках ЕАЭС; разработка механизма нострификации дипломов и лицензий, выданных за границей (прежде всего в странах ЕАЭС); разработка межгосударственных программ развития народной медицины (например, алтайской – совместно с Казахстаном и Монголией).

10. Установление ответственности за нарушение прав пациентов; уточнение обязанностей Федеральной антимонопольной службы в части контроля рынка рекламы услуг народной медицины; разработка методических рекомендаций в данной области; проведение необходимых межведомственных совещаний.

Список литературы

Тарасенко Д. Б. М. М. Добротворский и Н. В. Кирилов как исследователи народной медицины // Тихоокеанский медицинский журнал. 2010. № 4. С. 87–90.

Чернолих К. Легальные целители: Минздрав планирует выдавать лицензии на занятие народной медициной // RT на русском. 2016. 7 дек. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/339461-minzdrav-zakon-celiteli-vrachi> (дата обращения: 12.03.2021).

Fjær E. L., Landet E. R., McNamara C. L., Eikemo T. A. The use of complementary and alternative medicine (CAM) in Europe // *BMC Complementary Medicine and Therapies*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 108–117. DOI: 10.1186/s12906-020-02903-w.

Kemppainen L. M., Kemppainen T. T., Reippainen J. A., Salmenniemi S. T., Vuolanto P. H. Use of complementary and alternative medicine in Europe: Health-related and sociodemographic determinants // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2017. Vol. 46. № 4. P. 448–455. DOI: 10.1177/1403494817733869.

McIntyre M. *The Regulation of Complementary and Alternative Medicine (CAM) in the EU*. 22 p. URL: <https://docslib.org/doc/1508576/the-regulation-of-complementary-and-alternative-medicine-cam-in-the-eu-michael-mcintyre-ma-mrchm-fnimh-du-visiting-professor-middlesex-university-uk> (дата обращения: 12.10.2022).

References

Tarasenko D. B. (2010) M. M. Dobrotvorskii i N. V. Kirillov kak issledovateli narodnoi meditsiny [M. M. Dobrotvorsky and N. V. Kirillov as traditional medicine researchers]. In *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal*, no. 4, pp. 87–90.

Chernolikh K. (2016) Legal'nye tseliteli: Minzdrav planiruet vydavat' litsenzii na zanyatie narodnoi meditsinoi [Legal healers: The Ministry of Health plans to issue licenses for practicing traditional medicine]. In *RT na rusском*, 7 Dec., available at: <https://russian.rt.com/russia/article/339461-minzdrav-zakon-celiteli-vrachi> (accessed: 12.03.2021).

Fjær E. L., Landet E. R., McNamara C. L., Eikemo T. A. (2020) The use of complementary and alternative medicine (CAM) in Europe. In *BMC Complementary Medicine and Therapies*, vol. 20, no. 1, pp. 108–117, DOI: 10.1186/s12906-020-02903-w.

Kemppainen L. M., Kemppainen T. T., Reippainen J. A., Salmenniemi S. T., Vuolanto P. H. (2018) Use of complementary and alternative medicine in Europe: Health-related and sociodemographic determinants. In *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 46, no. 4, pp. 448–455, DOI: 10.1177/1403494817733869.

McIntyre M. *The Regulation of Complementary and Alternative Medicine (CAM) in the EU*, 22 p., available at: <https://docslib.org/doc/1508576/the-regulation-of-complementary-and-alternative-medicine-cam-in-the-eu-michael-mcintyre-ma-mrchm-fnimh-du-visiting-professor-middlesex-university-uk> (accessed: 12.10.2022).

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СОЮЗЕ ССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам рассекреченных постановлений ГКО)

Мотревич Владимир Павлович

Профессор кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
доктор исторических наук, ORCID: 0000-0002-1184-3631,
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Статья посвящена находившимся в СССР в годы Второй мировой войны иностранным военнопленным. Источниковой базой исследования послужили рассекреченные постановления Государственного комитета обороны (ГКО). Анализ их содержания показал, что вопрос о военнопленных начал решаться в них только после Сталинградского сражения, когда количество попавших в русский плен иностранных военнослужащих стало быстро возрастать. Единственным исключением можно назвать постановление ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс об освобождении иранских пленных, однако вопрос об их статусе нуждается в дальнейшем изучении. На заключительном этапе войны было принято свыше десятка постановлений и распоряжений ГКО, посвященных приему, размещению и трудоустройству пленных, их материально-бытовому обеспечению и репатриации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Государственный комитет обороны, военнопленные, лагеря ГУПВИ НКВД СССР, трудоустройство военнопленных

Для цитирования: Мотревич В. П. Иностранцы военнопленные в Союзе ССР в годы Второй мировой войны (по материалам рассекреченных постановлений ГКО) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 80–88. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_80.

FOREIGN PRISONERS OF WAR IN THE USSR DURING THE SECOND WORLD WAR (based on the materials of declassified State Defence Committee resolutions)

Motrevich Vladimir

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
doctor of historical sciences, ORCID: 0000-0002-1184-3631,
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

The article is devoted to foreign prisoners of war who were in the USSR during the Second World War. The source base of the study are declassified resolutions of the State Defence Committee. An analysis of their content showed that the issue of prisoners of war began to be resolved in them only after the Battle of Stalingrad, when the number of foreign servicemen who were captured by Russians began to increase rapidly. The only exception was the State Defence Committee resolution of November 22, 1941 No. 947ss on the release of Iranian prisoners, but the issue of their status needs further study. At the final stage of the war, more than a dozen resolutions and orders of the State Defence Committee were adopted on the reception, placement and labour use of prisoners, their material and domestic support and repatriation.

Key words: World War II, State Defence Committee, resolution, prisoners of war, camps of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR, labour use of prisoners of war

For citation: Motrevich V. (2022) Foreign prisoners of war in the USSR during the Second World War (based on the materials of declassified State Defence Committee resolutions). In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 4, pp. 80–88, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_80.

В постсоветские годы одним из актуальных направлений отечественной историографии стало изучение вопроса о военнопленных Второй мировой войны в СССР. Этой проблеме посвящены крупные монографические исследования В. П. Галицкого, А. Е. Епифанова, В. Б. Конасова, С. И. Кузнецова, А. Л. Кузьминых, Н. М. Маркдорф, С. Г. Сидорова, Н. В. Суржиковой и публикации других авторов, дающие достаточно полное представление о пребывании военнопленных как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах¹. Сегодня в России и за рубежом опубликован значительный массив архивных данных, раскрывающих многие сюжеты темы². Однако со временем для исследователей становятся доступны новые материалы, содержащие много дополнительных сведений о военнопленных Второй мировой войны. Среди них – рассекреченные в последние годы постановления Государственного комитета обороны (далее – ГКО), которые несколько лет назад были оцифрованы и выложены на сайте «Документы советской эпохи»³.

Первым из них стало постановление ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс «Об освобождении плененных иранских офицеров». Пленение иранских офицеров произошло в результате оккупации Ирана советскими и английскими войсками в ходе военной операции «Согласие» в конце августа 1941 г.⁴ Хотя статус данных офицеров и не подходит под классическое определение военнопленных, к которым относятся лица, принадлежащие к вооруженным силам воюющих стран. Такой вывод можно сделать, поскольку между СССР и Ираном не было войны, а была только военная операция Красной армии. Тем не менее в постановлении ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс захваченные Красной армией иранские военнослужащие рассматривались как военнопленные.

Судя по подготовительным материалам к данному постановлению, народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия обратился в ГКО к И. В. Сталину с информацией о военнопленных иранской армии. В документе указывалось, что в период действия войск Красной армии на территории Ирана в плен были взяты военнослужащие иранской армии. Впоследствии пленные иранские солдаты были освобождены, а офицеры и унтер-офицеры содержались в лагерях. По состоянию на 22 ноября 1941 г. в организованных Красной армией лагерях находились 290 человек офицерского состава, в том числе 231 в Тебризе, 38 в Реште, 21 в Пехлеви. На территории СССР в Ашхабаде в лагере НКВД для военнопленных иранских офицеров пребывали 200 офицеров и 100 унтер-офицеров.

¹ Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Грааль, 1997; Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Ин-т воен. истории, 1998; Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во Сибирь, 1997; Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Вологод. ин-т права и экономики Минюста России, 2004; Маркдорф Н. М. Иностранцы военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. М.: Ин-т энергии знаний, 2011; Мотревич В. П. Иностранцы воинские захоронения в Свердловской области: численность, дислокация, современное состояние // Военный комментатор. 2000. № 1; Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001; Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: ГУ, 2006 и др.

² Венгерские военнопленные в СССР: док. 1941–1953 годов / сост. Д. И. Борисов и др. М.: РОССПЭН, 2005; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград: Логос, 2000; Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.): путеводитель. М.; Дрезден; Бонн; Кассель: Федер. архив. агентство РФ, 2008; Каталог иностранных воинских захоронений на территории Российской Федерации / авт.-сост. Е. А. Пилаев, В. В. Толочко, Д. Н. Соколов и др. М.: Росвоенцентр : Армпресс, 2014 и др.

³ Документальные комплексы. Великая Отечественная война. РГАСПИ. Ф. Р-644. Государственный комитет обороны СССР // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (дата обращения: 20.04.2022). Далее, если не указано иное, тексты документов приводятся по этому источнику.

⁴ Постановление ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс «Об освобождении плененных иранских офицеров».

По информации Л. П. Бери, подавляющее большинство содержащегося в лагерях офицерского состава добровольно сдало оружие своих подразделений частям Красной армии и сопротивления не оказывало. В связи с этим НКВД СССР посчитало возможным начать освобождение из лагерей военнопленных иранских офицеров, проводя его постепенно, небольшими частями (по 20–25 человек) в течение ноября и декабря¹.

В начальный период Великой Отечественной войны военнопленных в СССР было немного. Поток пленных стал быстро возрастать только с 1943 г., что отразилось и на тематике принимаемых ГКО постановлений. Анализ рассекреченных материалов показывает, что на протяжении 1943–1945 гг. проблеме военнопленных были посвящены свыше десятка постановлений и распоряжений ГКО. Первое из них – постановление от 5 апреля 1943 г. № 3124сс «О военнопленных». Поводом к его принятию стали результаты проведенной с 16 по 25 марта 1943 г. проверки причин высокой смертности в лагерях военнопленных в Сталинграде и в лагере № 81, расположенном в пос. Хреновое Воронежской области². Проверку проводила комиссия НКВД СССР совместно с Главным военно-санитарным управлением Красной армии, Наркомздравом СССР и представителями Красного креста.

По данным комиссии, по состоянию на 25 февраля 1943 г. Управлением лагерей для военнопленных по Сталинградской области от Наркомата обороны было принято 85 696 военнопленных, из них умерло 17 045 человек. Осмотр комиссией лагерей в пос. Сталгрэс и Сакко и Ванцетти показал, что военнопленные размещены в домах и бараках, помещения сухие и отапливаются, спят они в основном на деревянных полах и частично на нарах; продукты выдаются по утвержденной норме, за исключением сахара, горячая пища готовится два раза в день. Однако в лагерях отмечена нехватка воды, как питьевой, так и для бытовых нужд, почти отсутствовали медикаменты и перевязочный материал, а среди военнопленных наблюдалась большая зашвиленность.

Показания военнопленных и произведенный комиссией НКВД СССР осмотр трупов свидетельствовали, что высокая смертность военнопленных в лагерях и эвакуационных госпиталях была вызвана прежде всего длительным недоеданием военнослужащих 6-й армии в период окружения и фактическим голоданием в течение 15–20 дней во время ликвидации этой группировки. Проверка 400 актов о смерти в лагере пос. Сталгрэс показала, что в 90 % случаев ее причиной являлась дистрофия. К тому же в условиях окружения отсутствовала доброкачественная вода. В результате окруженцы употребляли непригодную для питья воду или добывали ее из снега, поэтому значительная часть солдат и офицеров в момент пленения страдали дизентерией. Кроме того, непривычные климатические условия и плохая экипировка привели к массовым обморожениям верхних и нижних конечностей. Все это снизило сопротивляемость организмов к всевозможным заболеваниям инфекционного и неинфекционного характера.

Вторым объектом проверки комиссии стал лагерь № 81 в Воронежской области. Он располагался на территории Хреновского конного завода, пленных размещали в помещениях бывших конюшен, некоторые из них имели деревянный настил, у остальных полы были земляные, а в качестве подстилки использовалась солома. Отопление конюшен производилось временками, температура в помещениях составляла 6–7 градусов тепла. Санитарное состояние лагеря было крайне неудовлетворительным, его территория была загрязнена фекальными массами.

В акте обследования указывалось, что в период с 24 января по 23 марта 1943 г. в лагерь № 81 поступило 26 805 военнопленных разных национальностей. Среди них было 9273 итальянцев, 7280 венгров, 4474 евреев, 2633 немцев, 1484 словаков, 684 бельгийцев, 489 румын, 366 сербов и т. д. Основная масса военнопленных при-

¹ Постановление ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс «Об освобождении пленных иранских офицеров».

² Акт о выяснении физического состояния военнопленных и причин высокой среди них смертности в лагерях военнопленных гор. Сталинграда, произведенный комиссией в период с 16-го по 21-е марта 1943 г.; Акт о выяснении физического состояния военнопленных и причин высокой среди них смертности в лагере военнопленных № 81 п. Хреновое, произведенный комиссией в период с 22-го по 25-е марта 1943 г. См.: Постановление ГКО от 5 апреля 1943 г. № 3124сс «О военнопленных».

была из отдаленных районов военных действий: они совершили 5–8-дневные пешие переходы при низких температурах и недостаточном питании, получая его не более одного-двух раз в день в виде хлеба, картофеля или консервов. В актах приемки отмечалось, что большинство прибывающих военнопленных находились в состоянии резкого истощения, с отморожениями нижних и верхних конечностей и были плохо экипированы (частично без обуви, головных уборов и шинелей). По данным актов приемки, среди прибывших военнопленных было 8567 здоровых, 644 больных, 17 594 истощенных.

Комиссия также установила, что к моменту поступления военнопленных лагерь не был обеспечен нужным количеством продовольствия и военнопленные первые три-пять дней не получали пищи. Также не было необходимой медицинской помощи и санитарно-гигиенических условий (медикаментов, перевязочных материалов, бань, дезкамер). В результате прибывшие военнопленные не подвергались санитарной обработке, а больные не были изолированы от здоровых. В дальнейшем оборудованные бани и дезкамера не удовлетворяли потребности лагеря ввиду несоответствия количества военнопленных пропускной способности санитарного блока. Из-за этого в лагере не удалось ликвидировать завшивленность и исключить распространение заболеваемости сыпным тифом. Среди находившихся в лагере людей смертность постепенно увеличивалась, достигнув к концу февраля 400 и более случаев в сутки. После отправки относительно здоровых пленных в тыловые лагеря смертность еще более возросла, достигнув к 8 марта 1943 г. порядка 900–1000 случаев в сутки.

На основании изучения бытовых и санитарно-гигиенических условий до пленения и ознакомления с работой лагеря комиссия НКВД СССР сделала выводы о причинах высокой смертности среди военнопленных. По ее заключению, высокая смертность была следствием, во-первых, значительного истощения военнопленных, вызванного длительным недоеданием, а также плохой экипировкой в зимних условиях еще до попадания в плен. Во-вторых, к дальнейшему ухудшению физического состояния военнопленных привели длительные пешие марши при плохой экипировке, недостаточное питание и слабое медико-санитарное обслуживание после пленения. В-третьих, условия размещения и содержания в лагере № 81 не способствовали улучшению состояния военнопленных, а наоборот, ухудшали его.

В целом, по мнению комиссии, высокую смертность обусловили поступление в лагерь значительного количества военнопленных с признаками алиментарной дистрофии необратимого характера, авитаминозом и другими заболеваниями (дизентерия, брюшной и сыпной тиф), которые в отсутствие приемлемых бытовых условий и питания обусловили высокую смертность содержащегося в лагере контингента.

Вывод комиссии НКВД СССР о причинах высокой смертности подтверждают и материалы обследования контингента в лагере № 50, куда в период с июня по 25 декабря 1942 г. поступали военнопленные с Донского и Сталинградского фронтов. После Сталинградского сражения из общего числа плененных более 500 человек находились без сознания, у 70 % была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического и психического истощения. Широко были распространены воспаление легких, туберкулез, болезни сердца и почек. Почти 60 % пленных имели обморожения 2-й и 3-й степени с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Примерно 10 % пленных находились в столь безнадежном состоянии, что не было реальной возможности их спасти¹.

Результатом проведенного комиссией обследования стало обращение наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии к председателю ГКО И. В. Сталину. В датированном 3 апреля 1943 г. документе указывалось, что с начала Отечественной войны и по 25 марта 1943 г. Управлением НКВД по делам военнопленных и интернированных было учтено 291 579 военнопленных. Из этого количества фронтовыми приемными пунктами было принято 202 332 человека. Остальные военнопленные в количестве 89 247 человек по причине ранений, обморожений и истощенности были помещены в госпитали, небольшое их количество осталось в распоряжении частей Красной армии. За время войны по состоянию на 25 марта 1943 г. умерло всего 132 105 военнопленных, в том числе 521 офицер. Из общего количества умерших военнопленных

¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 11.

в пути к приемным пунктам и лагерям НКВД и во время приема погибло 22 286 человек. На приемном пункте в Сталинграде умерло 25 354 человека, во фронтовых и тыловых госпиталях НКО и Наркомздрава – 24 202, в лагерях НКВД – 60 263¹.

В направленном Л. П. Берией в ГКО документе содержатся выводы комиссии о причинах высокой смертности и приводятся данные о мероприятиях НКВД СССР для борьбы с заболеваемостью и смертностью. В частности, в течение февраля-марта 1943 г. в тыловые лагеря было вывезено 49 525 военнопленных; 62 112 раненых, больных и обмороженных помещены в госпитали, а 19 450 находящихся в лагерях больных военнопленных помещены в специально оборудованные на территории этих лагерей госпитали. Для медицинского обслуживания пленных в лагеря направлены 282 медицинских работника, необходимые медикаменты и медицинские средства. Было упорядочено снабжение военнопленных продовольствием, бельем и хозинвентарем. Для содержания военнопленных офицеров создано четыре специальных офицерских лагеря. Однако физическое состояние военнопленных было настолько тяжелым, что в отношении значительной их части проводимые мероприятия не дали положительных результатов и смертность среди них оставалась на высоком уровне.

В этой ситуации нарком внутренних дел СССР предложил увеличить на 25 % установленные нормы питания для улучшения положения занятых на тяжелых физических работах ослабленных военнопленных. Кроме того, Л. П. Берия предложил обязать Главное санитарное управление Красной армии закрепить за Управлением НКВД по делам военнопленных и интернированных девять поездов-летучек для вывоза больных и раненых военнопленных с фронтов в тыл, а также обеспечить всеми видами медицинского снабжения лагеря ГУПВИ НКВД СССР. Помимо этого, нарком предложил обязать Наркомздрав СССР выделить дополнительный коечный фонд для военнопленных в количестве 10 тыс. мест.

Первоначально предложения Л. П. Берии об улучшении положения иностранных военнопленных планировалось использовать при подготовке постановления СНК СССР, о чем свидетельствует его проект, однако затем они были оформлены в виде постановления ГКО. В постановлении ГКО от 5 апреля 1943 г. № 3124сс «О военнопленных» НКВД СССР было разрешено ввести сроком на четыре месяца повышенную суточную норму пайка для военнопленных, больных дистрофией, для находящихся в госпиталях, а также для офицерского и генеральского состава. Для занятых на тяжелых физических работах ослабленных военнопленных было разрешено увеличить среднесуточную норму питания на 25 %. Кроме того, Главное санитарное управление Красной армии обязывалось закрепить за Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных девять поездов для вывоза больных и раненых военнопленных с фронта в тыл, обеспечить лагеря для военнопленных всеми видами медицинского снабжения, а Наркомздраву СССР поручалось выделить дополнительный коечный фонд для лечения больных и раненых военнопленных в количестве 10 тыс. мест.

Итак, первый крупный массив иностранных военнопленных в СССР появился только после Сталинградской битвы. Постановление ГКО от 5 апреля 1943 г. № 3124сс и подготовительные материалы к нему дают достаточно объективное представление о первых днях пребывания в русском плену. В дальнейшем постановления и распоряжения ГКО были посвящены приему, размещению и трудоустройству военнопленных, их материально-бытовому обеспечению. Первые из них касались вопроса трудоустройства пленных в угольной промышленности.

Как известно, временная оккупация значительной территории в европейской части страны повлекла потерю более 60 % действующих мощностей по добыче угля, что привело к труднейшему положению при обеспечении углем промышленности. Нехватка угля была особенно заметна в индустриально развитых областях Урала, промышленный потенциал которых в годы войны кратно возрос. В этой ситуации ГКО своим распоряжением от 3 сентября 1944 г. обязал НКВД СССР для жилищного и промышленного строительства на коркинских угольных разрезах в Челябинской области выделить Наркомстрою 1500 военнопленных. В свою очередь, Наркомторгу

¹ Постановление ГКО от 5 апреля 1943 г. № 3124сс «О военнопленных».

поручалось выделить Наркомстрою для строительства коркинских угольных разрезов второе горячее питание на 1000 человек. Кроме того, ГКО обязал Наркомвнешторг поставить в сентябре 1944 г. Наркомстрою для работающих на строительстве коркинских угольных разрезов военнопленных 1000 комплектов одежды и столько же одеял¹. Постановлением от 7 мая 1944 г. ГКО разрешил НКВД СССР выдавать работающим в угольной промышленности военнопленным разницу между основными нормами продовольственного снабжения и нормами, установленными для работников угольной промышленности. При этом предусмотренное для рабочих-угольщиков дополнительное питание выдавалось военнопленным только при условии выполнения ими норм выработки или установленных заданий². В дальнейшем закрепленный в мае 1944 г. порядок снабжения продовольствием работающих в угольной промышленности военнопленных был распространен и на пленных, занятых на предприятиях цветной металлургии³.

В октябре 1944 г. ГКО принял решение увеличить основную норму питания военнопленных, ввести в ряде случаев дополнительное питание, а также определил порядок и нормы снабжения вещевым довольствием. В целях повышения производительности труда военнопленных с 15 октября 1944 г. предписывалось увеличить основную норму питания военнопленных по жирам с 13 до 20 г, сахара – с 10 до 17 г, картофеля – с 300 до 400 г в день на одного человека. Соответственно на 25 % поручалось увеличить нормы по этим продуктам для ослабленных военнопленных и занятых на тяжелых работах. Выполняющим установленные нормы выработки военнопленным полагалось выдавать дополнительно второе горячее блюдо из расчета 50 г мясных и рыбных продуктов, 50 г крупы и 10 г жиров. Было также закреплено, что снабжение вещевым довольствием должно производиться Главным интендантским управлением Красной армии по заявкам НКВД СССР. Вещевое снабжение предполагалось осуществлять за счет трофейного и отремонтированного, годного к носке красноармейского обмундирования из расчета на одного военнопленного в год: одна шинель или ватная куртка, телогрейка и ватные шаровары (на зиму), гимнастерка и шаровары летние, пилотка (на лето) и шапка-ушанка (на зиму), две пары суррогатной или отремонтированной обуви, одна пара отремонтированных валенок, две пары нательного белья, две пары летних и одна пара теплых портянок, одна пара рукавиц или перчаток, два полотенца. Постановление обязывало Наркомпищепром СССР отпускать ежеквартально для лагерей военнопленных 23 млн человеко-доз витамина «С», а также организовать изготовление для военнопленных постельных принадлежностей (тюфяков и наволочек). Наркомторгу СССР поручалось организовать в лагерях ларьки для продажи военнопленным предметов личного обихода (нитки, иголки, щетки, спички, табак и другие товары), снабжая эти ларьки товаром из расчета на 15–20 руб. на военнопленного в месяц⁴.

В ноябре 1944 г. в целях пополнения запасов продовольствия в лагерях для военнопленных ГКО распорядился отгрузить НКВД СССР дополнительно к плану поставок продовольствия на четвертый квартал 1944 г. 6 тыс. т муки⁵. Несколько позже в установленные в октябре 1944 г. нормы суточного довольствия военнопленных были внесены изменения. Увеличивались нормы потребления соли и предусматривалась выдача табачного довольствия в сутки в размере 5 г на одного работающего. Кроме того, в первом квартале 1945 г. для военнопленных выделялось недостающее вещевое имущество в виде 200 тыс. пар отремонтированной кожаной обуви, а для подсобных хозяйств лагерей – 7 тыс. т семенного картофеля с возвратом из урожая 1945 г. В южных районах страны НКВД разрешалось организовать три лагеря-оздо-

¹ Распоряжение ГКО от 3 сентября 1944 г. № 6506 «О выделении в сентябре 1944 г. Наркомату по строительству 1500 военнопленных для строительства на Коркинских угольных разрезах».

² Постановление ГКО от 7 мая 1944 г. № 5825с «О плане добычи угля по Наркомуглю на май 1944 г.».

³ Распоряжение ГКО от 30 января 1945 г. № 7430с «О распространении на военнопленных, работающих на горнорудных предприятиях цветной металлургии, порядка снабжения продовольствием, установленного п. 15 постановления ГКО № 5825с от 7 мая 1944 г.».

⁴ Постановление ГКО от 14 октября 1944 г. № 6725с «Об упорядочении трудового использования и повышении производительности труда военнопленных».

⁵ Распоряжение ГКО от 17 ноября 1944 г. № 6954с «О дополнительных поставках Наркоматом заготовок муки для военнопленных на 4 квартал 1944 г.».

ровителя вместимостью 20–25 тыс. человек каждый. Кроме того, в первом квартале 1945 г. для вновь организуемых лагерей военнопленных предлагалось направить в распоряжение ГУПВИ НКВД СССР 3 тыс. офицеров из числа ограниченно годных к строевой службе, в том числе 500 врачей и 200 средних медработников¹.

По мере приближения окончания войны снабжение военнопленных улучшалось. Согласно протоколу заседания Оперативного бюро ГКО под председательством Л. П. Берии от 27 марта 1945 г. № 19 на нем был принят проект постановления ГКО «О мерах по улучшению трудового использования и материально-бытового положения военнопленных». Соответствующее постановление от 29 марта 1945 г. предписывало с 1 апреля 1945 г. увеличить основную норму суточного довольствия военнопленных: она должна была содержать 21 наименование продуктов, в том числе 600 г хлеба ржаного. Для лечения военнопленных в прифронтовых районах выделялось десять госпиталей. Лагерьм ГУПВИ НКВД СССР передавалось военно-хозяйственное имущество: сапожный инструмент, машинки для стрижки волос, бритвы. Для нужд лагерей было разрешено вывозить из Германии трофейный сельскохозяйственный инвентарь, оборудование и строительные материалы. Для общегоспитальных больных и больных дистрофией выделялось сухое молоко².

Однако тенденция к улучшению материально-бытового положения военнопленных иногда прерывалась. Так, в августе 1945 г. из-за ограниченных ресурсов продовольствия не вывезенным в СССР военнопленным уменьшили норму по мясу и жирам на 50 %, а взамен увеличили норму отпуска бобовых на 20 г в сутки на человека³.

После капитуляции Германии остро встали вопросы о размещении и трудоустройстве оказавшихся в советском плену людей. Эти вопросы подробно регламентировались в постановлении ГКО от 15 мая 1945 г. № 8672сс. Государственный комитет обороны обязал НКВД СССР в течение мая-июня 1945 г. направить на работу на предприятия и стройки 1250 тыс. военнопленных. Для охраны вновь прибывших военнопленных Наркомату внутренних дел разрешалось сформировать 30 полков конвойных войск, увеличив при этом численность войск НКВД на 49 тыс. человек, годных к строевой службе, из состава НКВ СССР. ГКО также обязал предприятия и стройки, на которые направлялись военнопленные, обеспечить необходимые условия для их приема. Судя по прилагавшемуся к постановлению списку из 24 наркоматов, в которые направлялись пленные, больше всего – 100 тыс. человек – направлялось в Наркомуголь; по 65 тыс. человек планировалось передать в ведение Наркомстроя и Наркомата путей сообщения⁴.

В ряде случаев распоряжения ГКО касались организации лагерей ГУПВИ НКВД СССР, размещенных вблизи важных промышленных объектов. Так, в феврале 1945 г. ГКО обязал Главвоенпромстрой при Совнаркоме СССР завершить в марте 1945 г. строительство лагеря для военнопленных при Воронежском заводе синтетического каучука и доукомплектовать лагерь до 2 тыс. человек, а в августе 1945 г. распорядился организовать в Грузинской ССР лагерь на 1500 военнопленных для работы на предприятиях треста «Грузнефтепромматериалы»⁵.

Вопросам распределения военнопленных по наркоматам и организации их трудоустройства было посвящено и постановление ГКО от 4 июня 1945 г. № 8921сс. В соответствии с ним для поднятия производительности труда и установления строгой дисциплины разрешалось организовывать из военнопленных батальоны, роты и взводы, используя на низовых должностях (до командира роты включительно) во-

¹ Постановление ГКО от 13 января 1945 г. № 7319сс «О материальном обеспечении лагерей военнопленных в 1 квартале 1945 года».

² Постановление ГКО от 29 марта 1945 г. № 7946сс «О мерах по улучшению трудового использования и материально-бытового положения военнопленных».

³ Постановление ГКО от 30 августа 1945 г. № 9950с «Об изменении норм и порядка довольствия репатриантов, военнопленных и немцев, привлекаемых на демонтажные работы».

⁴ Постановление ГКО от 15 мая 1945 г. № 8672сс «О вывозе военнопленных с фронтов и направлении их на работу в промышленность».

⁵ Распоряжения ГКО от 23 февраля 1945 г. № 7587с «О сроке окончания строительства и оборудования лагеря для военнопленных на заводе СК-2 Наркомата резиновой промышленности»; от 8 августа 1945 г. № 9813с «Об организации в Грузинской ССР лагеря на 1500 военнопленных для работы на предприятиях треста „Грузнефтепромматериалы“».

еннопленных-офицеров, в первую очередь специалистов. Также предусматривался особый порядок стимулирования и принуждения военнопленных к выполнению установленных государственных норм выработки. Для военнопленных, выполняющих и перевыполняющих государственные нормы выработки, размер денежного вознаграждения увеличивался на сумму от 100 до 200 руб. в месяц в зависимости от процента перевыполнения норм. Для высококвалифицированных специалистов, бухгалтеров, десятников, командиров взводов и рот – от 125 до 500 руб. в месяц в зависимости от перевыполнения норм руководимыми ими подразделениями. Хорошо работающим предполагалось предоставить улучшенные условия размещения, выдавать в первую очередь одежду, обувь, постельные принадлежности, дополнительное питание и хлеб; кроме того, допускалась организация в лагерях ларьковой торговли предметами личного обихода. Администрациям лагерей предоставлялось право оставлять не выполняющих производственные задания военнопленных на сверхурочные работы до двух часов сверх обычного рабочего времени. В отношении плохо работающих разрешалось применять аресты, содержание на гауптвахте, перевод на срок в штрафные подразделения с особо тяжелым режимом работы, лишение денежного вознаграждения и дополнительных видов питания. Злостно уклоняющихся от работы и дезорганизаторов производства предлагалось предавать суду военного трибунала. Также разрешалось использование вспомогательных команд из числа военнопленных при выводе на работу; в отдаленных от границ районах допускался вывод на работу без конвоя. Было установлено, что сопровождение занятых на работах НКО СССР и НКПС СССР военнопленных должно осуществляться вооруженной охраной этих наркоматов¹.

Новым в нормативной практике стал вопрос об освобождении части военнопленных. Вышеуказанное постановление ГКО разрешало НКВД СССР освободить из лагерей и спецгоспиталей и отправить на родину военнопленных, которые не могут быть использованы на работах по их физическому состоянию: инвалидов, хронических больных, длительно нетрудоспособных – всего 225 тыс. человек. Вывоз нетрудоспособных из лагерей и спецгоспиталей планировалось произвести в течение июня-июля 1945 г. обратными эшелонами, доставляющими военнопленных с фронтов. Вопросу освобождения части военнопленных было посвящено и постановление ГКО от 13 августа 1945 г. № 9843сс. В нем НКВД СССР обязывался до 15 октября 1945 г. освободить и отправить на родину военнопленных рядового и унтер-офицерского состава в количестве 708 тыс. человек. Среди них – 412 тыс. немцев, 150 тыс. венгров, 30 тыс. румын, 30 тыс. австрийцев, 32,6 тыс. чехов и словаков, 19,8 тыс. поляков и т. д. Было указано, что лица, служившие в войсках «СС», «СД», «СА», гестаповцы и все выявленные участники зверств отправке на родину не подлежат².

Анализ содержания постановлений и распоряжений ГКО показал, что вопрос о военнопленных начал подниматься в них только после Сталинградского сражения, когда количество попавших в русский плен иностранных военнослужащих стало быстро возрастать. Единственным исключением было постановление ГКО от 22 ноября 1941 г. № 947сс об освобождении иранских пленных, однако вопрос об их статусе нуждается в дальнейшем изучении. На заключительном этапе войны было принято свыше десятка постановлений и распоряжений ГКО, посвященных приему, размещению и трудоустройству пленных, их материально-бытового обеспечению и репатриации. Это свидетельствует о том, что и в условиях военного времени Советское государство соблюдало положения международных конвенций о военнопленных и старалось создать для них приемлемые условия существования.

Список литературы

Венгерские военнопленные в СССР: док. 1941–1953 годов / сост. Д. И. Борисов и др. М.: РОС-СПЭН, 2005. 543 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Логос, 2000. 1118 с.

¹ Постановление ГКО от 4 июня 1945 г. № 8921сс «О распределении военнопленных и мероприятиях по улучшению их трудового использования».

² Постановление ГКО от 13 августа 1945 г. № 9843сс «Об освобождении и возвращении из СССР на родину 708 тыс. военнопленных рядового и унтер-офицерского состава».

- Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Грааль, 1997. 248 с.
- Каталог иностранных воинских захоронений на территории Российской Федерации / авт.-сост. Е. А. Пилаев, В. В. Толочко, Д. Н. Соколов и др. М.: Росвоенцентр : Армпресс, 2014. 475 с.
- Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Ин-т воен. истории, 1998. 163 с.
- Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Сибирь, 1997. 261 с.
- Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Вологод. ин-т права и экономики Минюста России, 2004. 392 с.
- Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. М.: Ин-т энергии знаний, 2011. 233 с.
- Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.): путеводитель. М.; Дрезден; Бонн; Кассель: Федер. архив. агентство РФ, 2008. 457 с.
- Мотревич В. П. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1998. С. 120.
- Мотревич В. П. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области: численность, дислокация, современное состояние // Военный комментатор. 2000. № 1. С. 65–73.
- Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. 503 с.
- Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: ГУ, 2006. 500 с.

References

- Borisov D. I. et al. (Eds.) (2005) *Vengerskie voennoplennye v SSSR: dokumenty 1941–1953 godov* [Hungarian prisoners of war in the USSR: documents of 1941–1953]. Moscow, ROSSPEN, 543 p.
- Galitskii V. P. (1997) *Finskie voennoplennye v lageryakh NKVD (1939–1953 gg.)* [Finnish prisoners of war in NKVD camps (1939–1953)]. Moscow, Graal', 248 p.
- Konasov V. B. (1998) *Sudebnoe presledovanie nemetskikh voennoplennykh v SSSR. Vneshnepoliticheskii aspekt problemy* [Prosecution of German prisoners of war in the USSR. The foreign policy aspect of the problem]. Moscow, Institut voennoi istorii, 163 p.
- Kuz'minykh A. L. (2004) *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [Foreign prisoners of war of the Second World War in the European North of the USSR (1939–1949)]. Vologda, Vologodskii institut prava i ekonomiki Minyusta Rossii, 392 p.
- Kuznetsov S. I. (1997) *Yapontsy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.)* [Japanese in Siberian captivity (1945–1956)]. Irkutsk, Sibir', 261 p.
- Markdorf N. M. (2011) *Inostrannye voennoplennye, internirovannye, vlasovtsy, beloemigranty v Zapadnoi Sibiri: 1942–1956 gg.* [Foreign prisoners of war, internees, Vlasovites, white emigrants in Western Siberia: 1942–1956]. Moscow, Institut energii znaniy, 233 p.
- Mesta sodержaniya voennoplennykh vermakhta na territorii byvshego Sovetskogo Soyuz (1941–1956 gg.)* (2008) [Places of detention of prisoners of war of the Wehrmacht on the territory of the former Soviet Union (1941–1956)]. Moscow, Dresden, Bonn, Kassel, Federal'noe arkhivnoe agentstvo RF, 457 p.
- Motrevich V. P. (1998) Voennoplennye [Prisoners of war]. In Alekseev V. V. (Ed.) *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii URO RAN, P. 120.
- Motrevich V. P. (2000) Inostrannye voinskie zakhoroneniya v Sverdlovskoi oblasti: chislennost', dislokatsiya, sovremennoe sostoyanie [Foreign military burials in the Sverdlovsk region: number, dislocation, current state]. In *Voennyi kommentator*, no. 1, pp. 65–73.
- Pilyaev E. A., Tolochko V. V., Sokolov D. N. et al. (Eds.) (2014) *Katalog inostrannykh voinskikh zakhoroneni na territorii Rossiiskoi Federatsii* [Catalog of foreign military graves on the territory of the Russian Federation]. Moscow, Rosvoentsentr : Armpress, 475 p.
- Sidorov S. G. (2001) *Trud voennoplennykh v SSSR, 1939–1956 gg.* [Labour of prisoners of war in the USSR, 1939–1956]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 503 p.
- Surzhikova N. V. (2006) *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny Na Srednem Urale (1942–1956 gg.)* [Foreign prisoners of war of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956)]. Yekaterinburg, GU, 500 p.
- Zagorul'ko M. M. (Ed.) (2000) *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Volgograd, Logos, 1118 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 07.11.22.
Уч.-изд. л. 10,25. Объем 1,86 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит